

ЭДОР
ХРОНИКИ
ЯРКОГО ВЕКА

ДАНА АРНАУТОВА
СТАЛЬНОЙ
ПОДСНЕЖНИК

18+

Дана Арнаутова
Стальной подснежник

«Автор»

2017

Арнаутова Д.

Стальной подснежник / Д. Арнаутова — «Автор», 2017

ISBN 978-5-17-113044-2

Друзья звали ее Стальным Подснежником, враги - упрямой и живучей стервой. Однако дар боевого мага не вечен. Теперь судьба леди Лавинии Ревенгар - стать разменной монетой в чужих интригах и королевской наградой для коменданта пограничной крепости, недавно потерявшего любимую жену. Лавиния верит: можно лишиться всего, кроме стального характера и чести. Комендант Эйнар знает: есть шанс вернуть погибшее счастье, но цена запредельна. Можно ли не ошибиться, выбирая между новой любовью и старой верностью? Расцветет ли стальной подснежник среди пепла и льда?

ISBN 978-5-17-113044-2

© Арнаутова Д., 2017

© Автор, 2017

ГЛАВА 1. Две аудиенции

– Так значит, теперь, когда я не могу умереть за Орден в бою, он милостиво позволяет мне слдохнуть самой по себе? Пятнадцать флоринов в зубы – и доброго пути?

Ло старалась говорить спокойно, но кипевший в ней гнев все равно просачивался в голос, отравляя интонации. А что хуже всего – она отлично знала за собой эту мерзкую особенность – если сдерживаться слишком долго, после злость вырвется наружу непредсказуемым способом.

– Леди Ревенгар, не стоит представлять все таким образом.

Антуан Саттерклиф, великий магистр Ордена, только досадливо поморщился, словно отчитывая нашалившую адептку, и немного наклонился вперед. Массивная звезда-семилучевик, усыпанная драгоценными камнями, – знак его сана – блеснула Ло в глаза россыпью цветных огоньков, хотя свет падал магистру в спину.

– Пятнадцать флоринов, о которых вы отзываетесь с таким пренебрежением, это почетная пенсия. И многие были бы ей рады.

– О, не сомневаюсь! – выплюнула Ло. – На нее ведь можно целый месяц жить в съемной комнатухе на окраине и позволять себе любые лакомства из овсянки и пареной репы. Не отводите глаза, магистр! Вы отлично знаете, что такое пятнадцать флоринов в столице для женщины моего происхождения.

– Ну...

Магистр и вправду с подчеркнутым вниманием рассматривал настенную карту за спиной Ло.

– Столица, кстати, не слишком полезное место при вашем... состоянии здоровья. В провинции жизнь дешевле, а в двадцать шесть лет, да с вашим умом и внешностью...

– Я не собираюсь бегать за деревенскими женихами, подобрав драные юбки, купленные на ваши полтора десятка монет. Вы обещали мне место преподавателя, когда закончится мой армейский контракт. Он закончился. И я не вижу ни одного претендента с большим боевым опытом, чем у меня. Даже странно, не правда ли? Место в Академии – вот все, чего я хочу.

Ло сцепила руки за спиной, задрал подбородок и чуть заметно покачиваясь с каблука на носок. Со стороны поза выглядела высокомерной, а в облегающих штанах и мужском камзоле – так и вовсе вызывающей, но не объяснять же каждому болвану, что так у нее меньше болит спина, если приходится подолгу стоять. А сесть магистр ей не предложил. Наверное, боялся, что тогда она расположится в его кабинете надолго. Правильно боялся!

– Не с вашим заболеванием! – отрезал Антуан и без всякой нужды переложил с места на место пресс-папье из вулканического камня.

Золоченая надпись на полированной темной плитке блеснула в солнечных лучах – за окном разгорался уже седьмой день мирной жизни. Жизни, в которой боевая магичка, лишившаяся дара, оказалась бесполезным грузом для поредевшего Ордена.

– Я не больна! – огрызнулась Ло. – Я всего лишь могу умереть в любую минуту. Так это можно сказать о каждом. Даже о вас, магистр.

– Угрожаете? – нехорошо прищурился Антуан и тут же опомнился: – Ладно, ладно... Послушайте, Лавиния, мне действительно жаль. И ваш опыт бесценен – признаю. Но преподаватель без капли дара? Вы себя помните в их годы? Это же не просто дети! Это мажата, еще не умеющие контролировать силу. Или не желающие. Они вас живьем съедят!

– Подавятся, – процедила Ло, умом понимая, что магистр до тошноты прав. – Я вполне могу читать курс герменевтики. Или теории стихий. Да хоть этикета – в тридцать три рогадых демона через Барготову мать!

– Последний аргумент особенно убедителен, – с каменным лицом согласился магистр.

Встав из-за стола, он подошел к окну и задернул шторы. Неужели изволил заметить, что гостя морщится от солнца в лицо? Ло хмуро посмотрела в сухопарую спину, обтянутую чер-

ным суконным камзолом. Саттерклиф носил траур по погибшему сыну. Длинные волосы магистра, перевязанные черной же лентой, падали на спину неряшливым белым хвостом, и Ло только сейчас поняла, что Саттерклиф за последние месяцы почти полностью поседел и будто стал ниже ростом. А ведь всего год назад был полон сил и жизни.

– Послушайте, Лавиния, – утомленно сказал Антуан, вернувшись к столу и не присев за него снова, а опираясь о столешницу ладонями. – Я сколько угодно могу говорить, что мне жаль, но это ничего не изменит. Мы оба знаем, что магия исцеления здесь бесполезна. Думаете, я пожалел бы денег на лекарей для героини Руденхольмского ущелья? Для Стального Подснежника? Да я бы последнее выскреб из казны, хотя она, видит Пресветлый Воин, и так пуста. У меня дюжина человек в госпитале – и это только полноценные маги. Да адептов два десятка. И целители говорят, что большая часть из них останется калеками. Ну, хоть с даром... И многие тоже мечтают о месте преподавателя. Понимаете, Лавиния? У них еще вся жизнь впереди! Ну и что, что без руки или с обожженным лицом – преподавать это не мешает. А вы... Вам ведь даже волноваться нельзя! Осколок стронется, дойдет до сердца и...

– Хватит! Можете дальше не объяснять!

Ло услышала свой голос словно со стороны. Звонящий, полный холодной ярости, как темная вода в полынне бывает пополам с острой ледяной крошкой.

– Благодарю, мне все понятно, – продолжила она, выталкивая слова через ком в горле. – Вы абсолютно правы, магистр Саттерклиф. Следует позаботиться о тех, кто не отдаст концы от ужаса, увидев мышь в аудитории, и сможет сплести хотя бы простейший аркан. И вы правы, для казны Ордена даже мои пятнадцать флоринов – нешуточная трата. Зато можно надеяться, что долго эти расходы не продлятся.

Ничего не видя прямо перед собой в отлично освещенном кабинете, Ло вслепую развернулась, ткнулась в закрытую дверь, толкнула рукой. То ли пружину за время ее отсутствия сменили на более тугую, то ли толкнула она слабее, чем показалось, но дверь осталась неподвижна.

– Лавиния Ревенгар! Остановись! Не смей, говорю, дурная девчонка!

– Была девчонка, да сдохла в Руденхольме, – прошептала Ло, с размаху саданув по двери ногой в армейском сапоге. – И жалко, что не вся...

Под крики Антуана она пролетела приемную, чудом не сбив кинувшегося наперерез секретаря, через две ступеньки пробежала по лестнице – длинной, до самого холла на первом этаже. И только там остановилась, да и то не потому, что устала, а просто холл был полон.

Ло прищурилась – в полутемном зале небольшие окна вдобавок были прикрыты массивными решетками. То ли память о тех временах, когда здание Ордена служило крепостью на случай городских боев, то ли просто чтоб не выцветали многочисленные штандарты, развешанные по стенам. А людей не так уж много. И большая часть – подростки. Мальчишки лет двенадцати-тринадцати, все по-разному одетые, кто хорохорится, кто любопытно озирается по сторонам... А вон стайка девчонок того же возраста – забились в уголок, только светлые платица видны в сумерках. Набор! Как же она могла забыть? Это ежегодный осенний набор учеников.

Но, Пресветлый Воин, почему так мало? До войны Орден каждый год набирал две-три сотни ребят. Кто-то уходил, сразу не выдержав, кто-то отсеивался потом, но поначалу обучение велось сразу в десятке классов, и только потом они постепенно сливались, чтобы к концу десятилетней учебы орденский перстень надели две-три дюжины магов и магесс. А здесь... Здесь и сотни не наберется. Неужели у Ордена не просто плохо с деньгами, а настолько плохо? Но это бред – куда деваться остальным одаренным детям?

Ло шла по длинному залу, чувствуя на себе множество взглядов, слыша за спиной шепотки. И еще больше выпрямляла и без того идеальную спину, печатая шаг. Потом она сможет свалиться в гостинице, подложив подушечку под ноющую поясницу, прикрыв глаза и отпиваясь травяным чаем от ломоты в перебитых ребрах – все потом. Сейчас она не калека, только

что вышвырнутая из Ордена за ненадобность. Она все еще его часть. И лучший боевой маг Ордена в своем поколении, хоть и бывший. Лучший просто потому, что остальные не дожили.

– Госпожа магичка! Госпожа...

– Леди магесса, – сухо поправила она мальчишку, бросившегося ей наперерез и явно перепуганного собственной дерзостью. – К старшим собратам следует обращаться лорд и леди независимо от их происхождения. Что тебе, юноша?

– Госпожа... То есть леди магесса! А правда, что вы и есть эта? Ну, эта...

– Я безусловно эта, а не та, – усмехнулась Ло. – Выражайся яснее. Так кто я?

– Стальной Подснежник! – выпалил мальчишка и даже зажмурился, но тут же распахнул карие глазища, глядя на Ло с восторгом.

– Леди Лавиния Ревенгар к вашим услугам, юноша, – устало сказала Ло, уговаривая себя не сорваться.

Это мальчишка, просто мальчишка. А хоть бы и девчонка. Всем им, будущим мажатам, нужны герои. А из нее всенепременно сделают героиню – не может Орден упустить такой случай. Повесят портрет в аудитории, напишут биографию – и будут первокурсники-адепты заучивать жизнеописание магессы Ревенгар, в котором хорошо, если одна строчка из дюжины окажется правдивой. И хорошо, если она сама до этого не доживет. Упаси Пресветлый Воин стать легендой при жизни.

– Да, меня и так называли, – вздохнула она, глядя в круглое конопатое лицо будущего собрата. – И что?

– Ничего, – смутился мальчик, судя по одежде, из небогатых купцов или состоятельных ремесленников. – Прошу прощения, леди. Я просто хотел поблагодарить вас. Мой старший брат – сержант третьего пехотного полка. Он был в Руденхольме. Моя мать... она молится о вас каждый день. Она сказала, если я когда вас увижу, поклониться вам от всей семьи.

Он опустился на одно колено, склонил голову, а в зале вдруг стало так тихо... Смертельно тихо, как называл это Арчибальд Леруазен, оставшийся в Руденхольмском ущелье, чтобы брат этого мальчишки смог уйти.

– Скажи матери... – что-то слишком часто у нее перехватывало горло сегодня, – что я не сделала ничего особенного. Просто выполнила свой долг. И учись... хорошо.

– Да, леди магесса Ревенгар.

Карие глазища смотрели с обожанием. Смотри-ка, еще выдумает себе великую любовь... Хотя в его возрасте это полезно. Ло вздохнула. Сняла с пояса безделушку – перочинный ножик с клеймом ордена – наклонилась и сунула в руки мальчишке, сказав негромко, но зная, что ее слышат все в этом зале:

– В Руденхольмском ущелье погибли пятеро магов и семеро адептов. Твой брат обязан жизнью им, а не мне. Знаешь девиз Ордена? «Учись прилежно, живи честно, умри доблестно». Как тебя зовут, юноша?

– Тайлин... Тайлин Формиз.

– Учись прилежно, Тайлин, – повторила Ло. – И живи честно. Этого пока вполне достаточно.

Рывком поднявшись, она почти пробежала по залу – еще не хватало кому-то увидеть не слезы, нет, просто зажмуренные глаза.

Выскочила на улицу, под яркое безоблачное небо, вдохнула прохладную столичную сырость и поняла, что сегодня напьется. Обязательно! Но – вечером. Потому что в полдень ей предстоит малая аудиенция у его величества.

* * *

К шепоткам за спиной Ло привыкла давно. В детстве ее сила была нестабильна, и сначала окружающие болтали о бесталанной девчонке, которую взяли в Академию не иначе как по про-

текции деда-преподавателя. Это было так глупо, что даже не обидно: любой здравомыслящий и знающий человек понимал, что без дара обучение не пройти. А на дураков Ло было плевать.

Потом сплетничали о молодой талантливой магессе, которая, вот жалость какая, выбрала совершенно не женскую специализацию боевых чар. Это было еще глупее: силу не выбирают, она сама выбирает мага, причем иногда очень странно. Ло попадались и редкостные говнюки с даром целителя, и нежнейшей души некроманты. Боги, роняя в душу будущего мага искру, любят пошутить.

И все эти годы о ней шептались, шептались, шептались... В шелесте и шорохе вкрадчивых шепотков слышались зависть, презрение, ханжество – не было только жалости. И Ло казалось, что никогда не будет. Жалость она ненавидела еще сильнее, чем насмешки. А вот теперь, пройдя дворцовыми коридорами, ясно читала ее в любопытных взглядах и все сильнее злилась. Проклятые стервятники! Она еще жива и примерять саван не собирается!

К тому моменту, как чопорный церемониймейстер объявил, что его величество желает видеть леди Ревенгар в малом кабинете, Ло уже была, как стрела на натянутой тетиве, – готова сорваться.

Но, ступив на шоколадного цвета ковер в небольшой и совсем не богато мебелированной комнате, притихла. Конечно, не из благоговения перед монархом, а просто от удивления.

Единственный раз до этого Ло видела его величество вблизи на принятии присяги, но тогда он выглядел... больше похожим на парадные портреты, пожалуй. Или она была юной восторженной дурочкой. Сейчас королевский кабинет напоминал ей обиталище какого-нибудь провинциального мэра, а его хозяин – чиновника средней руки.

Немолодой, слегка сутуловатый мужчина с залысинами хмуро глянул на нее из-за стола темно-серыми с болотной прозеленью глазами-буравчиками. Оглядел от стянутых на затылке в хвост коротких волос до носков запыленных сапог, едва заметно скривился. Ло и сама поняла, что выглядит совсем неподобающе леди, но за три года войны растеряла все ненужные в горах и лесах платья, оценив преимущества штанов и армейской обуви. А новые наряды шить не собиралась, втайне надеясь на преподавательские мантии, выдаваемые Академией. Платья пусть Мелли шьет, ей нужнее.

Кстати, белокурая коса, единственное, что Ло признавала у себя красивым, тоже осталась там, в пограничных лесах, в первую же зиму. Некромант Маркус предлагал вывести вшей магией, раз уж горячая вода и мыло стали роскошью, но Ло, скривившись от брезгливости, ножом отхватила толстый жгут волос чуть ли не под корень и только тогда подставила голову под зеленое сияние, льющееся с пальцев друга. Потом она обрезала едва подросшие пряди постоянно, и только в лазарете, пока Ло месяц валялась едва живая, они отросли до плеч.

– Леди Лавиния Ревенгар, – не столько сухо, сколько невыразительно сказал его величество Криспин. – Как ваше здоровье?

– Прекрасно, сир.

Делать реверанс в штанах было бы глупо, так что Ло поклонилась.

– Лекари другого мнения. Они утверждают, что о месте преподавателя в Академии Ордена не может быть и речи.

Ло почувствовала, как ее щеки загорелись румянцем. Она еще и слова не сказала, не привела все безупречные и тщательно выверенные доводы, которые готовила с таким прилежанием – а ей уже отказали. И как только король узнал?! Неужели... магистр Саттерклиф? Больше никому, разумеется.

– Ваше величество не желает меня выслушать? – с трудом сохраняя спокойствие, поинтересовалась она.

– В этом вопросе – не желает, – отрезал король. – Не вижу ни малейшего смысла оспаривать решение великого магистра. Вы много сделали для короны и страны, леди Ревенгар, я не считаю разумным и дальше жертвовать вашим здоровьем. Вам назначили пенсию?

– Да, сир.

Ло заставила себя дышать размеренно и ритмично, как перед плетением заклатья, – разговор еще не окончен, ни в коем случае нельзя предстать перед королем истеричной сумасбродкой.

– Сколько бы это ни было, я удвою сумму и добавлю к пенсии от Ордена свою. Не слишком щедро за то, что вы сделали, но казна и так пуста.

– Я понимаю, сир. Очень вам благодарна...

Ло снова поклонилась, чувствуя себя дрессированной собачкой, стоящей на задних лапах за печенье. Пенсия – всего лишь подачка, пусть и чуть более увесистая. Что ж, не в ее положении быть слишком гордой, ведь еще предстоит выдавать замуж Мелли. Каждый флорин скоро будет на счету.

– У вас есть другие просьбы? – все тем же скучающим тоном поинтересовался король, подвигая к себе стопку аккуратно обрезанных листов плотной бумаги и беря перо.

– Да, ваше величество. Если я больше не могу колдовать, то, возможно, в Королевской Академии...

Ло запнулась, ненавидя саму себя за просительный тон и неумолимое предчувствие отказа. Почему ей непременно должны отказать, она и сама не знала, но разве так разговаривают с офицером, который отдал королевской службе все: здоровье, магию, саму жизнь? Это не просто обидно, это... нелепо, в конце концов! Разве она просит милостыню? Она лишь хочет и дальше служить стране, как умеет. А умеет она многое! Обучение мага – это же не просто чары, это знания во всех областях современной науки!

Все это и многое другое она готовилась объяснять и доказывать, но не пришлось. Король, подняв голову от бумаг, в которые успел глянуть, утомленно вздохнул:

– Вы полагаете, леди, что моя Академия возьмет...

«Второсортный товар?» – прочла Лавиния невысказанное по глазам короля.

– ...преподавателя, от которого отказался Орден?

– Я надеюсь... – начала она.

– Впрочем, есть одна возможность, – задумчиво сказал его величество Криспин. – Допустим, место преподавателя истории. С полным обеспечением, жалованьем и сохранением пенсии, разумеется. Вас бы это устроило, леди Ревенгар?

Место историка? Ло ушам не верила – такая щедрость сразу после отказа!

– Конечно, сир, – выпалила она, едва сдерживая радость. – Я могу приступить к работе немедленно! Сейчас ведь как раз осенний набор студiuозусов, и...

– О, не так быстро... – протянул король, откидываясь на спинку резного деревянного кресла с бархатной обивкой и снова разглядывая Ло с каким-то подозрительным вниманием. – Вы же понимаете, моя дорогая леди, что в этом деле я иду наперекор собственным принципам? Да еще и рискуя поссориться с магистром Саттерклифом. Думаю, будет справедливо, если вы тоже ответите мне небольшой приятной услугой. Скажем, потратите один-два месяца, чтобы скрасить мое одиночество по вечерам и ночью. Леди Мэвелли, моя прошлая фаворитка, недавно решила устроить свою жизнь, составив счастье одного из моих же генералов. Понятное желание для женщины, я совершенно не в претензии. Но засыпать в холодной постели не люблю.

– Возможно, вашему величеству стоит поискать другую претендентку? – тихо и очень зло спросила Ло. – Более... подходящую?

– То есть милую, скромную и женственную, в отличие от вас? Способную оценить предлагаемую честь и проявить благодарность за покровительство?

В голосе короля явно слышалась ирония. Ло стиснула зубы, выпрямившись еще сильнее и чувствуя себя породистой кобылой под придиричивым взглядом лошадника, нашедшего кучу недостатков. Она так и слышала голос, точь-в-точь с королевскими интонациями тянувший

вслух: «Кобылка норовиста, да и не первой молодости уже. Хотя кровей хороших и на ходу не засекается. Можно и попробовать. Хороший хлыст и пряник не таких от лишнего норова лечили...»

– Прекрасное описание, ваше величество, – с ласковой ядовитостью отозвалась она. – Совершенно противоположное мне, как видите. Очень сожалею, что не могу соответствовать столь резонным требованиям.

И к Барготу место преподавателя, хоть в Академии Ордена, хоть в личном ученом заповеднике короля. К Барготу и тридцати трем его демонам место, ради которого придется раздвигать ноги и ложиться под эту скотину с рыбьей кровью и взглядом лошадиного барышника. Ло Ревенгар проживет и так – тем более, сколько ей той жизни осталось?

– Что ж, – хмыкнул ее собеседник. – Неволить не буду. Разрешите только полюбопытствовать, леди, это вам лично я так не нравлюсь, или верны слухи, что магессы Ордена предпочитают носить штаны, потому что сами мужеподобны?

– Как вы смеете? – прошипела Ло, вскидывая голову. – Я не дала никакого повода разговаривать со мной так! Неудивительно, что женщинам приходится носить мужское платье, если первый из мужчин королевства забыл о мужском долге и чести.

– Как много красивых слов, леди...

Король рассматривал ее со странным удовлетворением, совсем без гнева, как могла бы ждать Ло. Но от этого казался еще опаснее.

– Я полагал, возвращение от самых ворот Претемных Садов смягчает нрав. Ошибался, похоже. Значит, вы мне решительно отказываете? Невзирая на последствия?

– А какие могут быть последствия, ваше величество? – старательно усмехнулась Ло. – Я совершеннолетняя высокородная женщина, глава своего дома по праву старшинства. И подчиняться сюзерену обязана только в рамках вассального кодекса. Напомнить вам, что согласно ему, вы можете потребовать мою жизнь, но не честь?

– Не стоит, – все с той же убийственной ироничной серьезностью отказался король. – А вам, леди Ревенгар, напомнить, что согласно тому же кодексу, в отсутствие старших родственников мужского пола я как ваш сюзерен обязан позаботиться о вас? В частности, устроить вашу судьбу через брак с достойным человеком. Вам никогда не приходило в голову, леди, что положение королевской фаворитки не худший выбор по сравнению с иным замужеством? Или у вас кто-то есть на примете? Если вы отказываете мне из соображений нравственности, готов рассмотреть любого претендента на вашу руку. Все равно вам потребуется мое согласие на брак.

Ло закусила губу, из последних сил сдерживая ругательство. Черное похабное ругательство, рвущееся с губ. Да, эту статью она тоже знала. Но ее использовали так редко! Да любой вменяемый король предпочитал позволять женщинам самим находить мужа, лишь бы не заботиться о внушительном приданом, которое в таком случае требовалось от него как от опекуна. Криспин рехнулся? Или это месть за отказ?

– Вижу – претендентов нет, – заметил, не позволяя себе даже усмешки, король. – И отчего-то не удивлен этим обстоятельством. Итак, давайте начистоту, леди. Либо вы принимаете мое предложение, а потом получаете место в Академии, раз уж вам так хочется учить недорослей, либо выходите замуж в интересах королевства. Вы бедны, как мышь в придорожной часовне, но старинного рода. А у меня много других героев войны, и кое-кто предпочтет получить вознаграждение титулом, а не золотом. Место фаворитки и потом свобода – или замуж за первого встречного. С вашей точки зрения первого, конечно.

– Да уж лучше за первого встречного, – ласково сообщила Ло тоном, после которого знающие ее старались убраться подальше. – Если я и сомневалась, то теперь убеждена. И если это все, ваше величество, то почтительно прошу разрешения откланяться.

– Разрешаю, – бросил король, снова уставившись в бумаги.

В последний момент вспомнив, что следует отступить к двери, не поворачиваясь, – а ведь казалось, что этикет в нее вколотили лучше, чем умение дышать, – Ло на негнущихся ногах сделала пять шагов, ступила за порог предупредительно открывшейся двери, за пределами кабинета развернулась, крутнувшись на каблуках, и длинно яростно выдохнула. О, как ей сейчас нужна была магия! Поджечь бы что-нибудь или грохнуть с размаха, подняв над головой одной силой мысли, – сразу полегчало бы.

«Ненавижу! – с яростным наслаждением думала она, несясь по коридорам и уже не замечая ничьих взглядов или приветствий. – Чтоб ты провалился, дражайший сюзерен, тварь болотная, мертвяк неуспокоенный! Да лучше и вправду замуж! То есть не лучше, конечно... Но что может быть хуже тебя? Ох, вот теперь и вправду не грех выпить! А лучше – нажраться самым неподобающим леди образом. Сплясать полуголой на трактирном столе, набить морду какому-нибудь типу понаглее, залезть на крышу городской ратуши и запустить фейерверк... Да что угодно, лишь бы ни один жених не взял даже с королевским приданым, к Барготовой матери его...»

Слетев с дворцовых ступеней и прошагав под бдительными взглядами вездесущей стражи до ворот, Ло остановилась на краю площади. Прижала ладони к горячим щечкам. Кипящая от унижения и злости кровь требовала немедленно творить глупости, голова слабо возражала, что следует подумать о репутации Мелиссы – кто ее возьмет замуж, опозорься старшая сестра настолько непристойно? И все-таки неизвестно до чего бы она додумалась, если б не услышала позади радостно-изумленный голос:

– Да это же моя милая Ло! Здравствуй, Подснежничек! Я и не знал, что ты уже в столице! Приехать и не зайти ко мне – как ты могла?

Обернувшись, Ло протянула руки, и ее немедленно притянули к себе, по-братски чмокнув в щеку. Кажется, прохожие косились на странную пару: длинноволосого щеголя в синем бархате и одетую по-мужски коротко стриженную женщину, но Ло было все равно. Маркус! Как же она в самом деле могла забыть? Впрочем, не забыла, конечно, просто к друзьям хочется идти с радостью, а у Ло последние дни были сплошь беды – не нести же их дорогому человеку.

– Маркус! – сказала она, невольно улыбаясь. – Ты прекрасно выглядишь. Слушай, ты свободен? В смысле, на этот вечер? Мне немедленно нужно выпить в хорошей компании.

– О...

Лорд Маркус Бастельеро, некромант и Избранный Смерти, чью компанию следовало уметь оценить, несколько мгновений глядел на нее, потом улыбнулся еще шире:

– Как угодно, Подснежничек! Не знаю, какой повод, но ты же мне расскажешь? Вон там мой экипаж, идем скорее, драгоценная!

На краткий миг Ло показалось, что сейчас все снова будет хорошо. Как раньше, в годы учебы или сразу после выпуска. Когда все их друзья еще были живы, и на пирушках поднимались бокалы только за любовь и удачу, а не в память об ушедших в Претемные Сады.

В карете Маркус немедленно достал из-под сиденья флягу с карвейном и протянул Ло.

– Не знаю, почему, но тебе и вправду нужно выпить, – откровенно сказал он. – На тебе лица нет. Ну, сейчас поговорим, или подождем, когда первая бутылка дно покажет?

– Сейчас, – мрачно сказала Ло. – Маркус, мне срочно нужно выйти замуж. Хорошо бы – прямо сегодня.

Бастельеро длинно присвистнул, так что кучер придержал лошадей и заглянул в окошко экипажа, узнать, не нужно ли чего господам. Маркус махнул ему ехать дальше и серьезно посмотрел на Ло. В сумраке кареты за предусмотрительно задернутыми занавесками его синие глаза казались непроницаемо темными.

– Что ты на этот раз натворила? – требовательно спросил он. – Ну же, драгоценная?

Откинувшись на спинку скамьи, Ло закрыла глаза и монотонно рассказала все. Как сбегала из госпиталя, узнав, что осколок под сердцем может убить ее в любую минуту. Как про-

сила Саттерклифа и короля. Как получила роскошное, мать его Барготову, предложение выслужить место преподавателя в должности королевской шлюхи. И как в одну минуту из шлюхи попала в невесты, ту же самую Барготову мать всеми демонами Междумирья...

– Да, дела... – растерянно сказал Маркус. – Ну, если так дело обстоит... Ло, выходи за меня? Я, конечно, не подарок, но...

Ло покачала головой.

– Нет, Маркус, тебе я жизнь портить не буду. Король такого не простит ни мне, ни будущему мужу. Да мне-то все равно... Только замуж придется выходить в храме Странника – больше никто без разрешения не обвенчает.

– Не горячи коней, Ло, – все так же задумчиво посоветовал Маркус. – Не завтра же тебя потащат под венец? А годного мужа в лавке не купишь и на улице не найдешь. Есть у меня пара знакомых... Напишу им сегодня же вечером, годится? А пока остановишься у меня. И не спорь! Выдумала тоже – жить в гостинице!

– Ох, Маркус, – благодарно сказала Ло, наконец-то отпустив страшное напряжение внутри себя. – Как скажешь, драгоценный. Но обещай, что сегодня мы все-таки выпьем? Я так устала...

Вместо ответа Маркус пересел к ней на сиденье, обнял, и Ло уткнулась ему в плечо, уговаривая себя, что хоть один вечер можно побыть слабой. Она так давно не позволяла себе подобной роскоши.

ГЛАВА 2. Три стервятника – к беде

Примету насчет стервятников Эйнар узнал еще в юности. Он тогда ходил под началом тана Дольфира в его личной Волчьей Сотне и по той же юной дурасти кичился, что не боится ни живых врагов, ни нежити. Зато старые вояки-Волки, завидев над лагерем или отрядом тройку падальщиков, мрачнели, сплевывали и делали знак, отвращающий зло, – смотря кто в какого бога верил. Эйнар сначала ухмылялся, а потом понял: и верно, появление трех стервятников – непременно к нехорошим покойникам. Одна гнусная птичка – это понятно, выглядывает, что пожрать. Две – тоже ничего страшного, надо же и им пароваться да гнезда вить. А вот трое – к беде, тут и к ведьме не ходи.

– Что, все кружат?

Подошедший Тибо, задрав голову, поглядел в небо, где плавали, то сходясь, то расходясь, три крылатые тени, потом пожал плечами и со вкусом сплюнул. О стервятниках он знал не хуже Эйнара, но хорохорился. Что ж, ничего странного – они не на гулянке, и уж трупы ожидаются точно. Причем самые что ни на есть нехорошие.

– Собирай отряд, – велел Эйнар вместо ненужного ответа на ненужный же вопрос. – На закате к распадку выйдем.

Кивнув, Тибальд пошел к костру, разведенному под пологом. Сырая кожа, растянутая на кольях, надежно скрывала огонь и рассеивала столб дыма. Сам Эйнар все равно учуял бы костер даже за милю, да и среди тех, кого они ловили, наверняка хватало бывших охотников, но стоянка ублюдков далеко: ущелье, по-местному – распадок, милях в семи. И часовых они ставят только возле лагеря – Эйнар с Тибо уже проверили.

Больше не обращая внимания на стервятников, он проверил оружие, снял сапоги и заново перемотал чистые сухие портянки, сменил рубашку на свежую, встряхнул и надел тяжелую, чуть влажную куртку-кожанку со стальными накладками, застегнув каждую пуговицу и подтянув ремни. Покосился на костер, откуда тянуло вкусным запахом каши, поставленной, пока Эйнар был в лесу. Потом на небо, где солнце уже клонилось к западу. Новобранцы, чтоб их. Сейчас налопаются, а потом с полным брюхом сначала на быстрый марш, потом в драку. Щенки дурные. Пополнение... Дал Пресветлый новый день, а король – заботу.

Он подошел к костру, в упор глянул на вскочившего кашевара: совсем юного, вихрастого и конопатого, как перепелиное яйцо. Тот поежился, опустил виноватый взгляд – вспомнил утренний приказ горячее на ужин не варить.

– Снимай, – велел Эйнара. – Кашу в кусты, котелок здесь оставь, тяжелые вещи на обратном пути заберем. К дереву, вон, подвесь...

– Жалко, господин капитан, – шмыгнул носом вихрастый Винсент. – Хорошая каша... Я сала положил и грибов чуток...

Под взглядом Эйнара он потупился, снял котелок и, чуть не плача, поплелся в кусты – выбрасывать. Эйнара обвел взглядом угрюмо молчащих парней – полтора десятка бывших крестьян смотрели на него почти с ненавистью, как на святотатца. Вывернуть котел доброй еды – да за такое в деревне и голову проломить могут, особенно там, где пережили Голодные Годы. Только Тибо глядел понимающе: спусти один раз невыполнение приказа – и про порядок в отряде можно забыть. По-хорошему, Винсента еще и наказать следовало, но не перед боем же.

– Вы дыру в животе видели? – негромко спросил Эйнара не глядя ни на кого, а получалось так, что разом на всех. – Когда лекарь наконечник достает с кишками, шьет их и обратно запикивает. Если кишки пустые – можно залить зельями, и один раненый из трех выкарабкается. А вот если полные – сразу копай могилу и жди, пока человек от горячки помрет. Помрет он непременно, потому что магов-целителей тут нет. Кто на охоту ходил, знает, что и волк загнанный втрое опаснее, а это не волки – люди страшнее любого зверья. Мародерам терять нечего, и воевать они обучены не хуже вашего. Так что котел каши не стоит того, чтобы подышать от меча или стрелы в брюхо. Всем ясно?

Он дождался нестройного, но послушного: «Так точно, господин капитан!» и в который раз недобрым словом помянул про себя короля, сменившего гарнизон крепости почти целиком – на три дюжины новобранцев осталось четверо опытных служак да два сержанта. Трое ушли провожать обоз, один свалился с лихорадкой, сержанта Малкольма пришлось оставить за старшего, так что в конце концов Эйнара пошел за бандой с едва натасканными щенками и Тибальдом. Ничего, заматереют, если живы останутся. Про то, что бывшие королевские солдаты, дезертиры и мародеры, воевать умеют куда лучше этой своры, он говорить не стал. Кто не дурак – сам сообразит, а пугать перед первым боем не нюхавший крови молодняк – дело неразумное.

Он еще раз оглядел хмурых парней, велел попрыгать и подтянуть все, что зазвякало или болтается. Тибо запрыгал первым – и в карманах у него зазвенело так, словно там лежала колодезная цепь. Ничуть не смущаясь, сержант с невинным видом вытащил несколько монет и маленькую подкову.

– Подкова тебе зачем? – хмуро поинтересовался Эйнара, чуя подвох.

– Так на счастье, – ухмыльнулся Тибо. – Зажму в кулак, дам кому-нибудь по морде – и будет мне сплошное счастье!

Рассовав монетки по разным карманам, он подпрыгнул снова, на этот раз бесшумно.

Шутка на вкус Эйнара вышла так себе, но, глядя на сержанта, и молодняк заскакал, проверяя карманы, посыпались шуточки про козлов и жеребцов...

А потом они пошли по заранее проложенным вешкам неторопким, но на деле быстрым шагом, которым Эйнара последний месяц каждое утро гонял гарнизон вокруг крепости. Тогда мальчишки скулили, особенно в дождь, зато сейчас ломились, как лоси, не замечая вес оружия и доспехов. Тибальд шел первым, Эйнара замыкал и думал, что если они с Тибо – матерые волки, то эти еще даже не волчата, а стадо баранов. Хотя нет... Сравнение с волками, которым он раньше гордился, теперь саднило, как старый шрам, растертый паршивыми ремнями снаряжения. Он уже не волк, давно не волк. Пастуший пес, вот так будет точнее. А что масть похожа, так это не странно: волк и овчарка – те самые братья, что и у людей зачастую глотку друг другу перегрызть готовы.

Усмехаясь собственным мыслям, Эйнар не забывал зорко поглядывать и по сторонам, и вперед, на слегка растянувшийся отряд, и назад – никогда не помешает. И к распадку, узкому, мрачному даже в ясный день, потому что скалы нависают, они вышли вовремя, как раз на закате. Подошли с нужной стороны, и последние лучи солнца, оставив их в тени, упали с запада, высветив каменистый пятак, на котором был разбит лагерь.

От лагеря, впрочем, там было одно название. Три палатки из плотной парусины, костровище, обложенное камнями, да старая пастушеская хижина, у которой горе-вояки даже крышу подновить не изволили. Зимовать не собирались, значит. Решили поднакопить жирка да уйти перевалом на ту сторону, в долины Невии. А как волк жирок копит? Вот то-то же...

Еще раз растянув губы в злой усмешке, Эйнар дал парням отдышаться, но не вволю, чтоб разогретое ходьбой тело только восстановило силы, а не расслабилось. Расставил по заранее оговоренной диспозиции – весь день вчера зубрили сначала по карте, потом прямо на поляне, разбредясь по кустам. Того, что их заметят слишком рано, Эйнар не боялся: мародерская шваль даже на посту глушила местный самогон.

Достав арбалет, он взвел пружину, зацепил крючок и принялся ждать. Не прошло и пары минут, как с пригорка над лагерем понесся истошный вой солдатского рожка, голосящего побудку. Эйнар поднял свой, висевший на поясе, протрубил в ответ тревогу. Тибальд ответил обеденным сбором, потом заиграл: «К смотру стройся!» и закончил залихватским: «Равнение на короля».

Ошалевшие, ничего не понимающие ублюдки, годами привыкшие по рожку вставать, ложиться и подышать в бою, выбежали из палаток, наспех натягивая штаны и хватая оружие. Несколько человек выскочили из хижины. Эйнар поднял арбалет, расчетливо наметив цель, одетую получше и с мечом в руках. Но Тибальд успел раньше – нарядный запнулся и упал, покотившись по камням. Эйнар плавно повел арбалетом и нажал спусковой крючок чуть левее – упал еще один.

Всего бандитов, как посчитали они с Тибальдом во время разведки, было почти две дюжины. Не так уж много, но среди них явно затесалось несколько ветеранов, да еще прибудились местные, знающие горы, как собственный карман. Если бы банда ушла, ловить их по одному было бы делом гиблым. Так что выпускать он никого не собирался.

Тибальд выстрелил еще четыре раза, да Эйнар – два. Потом переполох, позволявший стрелять почти на выбор, поулегся, бандиты разбежались по укрытиям, кто-то заскочил в ту же хижину, кто-то кинулся вдоль по распадку, но там ждали полдюжины щенков Эйнара со строгим приказом близко не подпускать, бить из луков издали. Это к арбалету – дорогой и требующей сноровки вещи – они были не привычны, а луком каждый владел сызмальства наперекор всем королевским охотничьим законам.

Эйнар снова поднес к губам рожок, проиграл отбой вместо атаки. И первым кинулся вниз, к лагерю, поднимая за собой оставшихся щенков. Тибальд остался наверху, прикрывая. Вряд ли кого-то из бандитов всерьез обманула и успокоила хитрость с неправильным сигналом, но в бою иногда решает и мгновенная заминка, а Эйнар собирался выдрать у солдатской судьбы столько удачи, сколько сможет. Эх, если б не щенки, он бы просто подождал возвращения своих старых бойцов и заглянул сюда ночью, пройдясь по палаткам тихой беспощадной смертью. Однако новобранцев следует учить. И учить драться, а не резать спящих.

Все кончилось быстро. На удивление быстро и успешно, так что даже холодок между лопатками полз от такого успеха – легким победам Эйнар давно не верил. Но щенки сработали прямо как обученные солдаты: никто не запнулся, не подставился, не погиб, и даже раны оказались легкие – пятерых все-таки успели подрезать, да еще один вывихнул ногу. С потерями противника – никакого сравнения.

К тем семи, кого они с Тибальдом положили сразу, добавилось еще десять трупов: восемь в лагере, да двое успели убежать по распадку, где их, как и было велено, положили стрелами.

Еще пятерых, сразу ткнувшихся мордой в грязь и вопивших о пощаде, взяли живьем. Эйнар досадливо дернул углом рта, разглядывая перепуганных подонков, которых его новобранцы, гордясь собой, связали и притащили к капитану. Ну точно, как щенки, радостно несущие брошенную палку. Лучше бы этой пятерке подохнуть в бою. Вот и стервятники припомнились...

– Господин капитан! Господин капитан! – заголосил вдруг один из связанных, чумазый парень не старше Эйнаровых новобранцев, одетый по-местному в кожаные штаны с курткой и полосатую домотканую рубаху. – Вы меня не знаете? Я же из деревни! Из Гарвии я! Отсюда, снизу! Я вдовы Вальдонии сын!

Вальдонию Эйнар помнил, старуха разводила гусей и делала неплохие подушки, охотно продавая их в крепость. Помнил и сына... Эйнар присмотрелся. Точно, он. Что ж, значит, все еще хуже.

– И что ты здесь делаешь? – спросил он для порядка, хотя все и так было понятно.

– Так брат у меня тут, господин капитан, – угодливо зачастил парень, пытаясь поклониться, чему мешали двое держащих его солдат. – Брат у меня с войны вернулся. Позвал вот... А я ж не знал! Не знал, что они разбоем промышлять думают! Я бы никогда, господин капитан!

– Где брат?

Сын вдовы пугливо оглянулся в сторону трупов, разложенных шагах в пяти, жалко скривился, всхлипнул разбитым носом. Ясно...

– Из Гарвии, значит, – неторопливо уточнил Эйнар, глянув на небо, где гасли последние лучи заката. – Еще здесь ваши деревенские есть? Или другие местные?

– Я, господин капитан, – подал голос второй, постарше и хмуро-настороженный, как волк, попавший в капкан. – Тоже... из Гарвии.

Остальные трое молчали. Один глядел куда-то вдаль, мимо Эйнара, еще двое потупились. Эйнар снова посмотрел на тела. Семнадцать человек. Молодых и не очень, но уж точно способных заработать чем-то, кроме грабежа на большой дороге. Ну, сдохли – и к демонам их души. А вот тела... Хотя, раз там были и гарвийские, значит, деревне их и хоронить.

– Идем в Гарвию, – велел он. – Этих пятерых на одну веревку. Тибальд, покажи!

Пока Тибо показывал, как вязать на длинной веревке узлы-удавки, позволяющие пленным идти, но не брыкаться, Эйнар прошелся по лагерю. Заглянул в палатки, в хижину. Позвал Винсента, первым попавшегося на глаза, велел вынести к костру несколько вещей.

– Всем сюда! И смотреть внимательно! – велел он.

Новобранцы, столпившись у костра, в который подкинули поленьев для света, и пламя ярко озарило полянку, мрачно разглядывали принесенное. Женские шали, теплые шерстяные и легкие шелковые. Край одной запачкан в чем-то темном. Понятно, в чем. Взломанный сундучок, в каких хранят деньги и семейные ценности небогатые горожане. Несколько курток разного размера, женское платье, нарядное, но с подолом, разорванным до самого лифа, и испачканное в грязи. Деревянная миска, наполненная дорогими мелочами: гребнями, шпильками, бусами...

– Насмотрелись? – тихо спросил Эйнар. – Хорошо запомнили? Скоро пригодится. Как начнете жалеть, или подурнеет – вспоминайте. Винсент, Рори, останетесь здесь под началом сержанта Мерри. Все вещи сложить в мешки, я их в хижине видел. Каждый мешок завязать и опечатать. Свечи тоже были где-то, растопите их на воск для печатей.

Он снял с пальца кольцо с печаткой коменданта, отдал Тибальду.

– Утром пришлю вам людей в помощь. А мы в деревню.

– Осторожней там, – буркнул Тибо, решив вдруг вместо шута побыть нянькой. – Может, рассвета дождетесь?

– Ничего, дорога рядом. Сейчас луна выйдет, как днем станет.

Луна и вправду поднималась над горизонтом круглобокая, нагло яркая и веселая, как богатая молодка на деревенском гулянье. Еще чуть – и зальет светом все вокруг. Эйнар вздох-

нул, махнул рукой и первым пошел по тропе, ведущей вниз, к деревне у подножья горы. Хорошо, что здесь расстояния не такие, как в степях. Под гору по знакомой дороге – часа через два они будут в Гарвии.

Он не ошибся – дошли как раз за это время. Ну, может, чуть дольше, и то из-за мародеров. Те плелись невесело, только вдовый сын все пытался забежать вперед, канюча, что не знал, не думал, не виноват – пока Эйнар не велел ему заткнуться. Парень притих и дальше шел молча, перебирая ногами настолько быстро, насколько позволяла общая веревка.

А над Даглорскими горами висело серебряное блюдо луны, почти совсем круглое, – до полнолуния был еще день. В детстве мать рассказывала Эйнару, что это окошко в другой мир, и умершие смотрят сквозь него на живых. Эйнар старался вести себя хорошо, чтоб отцу не пришлось за него краснеть... Но получалось у него это так себе. Если отец и вправду смотрел на него с небес, то только вздыхал, наверное, от непутевости единственного отпрыска.

В голову лезла всякая муть – лишь бы не думать о том, чем сейчас придется заниматься. Идя впереди, чтобы задать правильный шаг отряду, он первым увидел скудные огоньки деревни. Здесь, как и везде в поселениях, ложились рано, разве что женщины допоздна занимались рукоделием при лучине, но за полночь легли и они.

Эйнар вышел на площадь и, дождавшись, пока пленников построют у королевского столба, ударил в висящее на нем било – большой медный диск с привязанной колотушкой. Собаки, и до этого провожающие чужаков лаем, залились вовсе истошно. За прикрытыми ставнями окон начал тут и там теплиться свет, кто-то высунулся на улицу, позвал соседей – деревня просыпалась.

Эйнар терпеливо дождался, пока на площадь выбежал, подвязывая штаны, местный староста. Пока он, уразумев происходящее и охая, собирал деревню, двое солдат зажигали просмоленные факелы, по закону висящие у каждого королевского столба, и вставляли их в кольца-держатели. На площади стало гораздо светлее, но в кольце света оказался, главным образом, сам Эйнар, солдаты и пленники. Из приземистых каменных хижин вышли все: от стариков до детей, цепляющихся за материнские юбки и таращащих сонные глазенки. Эйнар дернул щекой, но убрать с площади детей не велел. Вместо этого он кивнул одному из новобранцев на било. Парень понятливо ударил – по площади снова разнесся густой звук, прекративший людской гомон.

– Люди Гарвии, – хриловато начал Эйнар, постепенно набирая силу голоса. – Подданные его величества Криспина Третьего, да хранят его небеса! Я, Эйнар Рольфсон, комендант крепости Драконий Зуб, привел сюда преступников, подлежащих королевскому суду. Эти пятеро – все, кто остался в живых из шайки убийц, грабителей, мародеров. Узнаете ли вы кого-то из них?

Деревня испуганно молчала. Где-то в толпе заныл ребенок – женщина шикнула на него, и тонкий голосок смолк.

– Узнаете ли вы кого-то? – снова повторил Эйнар.

– Это же я! – крикнул вдовый сын, шагая вперед, насколько позволила веревка. – Люди, это же я, сын Вальдонии!

Эйнар обвел глазами темную кольшущуюся массу. Сам бы он не разглядел и, тем более, не узнал в толпе старуху Вальдонию, но деревенские расступились – будто вода отхлынула, обнажая единственный черный камень.

– Сыно-о-ок... – выдохнула вдова, валясь на колени. – Младший мо-о-ой... Да что же это...

Прежде, чем заговорить снова, Эйнар вспомнил миску с побрякушками и ворох шалей.

– Узнаете, значит. А этого? – кивнул он на второго гарвийца старосте.

– Пришлый он, – заискивающе ответил староста, поглаживая странно куцую бороденку. – В том году только пришел. Не наш...

– Если в том году, значит, ваш, – тяжело уронил Эйнар. – Вина их доказана, есть свидетели и улики. Как офицер короля приговариваю этих людей к немедленной смерти через повешение.

– Да как это? – истошно крикнул вдовий сын в оглушительной тишине после слов Эйнара. – Я же не знал! Не хотел я! Клянусь, господин капитан! Брат меня сманил!

– Брат виноват, значит? – тяжело и холодно повторил Эйнар. – И давно он тебя сманил?

Вдовий сын смотрел на него круглыми глазами, не соображая от страха, что ответить. Мальчишка, щенок... Только из этого уже не вырастет честного пса: ни пастушьего, ни охотничьего, ни даже просто шавки, стерегущей дом и радующей детей. А чтобы из него не вырос волк или шакал – об этом придется позаботиться Эйнару.

– Господин капитан, господин капитан!

Вдова, уразумевшая его слова, рванулась вперед и рухнула к ногам Эйнара, пытаясь их обнять. Он торопливо сделал шаг назад, велел:

– Поднимите ее. Быстро!

Ошалевшие новобранцы – эти тоже не ожидали, видно, что поход в деревню кончится казнью – подхватили женщину.

– Господин капитан, – рыдала старуха. – Младшенький ведь он! Один остался! Это Ирек его сманил, демонское отродье, сызмалу от него толку не было, а теперь и брата загубил. Помилуйте! Всю жизнь за вас буду богов молить – сколько хватит мне той жизни! Не оставляйте одну, господин капитан, не дайте пережить кровиночку!

На одно-единственное мгновение у Эйнара и впрямь мелькнула мысль – оставить вдове сына. Трусливый да пуганый – вдруг и впрямь возьмется за ум? Хоть будет кому приглядеть за старой. Но он не зря велел своим «щенкам» смотреть на испачканную кровью одежду и помнить.

– Женщина, – сказал Эйнар. – Как давно твой младший ушел из дома?

Старуха, рыдая, мотала головой, и Эйнар повернулся к старосте. Тот, чуя за собой и деревней немалую вину, – им бы раньше предупредить о пришельцах да поучаствовать в облаве – торопливо отозвался:

– Дней десять, как ушел он. Всего-то дней десять. Мы думали – на охоту подался парнишка. Кто ж знал...

– Кто знал... – снова повторил Эйнар, глядя на старосту в упор. – Ну-ну...

Глава деревни под его взглядом икнул и попятился назад.

– Вдова Вальдония, – снова повторил Эйнар, поворачиваясь к старухе, прекратившей рыдать и глядящей на него с безумной надеждой. – Шесть дней назад на перевале ограбили обоз. Два купца с возчиками да три семьи переселенцев. Их всех перерезали, как скот. С женщинами еще и потешились сначала. Только двоих детей один из переселенцев успел спасти. Мальчик утащил маленькую сестру в лес. Два дня они прятались, а на третий их нашли мои люди. Девочка больна, мальчишка рассказал, что случилось, – и замолчал. До сих пор молчит. Ты боишься остаться одна, женщина? Хочешь взять себе этих детей? У них нет ни отца, ни матери. И твой сыновья – этому виной.

– Го-го-господин капитан... – всхлипнула вдова.

– Я не повесил этих пятерых там... – опять заговорил громче Эйнар, – чтобы показать их вам. Чтобы каждый взрослый и ребенок запомнил и передал другим: вот что бывает с убийцами и мародерами. Наказание одно и для всех – смерть.

Он нашел взглядом высокое дерево – старый граб, растущий у края площади. Не будь его, пришлось бы использовать сам королевский столб – для этого на нем предусмотрительно имелись наверху особые скобы.

– Тимар, Искин – веревки. Узел-удавку вязать умеете?

Даже в темноте бледные, как рыбе брюхо, новобранцы замотали головой. Эйнар взял веревку, сноровисто завязал на ней пять «палаческих» петель. Не так как настоящие палачи, конечно... И витков маловато, и вешать положено по одному...

– Чурбаки катите, – обратился к парням. – Живо, а то сами их за ноги держать будете.

В толпе сначала тихо, потом все громче завывали женщины. Пятеро, так и стоящие понуро, повалились на колени. Один, тот самый вдовый сын, которого Эйнару хотелось приложить совсем другим имечком, да при исполнении нельзя, – тихо скулил.

Двое новобранцев, испуганные обещанием, быстро раздобыли в чьем-то дворе не чурбаки, но длинную скамью. Что ж, пойдет. Эйнар велел перенести ее под дерево, прямо под нижнюю ветку. Сам, вскочив на скамью, закрепил веревку, обвив ее и спустив петли вниз. Ветка выглядела вполне способной выдержать пять тел. Спрыгивая, Эйнар незаметно для всех передернулся – спина между лопатками зудела, словно в нее целились.

Махнув рукой, он велел вести осужденных к виселице. Трое пошли обреченно, еще двое забились в корчах, завопили, мешая ругательства с мольбами.

Эйнар кивнул старосте и, дождавшись, пока тот подбежит, сказал нарочито громко:

– За то, что знали и не сообщили, да за своих двух дураков – похоронишь и этих, и остальных. Там они, в распадке. Ну, если не похороните, как положено, на неупокойцев мне потом не жалуйтесь.

– Слушаюсь, господин капитан, – тоскливо подтвердил староста, понимая, что дешево отделался: комендант хотя бы не стал обвинять деревню в сообщничестве, а ведь добыча наверняка шла и сюда.

– Тварь! Гадина! – завопила некто стати очнувшаяся вдова удивительно молодым голосом – отчаяние добавило ей сил. – Чтоб ты сдох! Чтоб тебя боги наказали! Чтоб тебе всю жизнь мои сынки снились! Чтоб ты сгнил изнутри!

Она кричала что-то еще, пока на шеи мародерам надевали петли. Потом двое солдат покрепче рывком выхватили из-под их ног скамью – и пятеро тел повисли в воздухе. Ни хрипа, ни стонов. Эйнар вязал петли неказисто, но умело – несколько негромких хрустов от мгновенно сломавшихся шей слились в один. Только резко и гнусно запахло из-под тел – смерть от повешения красивой и чистой не назовешь. Кого-то из новобранцев вывернуло – но желудок был пуст, и парень только издал несколько кашляющих всхлипов.

– Смотри, капитан! – крикнул мужской голос из темноты за толпой. – Ходи да оглядывайся! На всякого волка стрела найдется!

Эйнар, не отвечая, кивнул – и вернулся к столбу. Староста суетился вокруг, уверяя, что это ничего не значит, что он прикажет найти да выпороть... Эйнар только отмахнулся – угрозы он слышал больше, чем иной жрец – молитв. Ночь началась нехорошо, продолжилась вовсе паршиво и заканчиваться пока не собиралась – его еще ждал путь в крепость. Ночной путь – задерживаться в Гарвии Эйнар даже не думал. Что ж, на этот раз стервятники промахнулись, не принесли особой беды, – сдохли только те, кому положено.

– Вот ведь... Кирпич... – услышал он за спиной свое прозвище, сказанное кем-то из «щенков» с угрюмым восхищением, но даже не обернулся. Пусть их, каждого офицера как-то зовут за глаза, и Кирпич – далеко не худшее, что могло к нему прилипнуть.

ГЛАВА 3. Жабы и принцессы

Ло с трудом разлепила ресницы и подняла тяжелые веки. Во рту устроила сортир некая-то банальная кошка, а, самое малое, рота лейб-гвардии – те еще говнюки по общему мнению всех армейцев. Вдобавок эта самая рота теперь ходила вокруг уборной строевым шагом, печатая его с извращенной старательностью, и каждый удар подкованных сапог отдавался в висках и затылке Ло.

– У-убью, – простонал рядом Маркус. – А потом подниму из мертвых и опять убью! А потом...

Что некромант сделает потом, Ло не узнала, потому что парад в ее голове ненадолго прекратился, зато в дверь кто-то постучал. Стук был мелкий, быстрый, какой-то боязливый, будто стучавший и торопится, и боится разбудить спящих. Только тогда Ло вдруг поняла, что грохот до этого был не в ее голове, а самый настоящий – в парадную дверь особняка Бастельеро. Ну да, она заночевала у Маркуса, – вспомнила Ло. – Особняк Ревенгаров после отъезда Мелиссы пришлось заколотить ради экономии средств, а в гостиницу она и возвращаться не стала – зачем?

– Кого там демоны принесли? – откликнулся Маркус, пытаясь выпутаться из одеяла, застрявшего между постелью и стеной. Просто слезть с кровати у него не выходило, потому что с краю лежала Ло, а откинуть барготово одеяло с них обоих некромант то ли не догадался, то ли щадил ее стыдливость.

– Простите, милорд, – приглушенно послышалось из-за двери. – Их светлость лейтенант королевской гвардии и с ним два стражника, милорд. Очень настаивают, ми... Ай!

Судя по звуку, гвардейцы окончательно настояли на встрече – хм, не зря ей спросонья подумалось именно о лейб-гвардии – и забарабанили уже в дверь спальни.

– Именем короля приказываю открыть! – послышалось из коридора.

– Хамы, – сквозь зубы процедил Маркус, оглядываясь в поисках одежды. – Лакеи мундирные...

Вообще-то, королевская гвардия при исполнении личного приказа его величества имела право беспрепятственного доступа в любой дом, но есть же приличия, в конце концов... Да и Маркус, как любой армеец, лейб-гвардию просто очень не любил.

– Шпага у кресла, штаны на столе, – подсказала Ло, поправляя свой край одеяла и по привычке расставляя приоритеты в пользу оружия. – Да открой ты им уже. И так всем все ясно.

Действительно, что уж тут непонятого – застать неженатую леди в спальне незамужнего лорда после совместно проведенной ночи. То есть наоборот, конечно... Ло поморщилась, запуская пальцы в волосы и слегка приглаживая их, чтобы не топорщились на висках, где пряди пока не отросли. Можно не сомневаться, еще до обеда весь двор будет знать. Стоило бы порадоваться – не станет же король домогаться женщину, что так явно не заботится о репутации. Только вот Мелли...

Маркус глянул на дверь и обреченно взмахнул рукой, делая пасс. Задвижка послушно выскочила из петли, дверь распахнулась, и лейтенантик лет двадцати едва не свалился на пол спальни, в последний момент удержавшись на ногах. Выпрямился и посмотрел с уморительной грозностью:

– Королевский приказ, лорд Бастельеро! Неподчинение строго карается!

– Неужели король приказал ворваться в мою спальню, испугать мою гостью и оскорбить меня? – зевнув, очень вежливо поинтересовался Маркус. – Простите, не поверю.

– Эм-м...

Лейтенантик стрельнул глазами в сторону Ло, потом – на ворох одежды, брошенный на туалетном столике. Несколько мгновений смотрел с недоумением – не иначе, пытался разглядеть платье. Увы, там только две рубашки и две пары штанов сплетались в непристойных объятиях, перекрученные, будто кто-то пытался завязать их узлом. Поверх вороха красовалось кружевное бюстье: Ло ненавидела спать в белье, каким бы удобным оно ни было. Лучшее лансйское кружево – это Маркус к выписке из госпиталя прислал ей все необходимое, потому что собственная одежда Ло и на тряпки не годилась – блестело на солнце, две нежно-голубые прозрачные половинки соединялись посередине эмалевой кошачьей мордочкой... Глаза лейтенанта с трудом вернулись к Ло – и юнец мучительно покраснел. Ло недоуменно подняла бровь.

– Прошу прощения... миледи... Королевский приказ... Я обязан доставить вас во дворец! Немедленно!

– Прощаю, – хриплым спросонья и от похмелья голосом бросила Ло. – А теперь будьте любезны оставить нас.

– Я...

– Вы меня в таком виде доставлять собираетесь? – уточнила Ло. – Или полагаете, что я сейчас выскочу в окно, лишь бы не ехать во дворец?

– Я... нет, конечно...

– Выйдите, – уже утомленно попросила Ло. – Иначе мне придется одеваться при вас, чтобы не заставлять его величество ждать. Маркус, а ты останься. Мне понадобится твоя помощь.

Когда всего через полчаса она спустилась вниз, глаза лейтенанта вылезли на лоб.

– Простите... миледи... вы собираетесь ехать в этом?!

– Боюсь, аудиенция у его величества стала для меня слишком внезапным счастьем, – чопорно сообщила Ло, одетая в собственные штаны, но чужую рубашку. Мужскую, разумеется, ибо свою она вчера залила вином, задев бокал рукавом после третьей бутылки из знаменитых винных подвалов Бастельеро, а других женщин, кроме прислуги, в этом особняке давно не было.

В плечах белая шелковая рубашка была ей изрядно велика, зато в поясе – Маркус не зря гордился своей фигурой – сидела получше. Широкий ремень с серебряными накладками, тоже позаимствованный у некроманта, окончательно спас положение и даже, пожалуй, отлично подходил к любимым армейским сапогам, узким, почти до колена и на небольшом каблуке. Камзолы друга Ло оглядела с жадным интересом, но решила не трогать, благо погода позволяла. И так получилось на грани приличий. То есть для боевой магессы – вполне пристойно, а вот для леди...

Лицо у лейтенанта стало совсем обреченным, но от радостного предложения Маркуса, заехать по дороге к модистке, он отказался.

– Если не вернешься, я возьму дворец штурмом, – шепнул ей на ухо некромант, целуя на прощание в щеку. – И помни, мое предложение в силе. Фамилия Бастельеро пойдет тебе еще больше, чем моя рубашка.

– Я подумаю, – легко соврала Ло.

До дворца они ехали в полном молчании. Ло и все еще краснощекий лейтенант – в карете с дворцовым гербом, двое верховых – по бокам, будто и впрямь боялись, что сопровождаемая может сбежать. А во дворце ее сразу провели к королевскому кабинету, на этот раз не заставив ждать аудиенции. Лейтенант остался в приемной, Ло, надменно вскинув голову, переступила уже знакомый порог, поклонилась.

– Я нашел вам первого встречного, – вместо приветствия сообщил король.

Он сидел точно в той же позе, словно и не вставал из-за стола со вчерашнего дня. Только бумаги лежали иначе, да прибавилось несколько пергаментных свитков очень официального вида: длинных, с тяжелыми сургучными печатями на шнурах.

Подняв голову, король оглядел гостью. Задержал взгляд на рубашке – Ло злорадно улыбнулась про себя – дернул уголком рта.

– Надеюсь, – с ядовитой ласковостью ответила Ло, – это нищий угольщик или корзинщик? Так ведь положено в сказках о свадьбе с первым встречным?

– Не надейтесь, – бросил король. – За угольщиков и корзинщиков выдают только принцесс, а вам, леди Ревенгар, это не по чину. Садитесь.

Он кивнул на свободное кресло перед столом, и Ло села, вызывающе закинув ногу на ногу.

– У вас настолько плохо с гардеробом? – поинтересовался король, немного помолчав.

– Ваше величество уже думает о моем приданом?

– Один-один, – вдруг усмехнулся король. – И хватит ярмарочного балагана. Вы не такая развратная дура, какой пытаетесь показаться. Рубашка, полагаю, принадлежит лорду Бастельеро? Ваш друг еще по Академии, вы служили вместе... Остановились у него?

Осведомленность короля неприятно кольнула тревогой. Впрочем, если уж за ней послали стражу в дом Маркуса, значит, знали, куда посылать. А это уже интересно, кстати. Следили?

Лавиния молчала, благо король не задавал прямых вопросов, просто размышляя вслух.

– Что ж, думаю, вы не захотите неприятностей ни для него, ни для своей младшей сестры, – сухо констатировал он наконец. – Надеюсь, вы понимаете, что я говорил о вашем замужестве совершенно серьезно?

– Понимаю, сир, – процедила Ло, покачивая ногой и старательно глядя только на носок сапога. – Можно узнать, кто жених?

Насколько она помнила проклятый закон, который они с Маркусом вчера все-таки проштудировали в библиотеке особняка, особых лазеек там не имелось. А те, что были, наверняка предусмотрены сидящей перед ней сволочью.

– Достойный человек, разумеется. Комендант одной из моих крепостей. Лейб-дворянин...

Ах, вот оно что. Лейб-дворянство дается за личные заслуги перед монархом и имеет неприятную особенность – оно не наследуется. Чтобы получить полное кровное дворянство и передать его потомкам, награжденный должен подняться еще на одну ступень королевских милостей. Отличная морковка для некоторых ослов. Ну, или можно заключить брак с кем-то из истинных аристократов.

– Я слушаю, сир.

Ло лихорадочно перебирала в памяти все крепости, принадлежащие не определенному роду или клану, а королю лично.

– Его зовут Эйнар Рольфсон. Вольфгардец по отцу, но родился и жил в Невии. Служил в личной охране невийского тана, потом не поладил с ним и поступил в дорвенантскую армию, где выслужил офицерский чин. Тридцать пять лет, вдовец, имеет несовершеннолетнюю дочь, – мерно перечислял король по памяти. – Жена, приехавшая с ним из Невии, погибла два года назад. Через перевал, где стоит крепость, прошло племя Урту-Томгар. Лейтенант Рольфсон принял командование после гибели коменданта, лишился супруги, но был награжден за то, что отстоял крепость.

– А что еще он сделал за эти два года? – светски поинтересовалась Ло. – Если за ту осаду вы пожаловали ему чин капитана, то сейчас...

Историю Урту-Томгар она знала, разумеется, хоть и была в то время на другом конце страны. Дикое племя в несколько тысяч человек, обитающее на границе с валирийскими степями, вдруг снялось с места и пошло на поиски новых земель. Боги им так велели, что ли... В мирное время дикарей живо загнали бы обратно, однако страна воевала с Вольфгардом – и Урту-Томгар прошли окраинами королевства слишком далеко. За ними оставались разграбленные и выжженные земли: племя считало людьми только себя, а всех остальных – скотом или охотничьей добычей. Чтобы разубедить их, понадобилось всего два полка пехоты и пяток магов, но даже три недели промедления стоили королевству дюжины пограничных деревень. А остановили дикарей у подножья Даглорского хребта. Вот, значит, какая это крепость! Драконий Зуб на границе с Невией!

– Это вас не касается, – отрезал король. – Желаете ознакомиться с брачным контрактом?

– Разумеется, сир.

Ло протянула руку, приняла тяжелый свиток – как раз один из лежащих на столе. Ярмарка невест у него тут, что ли? И вдруг поняла, что все это происходит именно с ней. Это ее, Лавинию Корделию Антуанетту Жозефину Ревенгар выдают замуж за человека, которого она в глаза

не видела и видеть не желает! Урожденную аристократку в двадцати двух поколениях, главу одной из трех дюжин знатнейших семей Дорвенанта, боевого мага – за коменданта паршивой, затерянной в северо-западных горах крепостушки. Простолюдина, которому бросили лейб-дворяństwo то ли в награду за службу, то ли в уплату за смерть жены.

Ло стало душно. В висках застучала кровь, а ведь казалось, что зелье из запасов Маркуса надежно сняло похмелье. Она вдруг глупо, совершенно нелепо испугалась, что прямо сейчас проклятый осколок сдвинется – и все. «А может, это и выход? – шепнула подленькая мысль. – Не придется жить калекой, лишившись магии. Да и брак тогда точно не состоится...» «Ну уж нет, – зло оборвала Ло мысль-предательницу. – Не для того я выживала, чтобы сдать так просто. Еще потрепыхаюсь».

– А комендант Рольфсон знает, что в качестве невесты получает подпорченный товар?

Ло развернула пергамент. Четко написанные строчки плясали перед глазами, буквы разбегались, как тараканы.

– Что именно вы имеете в виду? – уточнил король с каменным выражением лица.

– Все, – криво усмехнулась Лавиния. – Начиная от моего нежелания выходить замуж и заканчивая перспективой в любой момент снова оставить коменданта вдовцом. Да и магесс не слишком охотно берут в жены. Нрав и репутация не способствуют.

– Вы уже не магесса. Поэтому нрав можно придержать, а репутацию поберечь.

Ло незамедлительно захотелось его убить. Или хотя бы ударить. Врезать, как человеку, ткнувшему в свежую рану, – изо всех сил и так же болезненно. Она невыносимо ярко представила зарождающееся в ладонях пламя – тугой пульсирующий сгусток огня, такой опасный, такой живой... Но внутри, где обычно радостно откликалась ее сила, было мертво и пусто, – даже дыхание перехватило от осознания собственной беспомощности. А король безжалостно продолжил:

– С таким приданым я мог бы отправить под венец даже жабу. И без всяких гарантий, что она превратится в принцессу. С вами все обстоит гораздо лучше, вы хотя бы способны понять...

– Когда не стоит квакать? – криво усмехнулась Ло, поднимая глаза от контракта.

Гнев, мгновение назад пылающий внутри, сменился тяжелой ледяной ненавистью. За что с ней так? Только за то, что она отказала этой мрази в постельных забавах? Или за то, что уже не может защитить себя, вызвать если не уважение, то хотя бы тень страха в бесстрастных зеркальцах чужих зрачков?

Несколько мгновений они смотрели друг на друга. Взгляд его величества Криспина был совершенно непроницаем, словно Ло устала в два болотных омута.

– Читайте контракт, – посоветовал король, явно поняв, что она не собирается опускать глаза первой.

Снова криво улыбнувшись, Ло глянула на пергамент – и только злость помогла ей сосредоточиться.

Сумма приданого была более чем пристойной. Ладно, даже щедрой. Коменданта Рольфсона король явно ценил, поскольку деньги предназначались ему, – тут Ло не обманывалась. Она бежала взглядом по строчкам обычных условий: пристойное денежное содержание супруги, доля в приданое дочери от первого брака – ага, своих денег у северянина нет – доли последующим детям... А это что? Условия расторжения?

Ло вчиталась внимательнее, насколько это было возможно. Если через три года у пары не появится совместных детей, брак может быть расторгнут по желанию любого из них. Северянин остается наследственным аристократом с родовым именем Рольфсон-Ревенгар, как у младшей ветви, леди Ревенгар возвращает себе девичью фамилию, но титул главы рода переходит к ее младшей сестре. Лавиния же становится абсолютно вольна как в поступках, так и в решении о следующем замужестве. О да, с клеймом разведенной за бесплодие жены, без денег

и титула! И что значит – титул переходит к Мелиссе? Королю понравилось выдавать замуж девиц Ревенгар?

– С пунктом о передаче титула не согласна, – она протянула контракт королю, но тот даже не глянул на лист. – Сломать жизнь еще и моей сестре я вам не позволю.

– Уверен, леди Мелисса легко найдет себе жениха и без моего участия, – равнодушно бросил коронованный гад. – Этот пункт предназначен только для того, чтобы обеспечить ваше... супружеское рвение.

Лавинию затошнило – в придачу к головной боли. Руки оторвать зельевару, у которого Маркус брал эликсир. Хотя, может, это предчувствие счастливого брака вызывает у нее такое блаженство?

– Супружеское рвение пусть проявляет муж – если ему нужны наследники, – парировала Ло. – От жены, как я понимаю, в этом деле достаточно терпения и послушания. Измените условие. Можете оставить передачу титула, но укажите, что Мелисса свободна от вашей воли в выборе супруга. Хватит с вас одной Ревенгар, ваше... величество.

Король молча взял свиток, который она так и протягивала, макнул перо и обвел спорный пункт жирной чертой.

– Это переделают, – спокойно согласился он, возвращая контракт. – Что-нибудь еще?

Но больше, как ни вглядывалась Ло в ненавистный документ, придаться было не к чему.

– А если я не проживу эти три года? – вдруг вспомнила она. – Или мой муж?

– Если смерть будет естественной – а я за этим прослежу, не сомневайтесь, – оставшийся в живых супруг признается честным вдовцом или вдовой с возможностью повторного брака по своему усмотрению. С сохранением прав всех детей, конечно же. Однако если один из супругов скончается меньше чем через год или потребует расторжения брака, все вернется к исходному положению дел: Рольфсон лишится титула, а я буду крайне недоволен вашей семьей, леди Ревенгар.

Ло на мгновение прикрыла глаза, чтобы тут же открыть их вновь. Что ж, по крайней мере, год им с будущим мужем нельзя поубивать друг друга... Она начала опасаться, что может упасть в обморок, словно изнеженная дева, слишком туго затянувшая корсет. Вот позору будет. Уж лучше пусть ее вывернет на королевский ковер! Правда, тогда неминуемо подозрение в беременности и еще больше слухов. А она не может позволить себе ни слухи, ни строптивость – ради Мелиссы. А что может? Ну, например, повести себя так, чтобы за три года у коменданта не появилось желание проявить это самое... рвение. Если Рольфсон окажется разумным человеком, то, возможно, с ним удастся поладить? Три года они друг друга перетерпят, а потом пусть комендант остается с ее приданым и титулом, а Ло... получит свободу! Неужели желанная лазейка!

– Конечно, пока контракт не подписан, а брак не заключен, вы всегда можете передумать, – невозмутимо напомнил король. – С вами поедет мой стряпчий, чтобы сопроводить невесту и передать приданое. У него приказ: если брак не состоится, вернуть вас в столицу как можно быстрее. И мы продолжим увлекательный разговор о первых встречах и... других возможностях избежать супружеских уз.

– Не дождетесь. Где подписать?

– В крепости Драконий Зуб. Жена ставит подпись после мужа, – растянул губы в холодной невеселой усмешке король. – Привыкайте к супружескому этикету, леди Ревенгар, для обычных женщин это важное умение. До отъезда неделя, все это время вы будете моей гостьей. Можете не благодарить, это меньшее, что я обязан для вас сделать.

– Всего лишь гостьей? – презрительно подняла бровь Ло.

– Запирать дверь спальни не обязательно – я понимаю слово «нет», когда это не кокетство, а твердое решение. Так что – гостьей. За неделю вам подготовят гардероб и соберут в путь обоз.

Ло мимолетно пожалела портных, если король и к ее гардеробу подойдет с той же мерзкой занудностью.

– Покидать дворец вы можете только в сопровождении охраны, – размеренно продолжал король. – И исключительно по делам подготовки к браку и поездке. Портные, магазины... Если желаете помощи кого-то из подруг, можете их позвать. Насколько я помню, родственниц, кроме сестры, у вас нет.

– Подруг тоже. А моя сестра? Я могу с ней увидеться?

– Она в загородной резиденции вместе с моей женой. Королева слаба здоровьем, ей полезен воздух соснового бора... За леди Мелиссой пошлют.

– Я могу навещать друзей? – закинула Ло удочку, не особо надеясь на успех.

– Мужского пола? – с легкой брезгливостью уточнил король. – Не думаю, что это уместно. И, уверен, помощь лорда Бастельеро в выборе женских штучек вам не понадобится.

Ло как раз в этом уверена не была – в моде Маркус разбирался гораздо лучше нее – но смолчала, чтобы не навлечь на друга опалу. Некромантия – редкий дар, и ее обладателям традиционно прощалось многое, но Маркус и так слишком часто ходил по краю, шокируя общество выходками: от невинных проказ до дуэлей со смертельным исходом.

– Итак, – попытожил король, – полагаю, мы договорились. Прислать вам моего целителя? У вас не слишком здоровый вид.

– Благодарю, обойдусь, – изобразила Ло улыбку, больше похожую на оскал. – До заключения брака я постараюсь дожить и так, а в остальном целители мне бесполезны. Я могу идти, сир?

– Можете.

Король позвонил в колокольчик.

– Увидимся перед вашим отъездом, – пообещал он, как и в прошлый раз утыкаясь в бумаги.

Уже не лейтенант, а обычный лакей проводил Ло до гостевых апартаментов, почтительно предложил обед, ванну, помощь горничной и все, что будет угодно миледи.

– Ванну, – устало сказала Ло. – Через полчаса. А сейчас письменный прибор, чашку отвара из мяты с ромашкой и не беспокоить.

Ей нужно было написать Маркусу, чтобы и вправду не наделал глупостей. С штурмом друг хватил лишку, но даже реши он просто навестить ее во дворце, может получиться плохо.

На доставленный прибор и дымящийся чай Ло посмотрела мрачно – хотелось не травок, а еще вина. В крайнем случае – капустного рассола. Ее мутило от состоявшегося разговора, от собственной слабости и беспомощности, от грядущих перемен и прошлого, которое не желало выпускать, душило тяжелыми грязными лапами, постоянно напоминая, что она – никто. Нищая леди, утратившая дар магичка, нежеланная невеста – что может быть более жалким даже по отдельности, а уж вместе! И этот унижительный договор!

Она – часть награды! Племенная кобыла в придачу к деньгам и титулу! Бантик на подарке! Да чтоб им обоим, и королю, и этому коменданту, сдохнуть!

Ло до боли закусил губу, пытаясь выдавить хоть немного магии. Хоть искорку! Не огненный шар, не полноценное плетение аркана, но хотя бы отзвук на зов – услышать, что магия не мертва.

Застыв посреди комнаты, она закрыла глаза, исступленно вслушиваясь в тишину внутри себя. Ни-че-го. Сухой колодец, пожарище, бездонный провал... Хотелось плакать, но слезы не шли, будто тоже иссякли. Только было очень больно и горько. И в который раз подумалось, не напрасно ли она выжила? Что хорошего ее ждет впереди? И как же ей вспомнить, что на самом деле случилось там, в проклятом всеми богами Руденхольмском ущелье? Что превратило ее в огарок прежней Ло Ревенгар – Стального Подснежника?

Маги неопределенно пожимали плечами, целители отводили глаза, королевский следователь допытывался о каждой мелочи, но сам на вопросы не отвечал. И Ло казалось, что она попала в бесконечный морок, из которого так и не смогла выбраться. Что, если все происходящее ей снится в предсмертной агонии, пока тело лежит в развалинах Руденхольмской крепости?

Ло передернула плечами и схватила перо – хоть как-то отвлечься от кошмара наяву.

* * *

Эйнар в который раз перечитывал по-казенному скупые и сухие строки письма. Пакет королевской канцелярии, вскрытый без должной почтительности охотничьим ножом и оттого с неровным рваным краем, валялся на столе. Эйнар три раза проверил печати, надеясь, что это все-таки чья-то безмерно дурацкая шутка. Хотя не представлял, у кого хватит безмозглости баловаться с королевской печатью. Нет, письмо было настоящим. И, значит, все в нем написанное – тоже.

Отложив тонкий лист дорогого пергамента, Эйнар поставил локти на стол, оперся лбом о ладони и долго сидел, пытаясь понять, что ему делать. Отказаться от непрошенной чести? Это оскорбление королевской воли! Или нет? Да, он подавал прошение, чтобы пожалованное лейб-дворянство распространилось и на его дочь, как единственную наследницу. Даже указывал, что в таком случае готов отказаться от него сам – как посоветовал стряпчий, составлявший бумагу. Мол, в таком случае в столице отнесутся к просьбе благосклоннее, увидев не жадность и дерзость, а просто желание обеспечить будущее дочери.

Но брак по королевскому сватовству! Жена – леди! Да что он будет с ней делать здесь, где ни балов, ни лавок, ни достойных ее подруг? Чем думал король, навязывая ему такое сватовство?

Хотя, конечно, не сам же король озаботился поиском жены для коменданта пограничной крепости? Настолько Эйнар дураком не был. Нет, его прошение наверняка попало в лапы обычных канцелярских чинуш, а те... Поразмыслив, Эйнар решил, что шуткой канцеляристов это тоже быть не может – опять же, из-за печати. Но и представить женщину благородного происхождения рядом с собой у алтаря не мог. Вот не выходило, хоть ты тресни по швам! Эйнар глухо застонал, с ненавистью глядя на письмо.

Еще утром жизнь казалась простой и понятной. Он вернулся из клятой деревни, мечтая облиться горячей водой, поест и завалиться спать. С первым и вторым получилось, а вот с третьим пришлось обождать – как обычно. Тибальд исполнил распоряжение о мародерской добыче в точности, мешки уже стояли в кладовой, но теперь надо было срочно писать донесение в Дайхольм с просьбой прислать стряпчего для описи. Второе донесение надо было писать о казни мародеров. По всем законам Эйнар был прав, конечно, но обязанности составить бумаги это с него не снимало.

А еще были дети: захворавшая лихорадкой девочка и мальчишка, смотревший волчонком, разве что зубы не скалил. Пока о ребятах заботилась Молли, и больную все равно нельзя было трогать, но лекарь Лестер уверял, что болезнь не опасна, малявке только нужно отлежаться в тепле и покое. А потом что с ними делать-то? Дети – круглые сироты, родственников у них тоже нет. Мальчишка, во всяком случае, на вопрос о них мотал головой и отводил взгляд. Оставить при крепости? Лишнего куска да одежки не жалко, но дети вырастут... Да и вдруг их кто-то все же ищет? А в сиротском приюте несладко.

Эйнар застонал про себя, решив хотя бы заботу о приبلудышах пока оставить на потом. Сейчас главное – королевская то ли милость, то ли гнусная шутка. Он, Эйнар Рольфсон, и жена-леди! Написать и отказаться, пока не поздно? Дальше Драконьего Зуба все равно не сошлют – некуда. И из комендантов вряд ли разжалуют...

Так ничего и не придумав, он сложил письмо, сунул его в пакет и отправился в лазарет – к Лестеру. В молодости старый армейский лекарь закончил целых пять курсов магической

Академии, пока не вылетел, дойдя до пределов способностей. Значит, был человеком образованным, в чем Эйнар неоднократно убеждался. Мог иногда помочь с составлением особенно заковыристой бумаги или подсказать, как вести себя с приезжим чиновником из штатских. Вдруг и сейчас чего-нибудь сообразит?

Еще на совет стоило позвать Тибо. Образованием сержант похвастаться не мог, зато был очень неглуп и по-житейски сметлив. Втроем они что-нибудь да измыслят. Письмо жгло карман, будто Эйнар в него раскаленных углей сдуру насыпал. Леди... Да не нужна ему никакая леди! Надменная, изнеженная, брезгливая... Насмотрелся он на них, хоть и издалека – бывал в городах. И уж точно Тильде не нужна мачеха. Девочке и так тяжело, она до сих пор плачет ночами, разве может кто-то заменить ей мать?

И, как всегда, воспоминание ржавым ножом полоснуло по сердцу. Спускаясь по лестнице во двор, Эйнар даже скривился от внезапной боли и отвращения – какая-то высокородная дура займет место Мари? Будет жить в ее комнате, спать в их с Эйнаром постели, может, даже копаться в вещах... Эйнар стиснул зубы: он уже ненавидел самозванку. Не надо ему никакого дворянства, и Тильда без него обойдется, только бы никто не лез равнодушно и жестоко в их с дочерью горе. Как же все-таки избавиться от неожиданной и такой ненужной королевской милости? Это только в сказках принцессы выходят замуж за солдат и живут с ними счастливо. А в их семье в сказки не верит даже Тильда.

ГЛАВА 4. Белый шелк и черные розы

Вот уже четвертый день Ло пребывала в состоянии тихого холодного бешенства. Его величество Криспин, долгих ему дней жизни и умертвие каждую ночь под одеяло, явно не считал возможным отправить подданному жабу, не завернув ее в подарочную обертку.

Поэтому в отведенных Ло комнатах дневали и ночевали модистки, кружевницы, чулочницы и башмачники. Хвала Пресветлому Воину, хоть от парикмахеров удалось отвертеться: за полторы недели пути к Драконьему Зубу рассыпалась бы любая прическа, да и соорудить ее из коротких прядей было более чем затруднительно. Пожилой мастер только сокрушенно пощелкал ножницами и покачал головой, сообщая Ло, что изрядная часть волос у нее не белая, а седая – и это в цвете блистательной юности!

Ло пожалла плечами: никакой особой разницы она даже в зеркале не видела – белые и белые. Ну, может, стали еще сильнее отливать металлом, да и то надо присмотреться и помнить, какими они были раньше.

От модисток так просто было не спастись. Они никак не желали понимать, что леди Ревенгар едет не в загородный замок или хотя бы приличный провинциальный городок, где три-четыре раза в год устраивают балы, а в крепость. На границе! Да, в горах, где холодно, ветрено, и никто не оценит турнюр на драгоценном китовом усе. Уже потому не оценит, что Ло его наденет исключительно под угрозой смертной казни, да и то подумает.

Когда удалось вбить это в головы швей, дело пошло веселее. Ей сшили несколько вполне удобных платьев из тонкой шерсти и льна, отыгравшись за простоту фасона на отделке: столько кружева, расшитых золотом и серебром вставок, пуговиц и меховой оторочки Ло не видела на своей одежде никогда. Глядя в зеркало при очередной примерке, она с отвращением убеждалась, что видит перед собой именно то, от чего всю сознательную жизнь пряталась сначала за мантией адепки, потом за армейским мундиром: не слишком красивую и совершенно бесцветную девицу. Скуластую, остроносую, прозрачно-бледную... Блекло-серые глаза, прямые светлые волосы – с какой только дури Маркус прозвал ее Подснежником? Девица в зеркале, несмотря на все ухищрения модисток, больше напоминала выжженный солнцем сорняк, который рачительный садовник выдирает-выдирает, да так и бросил, не справившись с цепкой дрянью.

– Миледи нужно носить темно-синее, – почтительно подсказала девочка-швея, ползая вокруг Ло и что-то приметывая к подолу ее юбки. – А еще королевскую вишню и аквамарин...

При мысли о королевской вишне – густой вишневый цвет негласно считался принадлежавшим монарху, его семье и фавориткам – Ло передернуло. Вишневый она бы надела разве что на собственные похороны. Ну, или на королевские – на такой знак внимания к усопшему Ло согласилась бы с удовольствием.

– Готово, миледи. Можно снимать, – прошептала девица и добавила с благоговением: – Время мерить свадебное платье, миледи...

Ло стиснула зубы: свадебное платье было последним бастионом королевских модисток, на котором они решили погибнуть, но отправить невесту, сосватанную его величеством, к жениху во всеоружии. Женском всеоружии, разумеется!

Спору нет, платье было... красивым. Если кто-то мечтает утонуть в ворохе нежнейшего серебристого шелка, таких же серебряных кружев и лент, расшитых мелким жемчугом. Дивное платье! Изящное, небрежно-величественное, прекрасное каждым стежком и линией... Ло чувствовала себя в нем драгоценной фарфоровой куклой, которую страшно взять в руки, чтобы не испачкать или не сломать. То есть абсолютно, отвратительно бесполезной вещью!

Ее трясло от ненависти к этому платью, а приходилось делать вид, что оно ей нравится – не обижать же модисток, которые со всем старанием сотворили действительно чудесную вещь. Утешало только то, что в крепости ее в этом не увидит никто, кроме гарнизона да ненавистного супруга. И если не к ночи упомянутый супруг не сумеет выковырять новобрачную из наряда, не запутавшись в шнуровках и юбках, то, может, по-солдатски победит портновский шедевр с помощью ножа? Ло вот несколько бы не расстроилась!

– Вчера же мерили, – с трудом сдерживаясь, напонила она. – И позавчера. И третьего дня.

– Но мы же на полпальца заузили корсаж, – захлопала ресницами девчонка в неподдельном удивлении, и Ло возвела глаза к потолку.

Увы, на потолке, расписанном нимфами и кувшинками, не нашлось никаких подсказок – как обычно. Ло вздохнула:

– Последний раз, – предупредила она. – И больше никаких переделок. Иначе пойду к алтарю в мундире. Имею право, между прочим! Как отставной офицер!

Швея поперхнулась воздухом, набранным для очередных уверений, что леди Ревенгар прекрасна и все такое. Хитро-наивные глаза наполнились искренним ужасом. Ло торжествующе улыбнулась, хоть и не была уверена, что данный пункт Устава касается женщин. Прецедентов с невестами в армейской форме она что-то среди высшего света не помнила...

– Мы можем померить чуть позже. Наверное, миледи хочет отдохнуть?

Ло подумала, что девочка далеко пойдет в своем ремесле: явно не дурочка и знает, когда надо сделать реверанс и исчезнуть. Вот и сейчас заторопилась, собирая обрезки лент и лоскутки шелка, белого, как на платье, но узорчатого. Из него и нежнейшего прозрачного батиста для Ло шили шапочку с фатой, усыпанную крошечными кремовыми розочками. «Выходить замуж в цветах невинности – какое лицемерие, – усмехнулась она про себя. – Если наряд выражает суть невесты, то мое платье должно быть пропитано кровью и запятнано гарью от воротника до подола».

Модистка тихонько испарилась, и Ло осталась одна, досадуя, что едва не сорвалась на девчонку. А все бессонница. После госпиталя сон восстановился, но, как оказалось, ненадолго. Напрасно, конечно, она отказалась от королевского лекаря, по полночи ворочаясь в удобных прохладных просторах постели. Бессонница не отпускала, а когда удавалось забыться, сны приходили тревожные и тяжелые.

Ло обняла себя руками за плечи, хотя в комнате было тепло, почти душно. Начало ранней осени в столице выдалось ласково-мягким, а во дворце, вдобавок, уже давно протапливали

небольшие печи, нарядно обложенные изразцами. Но ее знобило изнутри, словно вокруг все еще были каменные, вечно стылые стены Руденхольмского Гвоздя. Холод и сырость из крошечной крепости над горной рекой не уходили даже летом. А теперь и подавно не уйдут – ибо спать Руденхольму до скончания веков под злыми водами Рудена...

Она встряхнула головой, отгоняя внезапную слабость и гадостное чувство беспомощности, недоуменно посмотрела на собственные пальцы, сложенные в аркане набора силы. Тело никак не хотело смириться с тем, что магия, текущая через него столько лет, вдруг исчезла. Тело хотело привычной мощи и защиты... Ло закусила губу – и тут в дверь постучали.

– Войдите! – позволила она, пряча руки в складки платья – пальцы все никак не хотели слушаться, им было так легко и уютно в привычном положении.

– Цветы для миледи!

Мальчишка-паж внес небольшую корзинку, заученно поклонился, и Ло радостно вскинулась – Маркус! Пора бы уже другу и объявиться. Конечно, она сама ему написала, чтобы не беспокоился, но все-таки скучала. Маркус Бастельеро был единственным человеком, которого она действительно хотела видеть. И просто поговорить, и чтобы все-таки расспросить некроманта о том проклятом дне.

– Благодарю, милый, – улыбнулась она, и мальчишка, снова поклонившись, убежал.

Ло шагнула к поставленной на стол корзинке и вдруг замерла. Что-то было неправильно с букетом, но она слишком отвыкла от придворного этикета подарков и прочих глупостей вроде языка цветов. Ах, георгин означает утонченность, а бузина – сочувствие... Лет в четырнадцать и под присмотром строгих дуэний это, разумеется, бесценно, да только дуэни знают такие хитрости лучше самих подопечных. Ло же в четырнадцать лет, как и несколькими годами раньше или позже, до темноты в глазах зубрила гримуары и растягивала пальцы, чтобы бросить аркан на полмгновения раньше соперника. И уж совсем идиотским на языке цветов выглядело собственное прозвище, когда Подснежник еще и близко не именовался Стальным, а был всего лишь Подснежничком – и то лишь для Маркуса и пары друзей-адептов. Аконит или лишайник – еще бы куда ни шло. Но боевому магу именоваться воплощением чистоты и невинности?

Она скривилась, осторожно делая шаг к корзине. Дурацкая шутка. Слишком дурацкая и мерзкая для Бастельеро – некромант никогда не прислал бы ей подобного. Не подснежники, вовсе нет. Розы. Роскошные черные розы, обвитые белыми шелковыми лентами, совсем как те, что норовили пришить на каждый дюйм ее свадебных уборов модистки.

Ло протянула руку, почти дотронулась до бархатных черных лепестков – и отдернула пальцы. Магическое чутье, которое раньше предупредило бы об опасности, молчало. Она незащитна, как обычный человек, – пришлось напомнить себе в очередной раз. И если к розам прицеплена черномагическая дрянь, Ло и пискнуть не успеет, как свалится в корчах. Уж работы Маркуса она насмотрелась до кошмаров.

Но кто? Черные розы – смерть, прощание, ненависть... Кто может ненавидеть ее настолько сильно? За что?

Ло судорожно вздохнула, мучительно раздумывая: послать за дворцовым магом или плюнуть на приказ короля, вылезти в окно и рвануть в особняк Маркуса. Розы устроились в корзинке уютно, словно гадюка на солнышке, – жирные, полностью распустившиеся, бессовестно и порочно роскошные. Вот пышные венчики шевельнулись... Ло отпрыгнула! Хотела закричать, выбежать из комнаты – и не успела! Сотни тугих черных лепестков взлетели вверх, кружась, словно жуткие мотыльки, и опустились на свадебное платье, растянутое рядом со столом на вешалке.

Ло, задохнувшись, замерев, как перед разъяренной змеей, смотрела, как лепестки оседают на корсаж, рукава и юбку, исчезая, словно бесследно впитываясь, не оставляя ни пятнышка на холодной невинной белизне шелка... Иллюзия! Хвала Пресветлому, всего лишь

обманка... Ло глянула, переведа дух, – в корзине торчали сухие венчики совершенно обычных роз, темно-красных, кажется. Из-под ломких серо-бурых листьев виднелся конверт.

Несколько мгновений поколебавшись, она взяла письмо. Если бы действительно хотели убить, то навели бы чары на цветы – чего уж проще. От проклятья на розах она бы уклониться не успела, а теперь-то что? Может, кстати, и не успела?

Распечатывая конверт, Ло тоскливо прислушалась к себе. Нет, никаких признаков магического поражения, доступных не-магу, она не чувствовала. Незвестный ублюдок ограничился пугающим намеком – и посланием. Простой белый листочек, ничем не надушенный, обычные темно-синие чернила, размашистый легкий почерк. Ло прочла послание, затем медленно перечитала, и еще раз...

Три строчки издевательски шептали вкрадчивым незнакомым голосом: «Леди Ревенгар, этой зимой погода в окрестностях Драконьего Зуба исключительно вредна для вашего ослабленного ранением здоровья. Советую предпочесть королевскую немилость и не покидать пределов столицы. Ваш искренний друг».

Не ехать на север к будущему супругу? Ло яростно стиснула в пальцах бумагу, едва замечая, что комкает ее. Она и сама смертельно хотела бы остаться в Дорвенне, но... теперь слово «смертельно» приобретало несколько иной смысл, зловещий и тем более заманчивый. Кто-то очень не хочет, чтобы она отправилась к коменданту как-его-там? Отлично! Она поедет! Поедет – и пусть хоть сам Баргот с его тридцатью тремя демонами встанет у нее на дороге – им же хуже! Если только... – Ло нахмурилась и бережно расправила листочек – это не ловушка, чтобы заставить ее как раз уехать. Боги, как же ей нужен хороший совет!

Убрав листок обратно в конверт, а конверт – в поясную сумочку, Ло дернула за шнурок колокольчика, вызывая прислугу. Плевать на мнение короля, ей срочно нужен Маркус. Здесь дело посерьезнее, чем выбор бюстье для соблазнения коменданта.

* * *

Ни Лестер, ни Тибо так и не смогли посоветовать ничего дельного. Выслушали в полном ошеломлении, Лестер задумчиво подергал себя за короткую седую бородку, Тибо, у которого в каморке собрались подальше от любопытных глаз и ушей, покачал головой и вытащил из личных запасов бутылку карвейна. Карвейн был не просто крепким, но и хорошим, уже по одному этому можно было понять, насколько близко к сердцу Тибальд принял беду своего капитана.

– А может, обойдется? – сказал он сочувственно, протирая края стаканов рукавом. – Ну, жена, и что? Не тебя ж замуж выдают, а ее.

Эйнар мрачно глянул, едва не подавившись куском ветчины, но Тибо продолжил:

– Ей, поди, и самой неохота будет сидеть в нашей крепости. Постоите у алтаря, брачную ночь перебудуете, да и разбежитесь. Ты здесь останешься, она опять в столицу укатит, только и дела, что кольцо на пальце.

– И зачем мне такая жена? – хмуро поинтересовался Эйнар. – И я ей зачем?

Но от сердца слегка отлегло. И правда, если ему от неизвестной леди нужен только титул, да и то не для себя, а для дочери, значит, ей тоже что-то нужно. Хотя вот вопрос – что?

Этим вопросом он и поделился, закусив скользнувший в горло жидким огнем карвейн.

– А чего тут долго думать? – хмыкнул Тибо. – Под венец за первого встречного бегут, когда грех прикрыть надо. Кроме честного имени, с тебя и взять-то нечего. Э, капитан... Ты чего! стакан поставь!

– Шлюха, значит? – процедил Эйнар, которому такое – прав Тибо, считающий его честным дурнем, – в голову не пришло. – Ну-ну...

Он глянул на стакан, который едва не пронес мимо бутылки, зацепив ее рукавом, поставил его на стол.

– Да может и нет! – тут же осадил назад Тибо. – Мало ли... Сирота, может, вот и пристроил его величество девуку. То есть леди...

– Это бывает, – подтвердил Лестер. – По королевскому сватовству невесте приданое положено, для некоторых сирот это за счастье. Ты сначала поговори с ней, Эйнар. Расспроси, что да как, добром... Думаешь, ей сладко в нашу глухомань да неизвестно к кому? Как зовут ее – знаешь хоть?

– Ревенгар, – буркнул Эйнар. – Имени не помню, оно пышное такое – Лови... Лаве... Нет, не помню.

– Ревенгар... – протянул Лестер. – Что-то знакомое... А напишу-ка я паре знакомцев в столицу! Глядишь, хоть узнаем, с чего она за тебя пойти согласилась. Ревенгар... Вот так и вертится! А что – не помню.

– Зато я, кажись, помню, – проговорил Тибальд голосом, которого Эйнар у него давненько не слышал и очень не любил. – Ревенгар, значит? Ох, Барготова мать нас побери!

* * *

Маркус примчался так быстро, словно сидел дома и ждал ее письма с просьбой о помощи. Возможно, действительно ждал, свободного времени у него было сейчас много. Получив почетную отставку, лорд Бастельеро найти новое место службы не соизволил, пробавляясь частными заказами, которых у некромантов всегда предостаточно. Удивительно, сколько человек хочет выяснить судьбу потерянных семейных ценностей или раскрыть давние тайны. Ло всегда полагала, что тревожить покой мертвых допустимо только по очень веским причинам. Узнать имя убийцы, например. Но нет... Маркус как-то рассказал, что самой выгодной клиенткой в его практике была некая вдова, шесть раз выходявшая замуж и неизменно всякий раз сообщавшая об этом первому покойному мужу, «чтобы знал, скотина, какой прекрасной женщине портил жизнь».

Но это все были шуточки, а сейчас Маркус выглядел убийственно серьезным. Молча собрав сухие стебли, он отнес их зачем-то к окну и пару минут, стоя спиной к Ло, работал с уликой. Потом вернулся и пожал плечами:

– Никакого следа тьмы, никаких вредных чар. Даже если делал маг-малефик, злого умысла не было. Погоди, я еще платье гляну. Красивое, кстати...

– Если при экспертизе оно случайно сгорит, я не обижусь, – сообщила Ло, сидя на диване и наблюдая за работой некроманта со стороны. – И кто это может быть?

– Подснежничек, – вздохнул Маркус, добросовестно исследовав свадебный наряд и признав его невинным и безопасным, – ну как же я тебе скажу? Вот если бы чары были темные, то по почерку мага я бы что-нибудь сообразил. А иллюзию – сама знаешь – любой адепт Академии наведет, кроме совсем уж бесталанных. Ты сама что думаешь? Кому настолько сильно наступила на ногу?

Развалившись в кресле, он дотянулся до очередной чашки с травяным отваром, сиротливо тоскующей на столе, понюхал содержимое, попробовал и, скривившись, вернул лекарство на место.

– Кому угодно, – мрачно призналась Ло. – Вот никаких мыслей. Маркус, меня три года не было в Дорвенне. Старые проказы давно забылись, да и не делали мы ничего такого... Достойного пожелания сдохнуть. Ненавидеть меня должны вольфгардцы, но они точно не пришлют черные розы. У них клановый кодекс чести, а по этому кодексу мы достойные враги. Разве что на дуэль могут вызвать, да и то после перемирия с этим непросто.

– Верно... – рассеянно подтвердил Маркус. – Ло, это не старые долги. Это что-то новое. Других странностей не было?

– Сколько угодно. Моя свадьба – это нормально, по-твоему?

Ло широким взмахом руки обвела вешалки с платьями и короба с прочим приданым, занимающие большую часть комнаты. Маркус невозмутимо пожал плечами.

– Свадьба – это вообще ненормально, – изрек он, но шуточный тон не вязался с тревогой в глазах. – Ло, ты так ничего и не вспомнила?

– Ох, не начинай снова. Хватило мне королевского дознавателя.

Ло поморщилась, взяла со стола ромашковый отвар и одним махом выпила, остро осознавая бесполезность этого действия: такие безобидные травки ей давно уже не помогали успокоиться. Еще и остыло...

– Нет, я ничего не вспомнила, – проговорила она, сплетая пальцы на колене. – Я бы даже эти барготовы кошмары потерпела, если бы в них снилось что-то дельное, а то ведь сплошная бессвязная дрянь.

– Какая дрянь?

Ло мученически возвела очи к уже знакомой наизусть росписи на потолке.

– Бессвязная, говорю же. То последний штурм Гвоздя, то я тону в Рудене, то вообще просто темнота и звезды разноцветные. Большие такие звезды, яркие...

– Звезды... И это все?

Кого-то другого она бы давно послала на аудиенцию к Барготу и его матушке, но Маркус имел право спрашивать. Потому что это он, не дождавшись возвращения боевых магов, рванул вопреки всем приказам в портал и вытащил полумертвую Ло. К башне Гвоздя уже подступала вода, ледяная злая вода Рудена...

– Все, – буркнула Ло. – Маркус, ну не помню я. Силой своей... то есть чем угодно клянусь, – болезненно скривившись, поправилась она. – Вспышку помню, когда нас накрыло. Арчибальд закричал, тонко так, истошно... Я первой сознание потеряла, а они...

Ло содрогнулась, но упрямо продолжила, уставившись на колени:

– Они горели изнутри, выгорали дотла, понимаешь? Если бы... если бы я не слила резерв накануне...

– Ты ни в чем не виновата, – тихо и очень убежденно сказал Маркус. – Ло, ты не виновата, что осталась жива. Никто не мог знать, что вольфгардцы применяют такое. Они же никогда не использовали боевую магию. Ведьмачью, да, но не наши боевые арканы.

– Ждали момента, значит, – невесело усмехнулась Ло. – Все эти разговоры о воинской чести, о клановой доблести... Они выждали момент – и ударили. А я нарушила устав – потому и спаслась. Случайно...

– Ты нарушила устав, чтобы спасти человека, – напомнил Маркус. – Ло, милая, мы столько убили на этой войне. Ты имела право спасти хотя бы одного. Ты никого не предала тем, что выжила.

– Я нарушила Устав, – упрямо повторила Ло. – Мы должны были держать резерв на максимуме – во избежание непредвиденных случайностей. Чтобы защитить взрыватель и активировать его в нужный момент. А я слила большую часть резерва на спасение этого мальчишки. Маркус, я ведь даже не видела его потом. Я даже не знаю, наш он был или вольфгардец, понимаешь? Он так обгорел... Форма почернела и впеклась в тело... Пресветлый, он обгорел совсем, как Этьен, только Этьен – сразу, мгновенно, а этот был жив и кричал, пока еще кричать мог...

Она склонилась еще ниже, почти уткнувшись лицом в колени, и Маркус пересел к ней, обнял за плечи, погладил по голове, как маленькую.

– Ло, милая моя, девочка... Ну прости, родная. Я не хотел беречь...

– Я ничего не помню, – измученно сказала Ло, – а ведь хочу вспомнить больше всего на свете. Нет, больше всего я хочу вернуть свою магию. А потом найти тех, кто убил Арчи с Колином, и убить их тоже. Маркус, это безумие?

– Для боевого мага? Для мага вообще? Или для простого человека? Ло, ты права во всех трех случаях.

Он обнимал ее так крепко и вместе с тем нежно, от него пахло хорошими мужскими духами, алхимическим кисло-горьким дымом и, совсем немного, самим Маркусом, здоро-

вым молодым мужчиной. Значит, ее письмо выдернуло некроманта прямо из-за работы, и он кинулся сюда, даже не приняв ванну и не сменив рубашку. Ее Маркус, верный, заботливый, всегда готовый примчаться и спасти. Только вот теперь он ровным счетом ничего не может сделать.

– Я виновата в том, что нарушила Устав, – тихо продолжила Ло. – У целителей дежурил совсем еще мальчик-адепт, ему не хватало сил. Он плакал, глядя на этих, последних... Я слила ему свой резерв досуха и сидела рядом, пока один мальчишка лечил другого. Будь она проклята, эта война... Я думала, что успею восстановиться, и вообще, нас же было трое! Трое дежурных магов, как и положено. Никто даже не узнал бы, что я такое вытворила. А они ударили! И волна не сожгла меня, как остальных, а только выжгла каналы...

– И поэтому ты очнулась и смогла активировать взрыватель! – рявкнул Маркус. – И выполнить приказ! Хватит, Ло! Хватит выедасть себе душу, слышишь? Если б ты погибла вместе со всеми, вольфгардцы вошли бы в Руденхольм! Тебе надо благодарить Пресветлого, что ты слила резерв, поняла? Иначе...

– Нет, Маркус, – устало покачала головой Ло. – Благодарить – не могу. Да, я его взорвала. Но как? Дознаватель спрашивал, а я сама не могла ничего ему сказать. Как я активировала проклятый взрыватель, если на это нужна была магия? Я же... я просто не могла! У меня не было ни капли силы...

– Значит, немного осталось. Всегда остаются какие-то крохи, даже если полностью выкладываешься. Ло, ключ от взрывателя был у тебя в ладони. Ты лежала рядом с передатчиком. Я сам тебя вытаскивал – тут не ошибешься. Больше некому было, понимаешь?

Ло глубоко вздохнула, собираясь с мыслями. Все, что говорил Маркус, было абсолютно логично и потому правильно. Никто не мог воспользоваться ключом, кроме тех трех, на кого он был настроен – команды боевых магов Ордена. Даже любой другой маг. Ключ привязывали трижды: на кровь, на магию и индивидуальный отпечаток души – во избежание предательства или ошибки. Арчибалд Леруазен, Колин Вестфален и Лавиния Ревенгар – лучшие из лучших...

– Но кто-то же ударил меня ножом, – еле слышно сказала она. – Маркус, кто это был? Арчи и Колин погибли, у караула внизу вообще не было доступа в башню, а я... Ладно, пусть я очнулась и каким-то чудом выполнила приказ... Но кто ударил меня ножом?

Резко и мучительно остро заныла спина. Шрам под лопаткой, совсем узкий, почти незаметный... Ло знала, что болеть у нее ничего не может – рана давно зажила, даже оставшийся внутри осколок притаился, ничем себя не выдавая до поры. Старик Эверард, лучший целитель Ордена и Избранник Милосердной Сестры, утешал, что маленькая стальная смерть может уснуть навсегда, затянувшись плотью, врасти в тело и стать безопасной. Повезло же Лавинии Ревенгар, герою Руденхольма, выжить после такого ранения? Может повезти и во второй раз по воле Благих Богов. Главное – беречься от потрясений, как физических, так и душевных.

– Не знаю, Ло, – эхом отозвался Маркус, на мгновение прижимая ее крепче, с какой-то иступленной тоской или виной. – Если бы я тогда пришел раньше...

– Ты и так пришел, хотя не должен был. Ладно, хватит... поминоков. Просто...

Ло мягко высвободилась из его объятий и продолжила:

– Это не вольфгардцы, я уверена. Зачем бы им писать про моего жениха, в конце концов?

– Чтобы ты осталась в столице, и до тебя было легче добраться? – предположил Маркус, поправляя кружевные манжеты.

– Нет, это местный стиль. Наш, столичный. Язык цветов, иллюзия, даже письмо это. Думаешь, вольфгардец назвал бы себя моим другом? У них ведь как? Произнесенное или написанное слово получает силу клятвы. Это не они.

– Да, пожалуй, – задумчиво согласился Маркус. – И что ты решила?

– Не знаю. Меня мучает мысль, что этим письмом от меня чего-то добиваются. Только вот чего?

– А что, если тебе и вправду остаться?

Маркус был очень серьезен и сосредоточен, как перед тяжелым заклиниванием или дракой.

– Я ведь не шутил, Подснежник. Я глава своего рода, ты – тоже. Если поженимся, нам никто ничего не может сделать. Даже королю придется смириться. Ну, отлучит от двора, это мы переживем. А ты уедешь в мое поместье под Дорвенной, пока я с этим разберусь.

– То есть спрячусь за тебя? – прошипела Ло. – Считаешь меня настолько беспомощной? Раз я лишилась силы, то ни на что больше не годна?

Слезы, так долго сдерживаемые, навернулись на глаза. От кого-кого, а от Маркуса она не ожидала. Он запрет ее в поместье под охраной, а сам начнет искать неведомо кого...

– Ло!

Она вскочила и заметалась по комнате – рвущаяся наружу ярость требовала хоть какого-то выплеска.

– Нет уж! – остановившись, выплюнула она. – Никакого поместья! И никакой женитьбы! То есть нашей... Этот ублюдок не хочет, чтоб я ехала на север? Прекрасно! Правда это или нет, но я поеду! И тогда ему придется сделать очередной ход. А ты... ты...

– Ради Темной Госпожи, Лавиния... – простонал Маркус, от отчаяния называя Ло полным именем, что делал крайне редко, когда сам злился. – Не сходи с ума!

– Ты сможешь мне собраться? – в упор глянула она на друга. – Маркус, я не могу заказать лейб-аптекаря те лекарства, которые мне нужны.

– Хорошо, Подснежник, – сдался, как всегда, Бастельеро. – Все, что пожелаешь...

ГЛАВА 5. Дорога в Приграничье

– Вы что, про Руденхольм не слыхали? – напоказ удивился Тибо, чуть ли не раздуваясь от важности. – Ладно, Лестер за своими клистирами света не видит, а ты-то, капитан?!

– Слыхали, – скупое уронил Эйнар, который и вправду слышал что-то такое пару месяцев назад, но война с Вольфгардом от Драконьего Зуба прошла в стороне – и хвала Пресветлому. – Рассказывай уже, не томи.

– А я и не слышал, – подтвердил никогда не обижающийся лекарь, подрезая ветчину на общее блюдо со сноровкой человека, для которого скальпель привычнее ложки. – Разве что в Академии читал про ущелье, да то когда было.

Когда Тибальд переставал придуриваться, от него можно было ждать чего угодно. Например, хорошего знания вещей, случившихся давно и далеко, но вдруг оказавшихся важными. Тибо был кладезем историй – необходимое свойство для отрядного шута и балагура. Многие считали его недалеким и легкомысленным, но не Эйнар.

Вот и сейчас Тибо сдвинул кувшин и начал возить пальцем по лужице карвейна, все-таки выплеснувшегося из стакана Эйнара. Темная жидкость растеклась по гладко струганной столешнице, и Тибо изобразил что-то, похожее то ли на пару воронок, то ли на песочные часы.

– Вот это – Руденхольмское ущелье, – пустился он в объяснения. – Лет двести назад Руден тек так высоко, что по нему только на лодке сплавиться можно было, да и то – если с головой не в порядке. Потому что тут вот, в Глотке Баргота – он показал на самое узкое место – течение было, сами понимаете какое. А потом тогдашний король Дорвенанта велел магам отвести воду, и они устроили вроде озера вот тут... – палец нарисовал большое пятно рядом с верхней частью воронки. – Руден обмелел, а у Дорвенанта получился прямой путь через горы в Дильмах и дальше к вольфгардцам. Дорога по склону над Руденом вышла все равно узенькая, но для купцов с легкими повозками годилась, а с нашей стороны для таможенников построили махонькую крепостушку – Руденхольмский Гвоздь. Аккурат вот тут, на склоне. Был я там как-то – дыра еще та. Одна каменная башня да несколько домишек, как ласточкины гнезда... Ну,

когда заваруха с Вольфгардом дошла до того, что никто не мог верх взять, клановые поставили все на Руденхольм. Договорились с княжеством Дильмах, которое вроде было само по себе, и те пропустили несколько полков северян к ущелью. Подойти-то они подошли, да в Глотке Баргота и застряли...

– Про создание озера над Руденхольмом я читал, – вставил Лестер. – В истории магии. Там пол-ордена работало... Молчу-молчу, давай дальше.

– С нашей стороны к Руденхольму войска подвести можно было, но толку? – серьезно продолжил Тибальд. – Правильной битвы там не устроишь, места мало, вот и заваливали ущелье то камнями, то телами – уж как получалось. Почти полк горных егерей там лег, пока вольфгардцы ломились, а потом Орден прислал магов, аж целую барготову дюжину, – и стало нам полегче. Для Вольфгарда это был последний способ закончить войну быстро, они и так увязли в ней по уши, вот и штурмовали как оголтелые, а наши отбивались, пока какая-то светлая голова не придумала, что, если что-то когда-то осушили, можно ж обратно затопить. Только людей вывести надо было, а как? Выведешь войска – Вольфгард пойдет следом.

– Ну? – не выдержал Эйнар.

– Не нукай, капитан, – укоризненно глянул Тибо. – А то главного не поймешь. Магов к этому времени уже поменьше стало, кто-то погиб. Но они держали оборону, а сами пробрались к озеру и заложили там какой-то хитрый магический заряд. Чтоб уж рвануло – так рвануло. И портал поставили из Руденхольма прямо в столицу, чтоб отвести людей. Все это быстро сделано было, чтоб вольфгардцы не прознали... Два полка, уже не егерей, а простой пехоты, они увели, но сами полегли почти все. А когда солдаты ушли, тут-то орденцы и должны были подорвать заряд и пустить Руден в ущелье. Три мага специально для этого остались: двое мужиков и одна девка-магичка.

– Женщина – боевой маг? – усомнился Эйнар.

– И не просто боевой, а один из лучших, – назидательно поднял мокрый палец Тибо. – Да только что-то там пошло не так. Вольфгардцы, язви их Барготова мать, тоже использовали магию – и положили двоих из трех. Мужиков как раз... А девка живучая оказалась, добралась до этого их заряда – и пошел Руден в Руденхольм, заливать Барготову Глотку.

– Тибо, ври да не завирайся. Вольфгард боевую магию за бесчестье считает, – не выдержал Эйнар. – Не могли они здешней магией... А ведьмаки, сам говоришь, туда прорваться не успели.

– Что они могли, а чего нет, – парировал Тибо, – это ты у жены спросишь, капитан. Потому как если все сходится, то эта твоя невеста – как раз и есть та самая магичка Лавиния Ревенгар, что осталась в живых одна из тринадцати. И выходит, что миром с Вольфгардом мы изрядно ей обязаны, потому что после Руденхольма клановые поняли, что мы им все-таки не по зубам, и прислали парламентаров. Ну, понятно, Криспин тоже отказываться не стал...

– А ее, значит, в благодарность, замуж? За меня?

Эйнар махом опрокинул треть стакана и вдруг успокоился. Все это чем дальше, тем больше напоминало дурной сон. Пока смотришь – все ясным кажется, а проснешься и сам не поймешь, как такое в голову пришло. Не могла его жена быть еще и магичкой, притом героиней войны. За такое король должен был не замуж ее выпихивать в пограничную крепость за бывшего наемника, а... Тут Эйнару воображение отказывало. Орден дать, наверное, земли какие, раз титул у нее уже есть. А если уж замуж – то за такого же лорда, мало ли их. Не саму магичку взяли бы в жены, так положенную к ней королевскую милость.

– Бред! – решительно заключил он. – Значит, это не она. Может, у нее сестра есть или кузина. Или племянница какая...

– Или тетушка семидесяти лет, – подсказал с откровенной жалостью смотрящий на него Тибо. – Вот хорошо было бы. Женится, через годик похоронил... А если в брачную ночь постараться, то и сразу. С молодой-то намучаешься. Магички – они горячие...

– Тибо! – одернул его Лестер. – Придержи помело! А ты, Эйнар, шел бы спать... Сами все скоро узнаем.

Эйнар молча поднялся из-за стола, который почему-то качнулся. Нет, это качнулись стены...

– Ох я, старый дурак, – вздохнул Лестер. – Да и ты, болтун, не лучше. Он же со вчерашнего утра на ногах. Ну, Эйнар, пойдем, я тебя уложу. Поспишь здесь, а Тибо у меня ляжет.

– Я... домой... к дочери... – упрямо отозвался Эйнар, пытаясь удержаться на ставших вдруг тяжелыми и непослушными ногах.

– Много ей от тебя такого радости, – вздохнул старый лекарь. – Ложись уж, найдется, кому присмотреть за Тильдой. Давай-давай...

Вдвоем с предателем Тибо, присоединившимся к Лестеру, они почти силой уложили Эйнара, лекарь укрыл его одеялом. Эйнар пытался открыть глаза, но они сами закрывались, а в темноте перед свинцовыми веками плясали всполохи и кружились девицы в пышных ярких платьях, так что Эйнара почти стошнило, но он удержался. «Жена-магичка? Этого не может быть, потому что просто быть не может», – очень умно утешил он себя и уснул, гордясь собственным рассудком.

* * *

Маркус хотел проводить ее, но Ло запретила. Хватило ей вечера накануне отъезда, когда некромант принес заказанные зелья и кучу пустяков, о которых она не подумала, вроде изящного несесера со всем необходимым, от расчески и платков до освежающего волосы зелья. Еще несколько свертков и коробок он велел слугам уложить в багаж, туманно отозвавшись, что это пригодится в крепости.

Ло было не до сборов. Она отчаянно не хотела ехать, но что-то гнало ее вперед, словно прищипоренную лошадь. В этот последний вечер Маркус был против обыкновения тих и скован, ей тоже не хотелось болтать, так что они просто посидели у камина молча, как могут только очень близкие люди. Он не спрашивал, почему рядом с Ло нет Мелиссы, и это тоже было хорошо, ведь Ло не смогла бы ответить.

С Мелиссой... все было сложно. Учась в Академии, Ло видела ее только дважды в год на зимних и летних вакациях. Она приезжала домой, в обветшалый тихий особняк, с подарками, на которые полгода старательно собирала деньги из скромной стипендии. Мелисса встречала старшую сестру с восторгом, а Ло радовалась тому, как тоненькая, голенастая, словно щенок-подросток, девочка меняется и расцветает. Мелисса была красива, у Мелиссы были не просто прекрасные манеры, но и живое милое обаяние. Даже фамильная бледность Ревенгаров только придавала ей особенную нежность и утонченность. И Ло была свято уверена, что сестре непременно повезет при дворе.

Потом Ло уехала к первому месту службы – отрабатывать ту самую стипендию и содержание за годы учебы. Обычная практика среди магов, которым семья не могла оплатить обучение – Орден сочетал заботу о молодых адептах с разумной бережливостью. Мелисса, как они и решили на семейном совете, состоящем из двух девиц Ревенгар, старшей и младшей, отправилась ко двору. Ло пришлось заключить контракт на пять лет вперед, но она разом погасила долг за учебу и достойно собрала сестру. Друзья отца оказали протекцию, королевская чета вспомнила, что Ревенгары, пусть и обедневшие, входят в Три Золотые Дюжины родов Дорвенанта – и Мелисса попала в число личных фрейлин королевы. Большая честь! А главное – полное содержание...

Потом, не успела она отслужить по контракту и пары месяцев, случилась война. И когда Ло растирала сведенные напряжением и болью пальцы, чтоб не подвели в нужный момент, или мечтала закрыть глаза, чтобы не видеть дело рук своих, она вспоминала Мелиссу. И упрямо думала, что зато у сестренки, нежной, тихой, доверчивой, уж точно все будет хорошо.

А теперь Ло вернулась. И когда Мелисса примчалась из загородного королевского дворца, все должно было быть прекрасно! Ну, хоть ненадолго, пока Ло не уедет... Они должны были наговориться всласть, забравшись под одно одеяло, как в детстве. Ло хотела расчесать чудесные белокурые волосы Мелли и пить с ней горячий шамьет, подсовывая друг другу самые вкусные конфеты и сваренные в меду сливы... Когда все пошло не так? Неправильно, странно, до боли обидно.

Наверное, когда Мелли увидела платье. То самое, свадебное. На все остальные она смотрела с восхищением, но как-то сдерживалась, только щебетала чуть громче обычного и суежилась вокруг Ло, упрасывая померить то и это. А вот свадебное надеть даже не предложила. Перед жемчужно сияющим атласным чудом Мелли замерла, как птичка перед змеей, глядя заворуженно, с мгновенной безнадежной влюбленностью.

И ведь Ло сама понимала, что высшая несправедливость – тратить это платье на нее: худую до болезненности, изможденную после госпиталя, коротко стриженую и блеклую от кончика слишком длинного носа до тонких пальцев, все время беспокоило мнущих что-то. Пальцы настойчиво пытались вернуть ощущение горячих упругих потоков, пронизывающих все вокруг, но бесполезно, и Ло старательно прятала их или следила за неподвижностью, но все равно постоянно забывала. Со стороны это, наверное, выглядело то ли смешно, то ли жутковато, словно вязальщица нащупывает невидимые спицы и пытается накинуть на них такие же невидимые нити.

А на Мелли платье смотрелось бы просто невероятно. Она в нем была бы прекрасна так, что глаз не отвести, – Ло знала точно. И изнемогала от невозможности поделиться с сестрой хоть чем-то из богатого приданого, которое ей самой было совершенно не нужно. Увы, нарядные платья, тонкие шерстяные и шелковые чулки, теплые и легкие накидки ей не принадлежали – это была всего лишь обертка для королевского подарка. И каждая пара чулок была тщательно сосчитана и внесена в опись. Ведь Ло теперь и сама не принадлежала себе. Объяснять же это Мелиссе оказалось бесполезно – сестра попросту не слышала. Ей, второй дочери в семье, выйти замуж по королевскому сватовству казалось милостью небес. Да она хоть сейчас бы с радостью заняла место Ло под венцом с кем угодно – главное, чтобы в этом платье...

Ло грустно улыбнулась, глядя на суматоху вокруг кареты так равнодушно, словно к ней все это никак не относилось. Бедная глупышка Мелисса... Что ж, она подрастет и поймет. Девочке всего семнадцать, она никогда не была свободна в выборе нарядов, нельзя быть к ней слишком строгой. Но объяснять Маркусу, почему сестра не осталась ее проводить, а на следующий же день заторопилась во дворец, сославшись на обязанности, Ло не собиралась.

– Вы готовы, миледи? – обратился к ней стряпчий, назначенный королем в сопровождение.

Мэтр Тюбуи, худой и носатый, в суконном черном сюртуке и белой крахмальной манишке похожий на аиста, вызывал у Ло не отвращение, но неприязнь уж точно. Нет, он держался безукоризненно вежливо, но даже не холодно, а с полнейшим равнодушием. Мэтр Тюбуи видел в ней дорогой и способный доставить хлопоты груз, который следовало довести в целости и сохранности от его величества коменданту Рольфсону. Это не просто раздражало – у Ло в глазах темнело от бессильной злости. А впереди были две недели пути и одна карета на двоих, где она сможет уединиться только на краткие минуты утреннего и вечернего туалета. Баргот побери этого стряпчего! Или помоги, Пресветлый, его не убить...

– Разумеется, – бросила она точно с таким же равнодушием.

Стряпчий бросил взгляд на ее личную укладку, закрепленную под днищем кареты, и на бесстрастном лице появилась тень неодобрения. Видимо, по его представлениям говорящей и двигающейся вещи под названием «леди Ревенгар, невеста, одна штука» иметь багаж не полагалось. Мало ли что она там скрывает и какие от этого могут быть неудобства? Интересно, а в списке груза она сама числится под номером один или где-то ближе к концу?

– Извольте сесть в карету, миледи, – сухо, одним кивком, поклонился стряпчий. – Я присоединюсь к вам позже.

– Да хоть бы и никогда, аист засушенный, – дождавшись, пока стряпчий отошел, тихо пробурчала Ло, запрыгивая в карету и чувствуя себя, словно в клетке.

Ну, ничего, посмотрим, кому в дороге придется хуже. Что-то подсказывало, что мэтр не относится к числу заядлых путешественников. Иначе он бы понял, почему Ло наотрез отказалась ехать в платье с корсетом, заявив, что лучше отправится голой, чем сменит штаны и рубашку на «приличный леди наряд». Зато он пытался навязать ей горничную. Рыхлая сдобная девица и на багаж, и на стряпчего, и на саму Ло смотрела коровьими глазами с одинаковым тоскливым ужасом. Ло с мстительным упрямством заявила, что карета и так слишком тесна, а верхом девушка ехать не сможет, разумеется. Придется ей, леди Ревенгар, в дороге обходиться собственными силами – справлялась же она как-то все эти годы там, где до горничных было дальше, чем до позиций противника.

Ло выглянула из окна, в последний раз оглядев пыльный двор, мощный крупными плоскими камнями, глухие стены тыльной стороны дворца, чахлые кустики, отделяющие каретный двор от конюшни. «Слов нет, как романтично, – злобно подумала она. – Сказка просто... Трепетная невеста спешит к нетерпеливому жениху, дюжину умертвий ему под одеяло. Надо было выпросить в дорогу парочку любовных романов – было бы хоть чем запустить в стену кареты с тоски».

* * *

Дорога оказалась даже большим испытанием, чем она могла предположить. Хотя мэтр, к удивлению Ло, проявил себя полезным и ненавязчивым попутчиком. Он безропотно убирался из кареты по малейшему намеку, равнодушно терпел шипение Ло и быстро выучил, что по утрам ее не следует трогать до первой чашки шамьета. Причем шамьет должен быть горячим, густым и сладким настолько, чтобы ложка стояла и дымилась!

Примерно через неделю Ло признала про себя, что с молчаливым и незаметным стряпчим ей повезло, о чем не преминула сообщить самому мэтру: мол, если он решит сменить род занятий и устроиться горничной, она даст наилучшие рекомендации. Мэтр сухо поблагодарил, не дрогнув ни единой черточкой лица, и продолжил читать какую-то книгу, пользуясь короткой роскошью дневного света. Ло с сожалением присудила ему еще одно очко за выдержку и продолжила думать о своем.

Что действительно было отвратительным, так это скука днем и дурные сны ночью. Никогда ей не приходилось так надолго оказываться в отчаянном безделье! Раньше она бы посвятила внезапный досуг отработке или составлению арканов. Вспомнила бы самые удачные комбинации, случившиеся в бою, разобрала их на составляющие, прикинула, как улучшить, а то и попробовала во время утренней и вечерней остановки. Но раньше она и ехала бы, скорее всего, не в карете, а верхом, в мужском седле, подставляя лицо прохладному осеннему ветру, фыркая над шутками солдат и поглядывая по сторонам с настороженным интересом. Раньше...

Раньше она бы не позволила себе каждую ночь просыпаться от темного липкого ужаса, заполняющего каждый уголок ее снов подобно черному, резко и дурманно пахнущему меду, который пчелы собирают с гнилых плодов. Этот ужас не то поднимался изнутри, не то приходил извне, и Ло барахталась в нем, видя всегда одно и то же. Разноцветные звезды-семилучевики. Как и зачем символ Ордена попал в ее кошмары, она не знала, но целитель-душевед с умным видом сообщил, что так выражается тоска по утраченной силе. Тоска была – с этим не поспоришь, и Ло приняла объяснение. Лучшего у нее все равно не нашлось.

Она украдкой покосилась на руки, смиренно сложенные на коленях. На указательном пальце все еще виднелся след от единственного украшения, что она носила, – перстня с рубиновой звездочкой. Такие Орден по традиции дарил всем выпускникам, отличался только цветом камня, у каждого факультета – свой. Семь факультетов – семь специальностей – семь цветов

магического спектра. Ее рубин, знак боевого мага, был кроваво-красным, горячим, и внутри него всегда билась в такт сердцу Ло крошечная искра... Она оставила перстень Маркусу – не могла больше видеть мертвый камень. Но и продать ставшую теперь обычной драгоценность рука не поднялась. Что ж, пусть лежит на черный день. Вместо него она скоро наденет фамильный женский перстень Ревенгаров из обручальной пары, которую везет для обряда мэтр Тюбуи.

Но почему все-таки звезды разноцветные? Если дело в утраченной силе боевого мага, им следует быть красными!

Карета мерно качалась на рессорах, лошади шли превосходной размеренной рысью, и Ло откинулась на мягкое сиденье, почти не чувствуя боли в спине. Так, тянуло немного... Да и то скоро совсем заживет, как наперебой обещали лекари в госпитале, пока она с мучительной тянущей жаждой замечала их травянисто-зеленые живые звезды-камни. Не хотела – но те сами бросались в глаза! Нет, что-то не сходилось в предположении того душеведа.

Вздыхнув, Ло постаралась выкинуть магический спектр из головы – хватало более важных тем для размышлений. Например, как она все-таки смогла активировать ключ от взрывателя? Какие там остатки силы? Да она выгорела изнутри так, что даже каналы спеклись – Ло поморщилась, представив черную, выжженную изнутри сеть силовых каналов, как на учебном пособии. Аркан Медеоса – лучшее средство против мага, потому что обращает против него собственную силу. Чем больше силы – тем мощнее удар. Идеальное средство против трех боевых чародеев, оставшихся на дежурстве у ключа и накачанных силой до предела резерва.

Только вот противник никогда не использовал боевую магию. Северяне-вольфгардцы жили по жесткому кодексу чести, в котором боевая магия Дорвенанта прямо относилась к недостойным воина уловкам и отрицалась напрочь. Лекари, погодники и артефакторы в Вольфгарде были, но не боевики! Даже их ведьмаки творили магию совсем иную, основанную не на чистой божественной силе, но на изначальных природных эманациях. А чары Медеоса – это даже не огненную сеть слепить, чтобы пугнуть вражескую кавалерию, Они требуют совершенного мастерства и огромной силы. Откуда же у них взялся боевой маг, способный на Аркан Медеоса такой мощи? И, главное, как он оказался в укрепленной охраняемой башне за спинами чародеев Дорвенанта?

Ло нахмурилась, восстанавливая в памяти расположение комнат. Пост был ровно посередине второго этажа, на первом дежурила пара солдат. Не для охраны – уж трое таких мастеров боевой магии могли защитить себя лучше, чем рота гвардейцев. Нет, эту пару оставили просто на посылках. Затопить камин, разогреть нехитрый паек или сварить шамьет лордам и леди... Что случилось с этими двумя? Ло не знала... Она даже их имена и лица не могла вспомнить, а ведь должна была! Ладно, допустим, враг, кто бы он ни был, проник в башню. В конце концов, если это сильный маг, он мог использовать личный портал. Мог? Мог. Теоретически. Уж силы индивидуальный нестабильный портал требует куда меньше Медеоса, только умения и знания координат.

Он либо переместился сразу на второй этаж, либо прошел с первого, минуя солдат. Одурманил или убил. Неважно... И вошел в комнату с ключом. Там почти ничего не было... Ло скривилась – виски заломило болью – но упрямо продолжила вспоминать. Стол посреди небольшого зала – там стояла подставка с ключом. Ключ... Цилиндрик в палец длиной. Взять, прижать палец к махонькой иголке. Та уколется сама и либо подтвердит допуск, либо пошлет в кровь порцию мощного сонного зелья. Это Арчи предложил, чтобы не убить возможного злоумышленника, а оставить для допроса. Пресветлый Воин, да разве они верили всерьез в каких-то злоумышленников?!

Еще в комнате было три кресла. Два стояли у камина, Колин и Арчи коротали время за игрой в зернь, положив доску прямо на колени. Оба плутовали отчаянно, кости плясали так, что отлетали от доски и кружились между игроками, рассыпая искры... Лавиния с усилием вздохнула, проталкивая воздух в сжавшееся горло и запретив себе вспоминать лица друзей.

А ее кресло стояло чуть поодаль, она пыталась наложить заплатку на штанину – та провалилась на самом колене. Заплатке, конечно, полагалось держаться без ниток, на живую, но в практической артефакторике Ло всегда была очень плоха... Кусочек тонкой кожи морщился, норвил выползти из-под пальцев...

И снова тьма! Тьма накрыла все, что Ло должна, обязана была помнить. Сквозь тьму она слышала истошный крик, показавшийся бесконечным. Кажется, она сама тоже крикнула – и все. Тьма и звезды! Проклятые семилучевые звезды! Может, следовало сказать о них дознавателю? Но тот и без того вытряхнул из целителей все, что касалось Ло. Каждое слово, каждое движение, пока она валялась без сознания. Что преступного может быть в официальном символе Ордена?

– Ваша светлость...

– Что? – вскинулась она, недоуменно глядя на стряпчего, некстати оторвавшего ее от почти пойманной мысли. – Простите?

– Подъезжаем к постоялому двору, – терпеливо повторил мэтр Тюбуи. – Здесь можно отдохнуть под крышей.

– Ванна! – выдохнула Ло, прижимая пальцы к вискам, куда будто гвозди забивали. – Хотя... Ладно – бочка. Да хоть поилка для лошадей, лишь бы с горячей водой!

– Я учту ваши пожелания, миледи, – церемонно кивнул мэтр, и Ло содрогнулась, представив, что сухарь-стряпчий выполнит ее волю насчет поилки в точности. То ли из чудовищной пунктуальности, то ли из мстительности. Вдруг он... не такой сухарь, каким кажется?

– Будьте добры, – попросила она, изобразив любезную улыбку, но мэтр почему-то вздрогнул и поспешно уткнулся в книгу.

С поилкой обошлось. Для Ло нашли вполне пристойную бочку-купальню, и всего через час после приезда она нежилась в исходящей паром воде, куда молоденькая служанка плеснула травяного отвара. Судя по запаху, там точно была мята и что-то еще с медовым теплым ароматом.

Сидя в бочке по самую шею, хоть для этого и пришлось обнять колени, Ло шурилась, слегка шевелила руками, разгоняя горячую воду, и с вождением думала, как сейчас она промывает волосы, высушит их, сменит белье на свежее и ляжет в постель. Пресветлый Воин и все его благие родичи – постель! На которой можно вытянуться! И которая – вот счастье-то – никуда не едет и даже не качается. Ло казалось, что даже бочка, стоящая на полу, мерно подпрыгивает на барготовых рессорах – так она привыкла за пять дней к дорожной качке.

Она выполнила свой план ровно наполовину. Отмылась до скрипа, но волосы не высушила, а только вытерла полотенцем. Усмехнулась зло и горько, спохватившись только, когда уже сложила пальцы для горячей воздушной струи. Даже такой мелочи лишилась... Как обходятся без этого обычные женщины? Привыкай, Ло Ревенгар.

Но все равно было чудесно. Ощущение чистоты от кожи, волос и одежды, новые тонкие чулки, рубашка... Ло села у окна, взяла расческу, запустила пальцы в подсохшие пряди. Комнату ей отвели с окном в сад, уже изрядно облетевший, но несколько поздних яблонь еще кучерявились листвой, закрывая окно, отчего днем в комнате было прохладно, а сейчас, после купания, даже холодно, пожалуй. Через пару минут у нее замерзли ноги, да и пол был мокрый, так что Ло с сожалением натянула сапоги. Потом взмахнула расческой раз, другой...

Звуки за окном сначала показались обычной ночной жизнью постоялого двора. То ли кошка мяукнула, то ли сыч заорал... Нет! Она прислушалась.

– Пу-у-устите... Не хочу... Не на-а-адо... Ай!

Ло распахнула окно раньше, чем успела это понять. Деревянная решетчатая ставня открыла сад, залитый лунным светом. Возле ближнего к окну дерева что-то копошилось. Темное, непонятное.

– Не на-а!

Тонкий крик захлебнулся. Как была, в рубашке, чулках и сапогах, Ло взлетела на подоконник, прыгнула в траву с высоты своего роста. Вскочила и кинулась к яблоне. Света от почти полной луны хватило, чтоб увидеть...

В последний момент она успела пожалеть, что не схватила что-то получше щетки для волос. Что-то или тяжелее, или острее. Ло изо всех сил ткнула ею в спину мужика, что тискал почти не заметную за его тушей девушку. Дождалась, пока обернется, и вторым ударом впечатала массивную серебряную щетку узким краем ему в переносицу. Мужик охнул, схватился за лицо. Подхватив край рубашки, Ло так же молча ударила его ногой в пах. Дождалась вопля и пнула в колено – под окованным носком сапога хрустнуло. Свалившись, мужик уже не орал, только катался по траве, мыча и сдавленно подвывая.

– Ми...ми...леди... – скулила девчонка, держась за яблоню.

– Ваша светлость! – укоризненно воскликнул мэтр Тюбуи, примчавшийся в сад еще раньше хозяина, Ло даже заподозрила, что стряпчий был где-то неподалеку. – Нельзя же так!

– Можно, – с глубоким удовлетворением сообщила Ло, оглядывая присутствующих. – И даже необходимо.

Мэтр стыдливо отвел глаза от ее груди, просвечивающей под тонкой тканью. Ло усмехнулась, представив, как смотрится со стороны в одной рубашке поверх чулок.

– Потаскуха приبلудная! – орал хозяин на служанку, которая часом ранее таскала воду в бадью для купания Ло, по два тяжелых деревянных ведра разом. – Ты зачем с ним в сад пошла?! У, шлюха... Запорю мерзавку, месяц не сядешь!

– Да я... – всхлипывала девчонка. – Он сказал... что леди яблоч просит...

– Яблоч, значит, – прищурилась Ло. – А ну-ка, милейший, оставьте в покое мою горничную.

– Чаво? – поразился хозяин.

– Ваша светлость! У вас нет горничной.

– Теперь есть, – сообщила Ло. – Потрудитесь завтра выдать ей жалованье за первую неделю вперед. И велите убрать этого борова, он стонет слишком близко от моего окна. Хозяин, купальню можно забрать, принесите вторую постель и подавайте ужин. На двоих. А ты, милочка...

Девчонка глядела на нее со священным ужасом, хозяин ловил воздух ртом, а мэтр – Ло начала проникаться к нему уважением – поклонился и исчез.

– Вещи есть? Собирай и переходи ко мне в комнату, – велела Ло.

Еще сильнее выпрямившись, она развернулась на каблуках и пошла к себе – через сад, по двору и на лестницу, надменно вскинув голову и старательно не замечая изумленных взглядов, провожающих полураздетую постоялицу. Внутри медленно отпускал липкий страх: она только сейчас поняла, что, окажись хоть один удар неудачным... Свалить ублюдка магией не вышло бы. А мэтр мог и не успеть. «Как обычная женщина... – звучал у нее в памяти голос короля. – Привыкайте...»

ГЛАВА 6. И жили они долго и счастливо...

С первого взгляда на невесту Эйнар понял, что все его мрачные предчувствия – сущие пустяки по сравнению с действительностью. Выбравшаяся из кареты светловолосая женщина в мужской одежде походила на леди не больше, чем сам капитан – на балованного придворного хлыща. Высокая и не столько стройная, сколько откровенно тощая, больше всего она была похожа на горную кошку, пережившую очень тяжелую зиму. Даже двигалась именно так: скупыми медленными движениями, словно сил у нее осталось ровно на то, чтобы вцепиться кому-то в глотку.

Ступив на землю возле кареты, она первым делом посмотрела не на встречающих, а на солнце. Осеннее неяркое солнце, полускрытое низкими серыми облаками, цепляющимися вер-

хушку Орлиного пика. Прищурившись, дернула плечом, криво и совсем невесело улыбнулась краем рта и лишь тогда в упор взглянула на Эйнара, безошибочно выбрав его среди пяти-шести человек.

– Комендант Рольфсон?

Голос у нее для женщины тоже был низковат и с легкой хрипотцой. Эйнар смотрел на короткие белые волосы, собранные в небрежный пучок, на острые скулы и упрямый подбородок, светлые почти до прозрачности глаза, то ли серые, то ли голубые, он никак не мог разобрать.

– Леди... Ревенгар?

Поклон у него вышел неудачным, больше похожим на кивок и слишком резким. И тут же он подумал, как она будет отвечать реверансом в непристойно узких замшевых штанах вместо юбки или платья? Оказалось – никак. Потратив еще несколько мучительно долгих мгновений на его рассматривание, магичка вздохнула и угрюмо поинтересовалась:

– Могу я вымыться и отдохнуть с дороги?

– Разумеется, – спохватился Эйнар, досадуя на собственную тупость. – Тибальд, проводи. Ваш багаж принесут следом, миледи.

Ответив ему точно таким же кивком-поклоном, женщина молча пошла за Тибо, шагая слишком резкой и какой-то рваной походкой. Эйнар проводил ее взглядом и повернулся к остроносому человеку в глухом сюртуке темного сукна. Видно ворона по перьям, а стряпчего – по повадкам.

– Я мэтр Тюбуи, – представился тот. – Королевский стряпчий, сопровождающий леди Ревенгар согласно уложениям о порядке заключения брака по королевскому сватовству. Когда вам будет угодно приступить к обсуждению договора, капитан? Я готов предоставить соответствующие документы.

– А что, невесты это не касается? – слегка удивился Эйнар, потому что леди-магичка не выглядела безропотной куколкой.

– В данном случае – нет. Ее светлость может только одобрить договор. Или не одобрить. Чего, я полагаю, не случится. Интересы ее светлости здесь представляю я.

– Вы все-таки тоже передохните с дороги, мэтр, – вздохнул Эйнар. – Мы вас ждали двумя днями позже, я сейчас уезжаю на заставу. Вернусь только вечером, тогда и поговорим.

– Настолько срочное дело? – в голосе мэтра, таком же гладко-суконном, как безупречный воротник его сюртука, проскользнул намек на неудовольствие.

– Очень, – соврал Эйнар и позорно сбежал.

На заставу он и в самом деле поехал – давно пора было отвезти туда теплых одеял, светильного масла для ламп, да и просто еды. Армейского пайка трем новобранцам и одному ветерану должно было еще хватить на пару недель, но если можно чем-то сдобрить приевшуюся кашу с солониной, то Эйнар не видел причин держать людей на одних казенных харчах. А в последнем «перевальном мешке», который купцы по нерушимому обычаю добавляли к таможенному сбору лично для солдат крепости, нашлась отличная свиная колбаса. А еще копченая рыба, горох и даже сушеные яблоки. Это на равнине яблоками зачастую кормят коров и свиней, здесь же они сойдут за лакомство. Эйнар снова вспомнил тоскливый, упрямо-загнанный взгляд магички-невесты и внутренне передернулся – тяжело ей будет, да и ему не легче. Если, конечно, в договоре не прописано, что муж и жена могут жить в разных местах.

Вернувшись, он первым делом завернул в лазарет и велел Лестеру собрать для балбесов на заставе лечебный припас – один из троих молодняка ухитрился сбить ноги сапогами, и потертости начали нарывать. Второй маялся животом, но клялся, что не ел ничего такого. Но это все были заботы мелкие, пустяковые, а вот идти на ужин отчаянно не хотелось.

– Тибальда позови, – попросил он. – Пусть сюда придет.

– Да уже позвал, – невозмутимо ответил Лестер, бросив на него сочувственный взгляд. – Вон он, спешит.

– Ну? – бросил Эйнар, без всякой нужды присев к топящейся печи и поправляя в ней поленья. – Как леди? Устроилась?

– Это-то да...

Что-то в голосе старого приятеля Эйнару не понравилось. Он обернулся и увидел, что Тибо мнется в нерешительности, которая за ним водилась крайне редко.

– Что такое?

– Да Молли... Понимаешь, она, оказывается, комнаты приготовила... Ну не те...

– Не тяни козла за рога, Тибо. Какие комнаты? У нас тут что, постоялый двор?

– В том и беда, – потупился сержант. – В северном крыле, сам знаешь, дует и дымоходы сто лет не чищены. А в твоей спальне до свадьбы ей делать нечего. Вот Молли и того... открыла ей спальню Мари.

– Так...

Эйнар почувствовал, как скулы сводит от злости. Дура! Другого места найти не могла?! На одну-две ночи бы как-то устроила, а потом уж...

– Эйнар, не злись, – торопливо попросил Тибальд, выглядя виноватым. – Что она там, погрызет что-то? И в углу не нагадит, не кошка, чай. А потом в свою спальню заберешь. Ну, когда поженитесь.

– Хватит, – бросил Эйнар и тут же поправился: – Про это хватит. А вообще – как там?

– Да ничего! – воспрял духом Тибо, решив, что гроза прошла мимо. – Сундуков у нее – полкомнаты заняли. И горничная. Уж такая девочка... Прямо яблоневого цвета! Щебечет, как птичка, вокруг хозяйки вьется, в рот ей заглядывает, леди то, да леди это...

– Хватит про горничную! – начал закипать, как котелок на огне, Эйнар. – Леди что?

– Леди велела бадью принести и воды нагреть. Помылась, от еды отказалась. Сказала, что будет ужинать, когда ты приедешь. Неприлично, мол, без хозяина. И велела не беспокоить, вот.

– Неприлично, значит?

Эйнар поморщился. У него теплилась надежда, что хоть сегодня получится не видеть друг друга, раз уж договор он будет обсуждать со стряпчим. А ужин... Баргот его знает, как устраивать ужин для благородной дамы. У него и скатерти-то нет. Давно уже.

– Молли сказала, что для гостей расстарается, – тихо сказал Тибо, как обычно понимающий до отвращения много.

– Отправь кого-нибудь дымоходы в северном почистить, – приказал Эйнар, вдруг почувствовавший себя омерзительно потным и пыльным. И всего-то проехал верхом миль пятнадцать да оттуда столько же. По единственной здесь вполне приличной дороге. – Завтра же и отправь. И рамы пусть починят, что ли.

Потому что нечего хоть самой высокородной леди делать в комнате Мари. И Тильда... Как все это теперь объяснить Тильде, ради Пресветлого Воина?

* * *

– Ой, миледи, какой у вас жених суровый! – болтала Нэнси, быстро и ловко разбирая самые необходимые вещи. – Как глянул – у меня и душа в пятки шмыгнула! А так мужчина ничего, видный... Плечистый и шрамов нету. Вот у меня два дядьки в солдатах – так и носы переломанные, и зубов не хватает, а уж если рубаху снимут – жуть! А у его светлости лицо чистое. Видать, сам на других шрамы оставлял...

– Помолчи, – устало сказала Ло, опускаясь на кровать и морщась, – от постельного белья повеяло затхлостью.

Девчонка послушно притихла, и Ло огляделась вокруг. Спальня, дверь в которую отперла высокая тетка в нарядном по меркам прислуги платье и чистом переднике, явно была нежилой. Тетка кланялась и божилась, что ее милость ждали не раньше послезавтра, вот и не успели все

подготовить. Но они сейчас! И действительно, снизу примчались еще две девицы и под руководством тетки быстренько вытерли пыль, смахнули паутину и даже провели мокрой тряпкой по оконным стеклам, отчего на тех остались заметные разводы. В общем, ни в один приличный дом местную прислугу не взяли бы даже полумойками, но Ло прекрасно понимала, что это крепость. Горная пограничная крепость. И уже то, что здесь вообще есть прислуга, – изрядная роскошь. Но про белье никто не подумал, а оно, хоть и чистое, явно отдавало сыростью. И обои, простенькие, дешевые, кое-где подернулись зеленыю. Ло снова поморщилась.

Высокая деревянная кровать, накрытая шерстяным пледом, у окна – туалетный столик с тумбами и тусклым зеркалом в половину человеческого роста. Дорогая вещь для обычного служаки, между прочим. Щетка для волос, какие-то ленты, шпильки... Баночка то ли пудры, то ли помады, пыльная, не разобрать. На окне – засохший цветок в горшке... Ло передернуло. Склеп, только без тела. Чужой склеп, закрытый не один год назад и открытый сейчас лично для нее, новой супруги. Она зябко обхватила себя за плечи ладонями – по комнате словно подуло холодом. Кажется, комендант Рольфсон – дурак. Или просто бесчувственный скот. Устроить ее в комнате покойницы, откуда вещи даже не успели вынести! Может, это изысканное издевательство? Хотя Рольфсон не был похож на человека, способного придумать подобное нарочно.

Ло вспомнила коменданта. Чуть пониже Маркуса, но это ни о чем не говорит, некромант – та еще жердь. Зато в плечах куда шире. Короткие, неровно обкромсанные темно-русые волосы, мощная упрямая челюсть с недавней щетиной. Одевается по-солдатски, выглядит старше своих лет и так, словно давно не высыпается. Уж в этом Ло разбиралась... И глаза под тяжелыми набрякшими веками – как у больного пса на цепи. Матерого такого волкодава, с крепкими острыми клыками и ничего хорошего не ждущего ни от одной протянутой к нему руки. Неужели до сих пор тоскует по жене? Глупости... Романтические глупости... Которые тебе, Ло Ревенгар, стоит выбросить из головы и не приписывать будущему супругу излишней утонченности натуры. Солдафон и есть солдафон, ты ли их не навидалась? Некоторым на цепи самое место, кстати сказать, они и не знают, как без нее жить. И дать им свободу опасно что для них самих, что для окружающих.

– Нэнси! – позвала она девчонку. – Сбегай вниз, найди местную экономку и возьми чистое белье. На этом спать невозможно. И пусть пришлют плотника выставить рамы. А потом – затопят камин.

Поднявшись, она подошла к окну, брезгливо потрогала пальцем грязное стекло. Понятно, что ей отвели лучшую комнату по здешним меркам, но, чтобы склеп снова превратился в спальню, надо потрудиться. А ведь выходит, что жена коменданта ночевала одна? Странно для обычной семьи, это ведь не аристократы, для которых отдельные спальни в порядке вещей.

За спиной раздался дробный стук башмачков Нэнси. Девчонка с постоялого двора оказалась прекрасной горничной. Не слишком умелая в обращении с одеждой – понятно, где бы деревенской девице научиться гладить атлас и чистить бархат – зато смышленная, расторопная, всегда в веселом настроении. А уж угодить старается так, что первые дни приходилось одергивать, чтоб не слишком мельтешила. Вот и сейчас быстренько сбежала по лестнице и куда-то летит через двор, только юбка вокруг ног плещется.

Ло присмотрелась к двору. Плиты серого камня чисто выметены, к бочке под водосточным желобом привязан ковш, чтобы удобнее черпать воду, вдоль одной стены навес, под которым аккуратно сложены колотые дрова. Похоже, вон та дверь – на кухню, из выведенной наружу трубы вьется дымок. И нигде никакого сора, грязи... То ли комендант – рачительный хозяин, то ли у него кто-то толковый и строгий в помощниках. А вот дерево почти среди двора... Дерево странное.

Высокий вяз по-осеннему желтел и зеленел листьями только на половине веток. Вторая половина засохла и торчала жалкими темно-серыми рогульками. Почему их не спилили? Смотреть же противно, и никак не вяжется с идеальным порядком во дворе. Да и ствол...

Даже из окна ствол выглядел искореженным, покрытым неестественно вздувшимися наростами. Ло досадливо дернула уголок рта – повреждения вяза были очень похожи на магические. Странно... Ладно, это сейчас не самое важное.

Дверь скрипнула, и Ло удивленно обернулась: Нэнси назад не пробегала, а местным следовало постучаться и спросить разрешения войти. Супруг, что ли?

Нет, на пороге стояла незнакомая девчонка. Лет двенадцати-тринадцати, тоненькая, в красно-коричневом полосатом платье, явно перешитом со взрослого плеча и стянутом на талии простым кожаным пояском. Кто-то, наверное, мог бы умилиться круглому веснушчатому личику и двум коротким темно-рыжим косичкам, но Ло увидела другое – холодный взгляд, плотно сжатые губы и бледность. Девчонка смотрела со злостью, которую даже не думала скрывать. На миг Ло будто увидела себя ее глазами: отвратительную чужачку, занявшую комнату матери. Будущую мачеху, словно только что из сказки...

– Добрый день, – сказала она девочке, стараясь говорить приветливо. – Ты пришла познакомиться со мной? Я очень рада.

Радости Ло не испытывала ровным счетом никакой, а знакомиться с будущей падчерицей предпочла бы в присутствии ее отца. Представление друг другу, реверансы, улыбки, пусть и деланные, – таков этикет, чтобы сгладить неловкость первой встречи.

– Меня зовут Лавиния, – продолжила она, гадая, не немая ли девчонка. – Леди Лавиния Ревенгар. Наверное, твой отец рассказал тебе обо мне? А как твое имя?

Девчонка все так смотрела на нее в упор, кажется, даже не мигая. Потом медленно обвела взглядом комнату и бросила:

– Это комната мамы.

– Я знаю, – вздохнула Ло. – Поверь, мне жаль, что пришлось пока ее занять. Уверена, мы что-нибудь придумаем, и скоро я ее оставлю. Не беспокойся, я не буду здесь ничего трогать...

– Это. Комната. Мамы! – отчеканила девчонка, и в лягушачье-зеленых глазах мелькнула совсем не детская ненависть.

Повернувшись, она бросилась бежать по коридору, топая башмаками так, словно вколачивала их в пол. Мелькнуло полосатое платье и скрылось за поворотом. Ло вздохнула, отходя от окна и снова присаживаясь на кровать. Великолепно! Вот она и познакомилась с падчерицей. А судя по характеру девчонки, скоро Ло будет вполне понимать своих сказочных товарок, норовящих избавиться от прелестных сироток то отравленным яблоком, то прогулкой в лес в один конец. Чутье подсказывало, что ей только что объявили войну.

Ло потеряла виски, уговаривая себя, что это просто усталость. Надо бы все-таки выпить травяного отвара... Но тошнота не отпускала, становясь все сильнее от запаха плесени и сырости. Чужая спальня давила со всех сторон, потолок казался слишком низким, вещи неизвестной мертвой женщины вызвали гадливость, которую покойница не заслужила, но легче от этого не становилось. Ло мысленно поклялась себе, что это будет ее первая и последняя ночь здесь. Даже если спать придется на конюшне. Ну, и где Баргот носит дражайшего супруга?

* * *

Не пойти на ужин было очень заманчивой мыслью, но Эйнар от нее отказался. Рано или поздно все равно придется узнавать будущую супругу поближе. Не говоря уж о том, что ждет их после свадьбы. По правде говоря, даже думать о брачной ночи не хотелось. Первое время после гибели Мари любая женщина вызывала у него острое отвращение. Вид их, запах, искреннее или фальшивое сочувствие в глупых глазах – Эйнар даже не разбирался, каким оно было. Одну дуру, решившую утешить несчастного вдовца и забравшуюся в его постель среди ночи, он молча выкинул за шкуру в коридор прямо в рубашке, которую та не успела снять. Дура рыдала, а Эйнар велел Молли рассчитать ее и отправить с первым же обозом в любую сторону перевала. Остальные все поняли правильно и в кровать к нему больше не лезли.

Иногда звериная тоска по Мари невольно перетекала в такое же звериное, безрассудное плотское желание снова обнять жену, вдохнуть ее теплый, чуть сладковатый, родной запах, прижать к себе... Но ни одна женщина рядом не была ею, и обмануть себя у Эйнара не получилось бы ни трезвым, ни пьяным, ни смертельно усталым. Что ж... Если мужчина – действительно мужчина, а не гуляющий пес, то решает у него та голова, что на плечах. А для бунтующего тела есть ледяная вода, тренировки с новобранцами, бег в полной выкладке и работа до одури. Каждый день, с утра до вечера.

Теперь это должно было так или иначе измениться, но почему именно с ней? Высокой тощей белобрысой магичкой, не похожей на Мари ни единой чертой! А может, и хорошо, что не похожей. Уж если изменять памяти жены, то не обманывая себя сходством.

Эйнар зло усмехнулся, вытираясь полотенцем и надевая чистые штаны с рубахой. Честный предатель? Вот уж дурость.

Обед для леди-невесты и ее сопровождающего накрыли не в общем зале казармы, где столовались солдаты, а в комнате, где останавливались приезжавшие за таможенным сбором чиновники. Большой, но давно обветшавший зал разделялся пополам перегородкой, за которой стояли три обычные солдатские кровати, но с приличным бельем и двумя одеялами вместо одного. В передней половине гостей кормили, здесь имелся стол, за которым с удобством могло разместиться человек двенадцать. И вот тут Эйнар задумался...

Сама леди-магичка, ее стряпчий, Эйнар, Тильда...

– Вели Молли накрывать на шестерых, – приказал он парню, притащившему таз и ведро горячей воды. – И скажи сержанту Мерри и мэтру Вайсу, что я их жду к ужину. Понял?

– Так точно, господин капитан! – отрапортовал парнишка и умчался, а Эйнар почувствовал себя немного лучше.

Он ведь вправе пригласить к столу кого угодно? Например, своего сержанта... А невеста сможет поговорить с Лестером, как магичка с магом. Хоть Лестер и недоучка, но все-таки...

Хорошим план казался ровно до того момента, как Эйнар увидел на пороге обеденного зала тонкую высокую фигуру в темно-синем платье, расшитом золотом. Не целиком, только по рукавам, вороту и низу подола, да пояс был золотым. Но одно это платье явно стоило дороже, чем весь одежный сундук семьи Рольфсонов. Бывшей семьи Рольфсонов.

– Папа, я не хочу с ней ужинать, – сказала Тильда, прижимаясь к нему плечом, хотя робости за его дочь отродясь не водилось. – Она злая.

– Тиль, давай поговорим потом, – негромко ответил Эйнар, кляня себя последними словами – что бы ему раньше побеседовать с дочерью? – Ты ее совсем не знаешь.

Тильда замолчала и быстро шмыгнула на стул возле Эйнара, вцепившись в ложку и опустив глаза.

– Леди Ревенгар?

Ну почему у него язык узлом завязывается при виде этой женщины? Ну и что, что она леди? Можно подумать, у них все иначе устроено, не как у простых.

– Комендант Рольфсон...

Да она издевается, похоже. Видит в нем неотесанного северного дурня, не способного двух слов сложить! Злость странным образом успокоила и придала Эйнару соображения.

– Прошу к столу, – сдержанно сказал он, и стряпчий, до этого следовавший за магичкой, подал ей руку, подводя к столу.

Не рядом с Эйнаром, а напротив. Ну да, она ведь еще не жена.

Леди опустила на стул, расправив платье таким изящным незаметным жестом, что это стало понятно лишь по легкому шороху. Посмотрела на Эйнара с вежливой улыбкой. На узких светлых губах без малейшего следа краски учтивая улыбка смотрелась так же фальшиво и неуместно, как сама леди здесь, в зале с закопченными стенами и щелястым скрипучим полом. Будто дорогая кукла, как-то оказавшаяся на трактирной полке или в бедняцкой лавке.

– Мы еще кого-то ждем? – поинтересовался мэтр Тюбуи, окидывая взглядом скатерть, все-таки добытую Молли из каких-то тайных запасов.

На скатерти, старенькой, но чистой и отглаженной, гордо располагался сегодняшней ужин: обычный хлеб и творожные лепешки, черничный джем на меду – гордость Молли, масло, сыр и блюдо жареных перепелов, дичи вкусной, но не пользующейся в крепости особым почетом, потому как что там есть, кости одни. А вот для столичных гостей кухарка сочла их вполне подходящим блюдом.

– Моих людей, – буркнул Эйнар и кивнул сунувшему нос в дверь Тибо. – Леди, мэтр Тюбуи, извольте познакомиться: сержант Тибальд Мерри и наш целитель, мэтр Лестер Вайс.

Леди магичка чинно кивнула. Стряпчий, еще не успевший сесть, поклонился, и Тибальд с Лестером поклонились в ответ, а Эйнар вдруг понял, что ужин будет бесконечным. Что же говорить о целой жизни?!

– Зеленый факультет? – негромко спросила леди на удивление человеческим голосом, и Лестер заулыбался:

– Пять курсов. На шестом... перестало хватать резерва. А вы, разумеется...

– Красный, полный курс, – так же негромко уронила невеста и с интересом посмотрела на еду.

Эйнар перевел дух. Кажется, все не так уж плохо? Стряпчий положил леди парочку перепелов и что-то искал глазами.

– Мэтр Тюбуи? – насторожился Эйнар.

– А, нет-нет... – законник все-таки пребывал в некоторой растерянности.

– Передайте мои поздравления вашей кухарке, комендант Рольфсон, – невозмутимо сказала леди, беря нож и ловко разделявая птичку, придерживая ее за ножку тонкими длинными пальцами. – Очень трудно так пожарить перепелов, чтобы они подрумянились до хруста, но остались сочными.

Мэтр покосился на нее с явным удивлением, тоже взялся за ножку перепелки, но почему-то сразу положил нож.

– А вам наши горные перепелки не по вкусу? – с участием спросил Тибо, и Эйнар пожалел, что не может заткнуть приятеля одним взглядом, явно ведь тот что-то понял и готовится отмотчить шуточку.

– Эм... я не настолько голоден, – вывернулся стряпчий. – Пожалуй, возьму лепешку...

– Это же дичь, мэтр, – усмехнулась магичка. – Ее можно и без вилки. Между прочим, перепела и вправду очень хороши.

Кровь бросилась Эйнару сначала в щеки, потом в уши. Все-таки опозорился. Вилки он, конечно, видал, но всегда считал блажью знатных и богатых, кто не может просто взять и съесть честный кусок мяса, разрезав его ножом. Нож и ложка – что еще нужно для стола? Проклятье...

Магичка невозмутимо уплетала уже вторую птичку, но в ее взгляде Эйнару все равно виднелось снисходительное презрение.

– Да, конечно... – сконфуженно улыбнулся стряпчий, осторожно прихватывая злосчастного перепела, словно тот мог клюнуть или улететь.

Рядом Тильда, насупившись, ковыряла ложкой лепешку, полив ее джемом, хотя мясо очень любила, и Эйнар ее понимал. Есть хотелось до рычания в желудке, но ведь непременно сделаешь что-нибудь не так. Он покосился на остальных. Тибо не в счет, он разделялся с перепелками не более стеснительно, чем дворовый пес, то есть с хрустом и смачным чавканьем. Наверняка еще и посильнее чавкал – нарочно. Лестер ел спокойно и тоже держал проклятую птицу за ногу. А магичка, оставив на краю тарелки аккуратно обглоданные косточки, безмятежно промокнула пальцы куском хлеба, взяла себе лепешку, подцепив ее ножом и самым кончиком ложки, и тем же самым ножом принялась мазать на лепешку джем. Получалось у нее это

так легко и спокойно, словно всю жизнь только тем и занималась. А вот Эйнар взял бы ложку. И салфетки Молли на стол не положила, разумеется...

А, да гори оно все огнем! Хоть простым, хоть магическим. Эйнар подцепил с блюда сразу двух перепелов пожирнее, перетащил к себе, намазал кусок хлеба маслом и положил сверху сыра. Еще он голодным не оставался в собственной крепости, потому что у кого-то особые представления, как надо есть. Может, за королевским столом он бы и постеснялся, но здесь-то стол – его!

Глаза Тибо, уплетающего очередную пичужку, весело и одобрительно блеснули. Леди магичка, разрезав пышку на куски, принялась есть ее ложкой, не пачкая губ черничным джемом, который, вообще-то, красит все, с чем оказывается рядом.

– Скажите, миледи, – спросил вдруг Лестер. – Седрик Ревенгар вам не родственник? Прекрасный был маг, выдающийся...

– Двоюродный дедушка, – ответила та ровно. – Вы его знали?

– А как же! Он вел у нас начальный курс. Редкий мастер! Просто редчайший... Мог не только объяснить некоторые сложные аспекты взаимодействия стихий, но и показать их. Правда, сил у него было немного, но для разумника это не помеха.

– Разумник? – леди удивленно подняла одну бровь. – Вы ошибаетесь, мэтр, почтенный Седрик был целителем. В детстве я играла его перстнем, там был изумруд.

– Да? Но... Ах да... Двойная звезда... Но я полагал, что белый... – смешался Лестер. – Наверное, что-то путаю...

Магичка смотрела на целителя взглядом, который Эйнар не знал, как назвать, но он ему не нравился. Пусть Лестер и напутал что-то в воспоминаниях об учителе – так немудрено, столько лет прошло. И вообще... надо бы заканчивать этот йотунов урок хороших манер и поговорить о деле, иначе он через несколько минут захрапит. Встал-то задолго до рассвета – опять не спалось.

– Миледи! Ой...

В дверь, так и оставшуюся полуприкрытой, заглянула горничная магички, бойкая девица, уже успевшая обежать всю крепость. Спряталась, опять заглянула...

– Господа, прошу прощения, – снова холодно улыбнулась леди. – Нэнси – девочка серьезная, попусту тревожить не будет. Иди сюда, милая!

Горничная влетела в комнату, и Эйнар увидел, что глаза у девицы перепуганные и даже, вроде, заплаканные.

– Ми-ми-миледи...

– Нэнси, успокойся. Что случилось?

Леди на девицу не рывкнула, как ожидал Эйнар, а попыталась выяснить все добром, но девчонка заревела, не глядя на гостей, и попыталась рухнуть на колени, уткнувшись в подол хозяйки и причитая:

– Платье, ми-миледи... Не виновата я! Клянусь, не я... Я... на минутку... Только за углями... в утюг...

– Простите, господа, – вздохнула магичка. – Кажется, придется мне самой туда подняться. Неспроста же такое отчаяние.

– Я с вами, – поднялся Эйнар.

Чем дальше, тем больше ему не нравилось происходящее в комнате Мари, что бы там ни случилось.

– С вашего позволения, мы пойдем...

Тибальд, напротив, воспользовался случаем улизнуть и потянул за рукав Лестера.

Мэтр Тюбуи увязался следом за опекаемой, словно боялся опустить ее одну, так что наверх поднялись все вместе: леди Ревенгар, прямая и легкая, будто и не после сытного ужина, мэтр, скулящая горничная, Эйнар и позади, хвостиком, Тильда.

В комнату они, разумеется, все разом не вошли. Мэтр с Тильдой остались в коридоре, а вот Эйнар шагнул вслед за женщинами через порог, ожидая чего угодно, и замер.

На стене, растянутое на каких-то деревяшках, висело такое роскошное свадебное платье, что он и представить не мог. Белоснежное, даже в свете масляной лампы сияющее и нашитым жемчугом, и само по себе. Немыслимой цены – это уж наверняка. И щедро залитое чернилами прямо посередине – огромной наглой черной кляксой, словно кто-то запустил целой банкой.

– И жили они долго и счастливо, – задумчиво сказала его, Эйнара, невеста, глядя на платье с непередаваемым выражением лица. – А потом, как водится, встретились.

ГЛАВА 7. Свадьба истинной леди

Первым, что испытала Лавиния при взгляде на платье, было глубочайшее разочарование и смутное удивление. В мечтах она сама поступала с несчастным нарядом даже более жестоко, но прекрасно понимала, что не наберется духу воплотить мечты в действительность. Не так жалко испортить просто дорогую вещь, но платье было по-настоящему красивым, к тому же ее всегда учили ценить чужой труд. А тут вот так запросто...

И вообще, это ее платье! Нелюбимое, ставшее символом ненавистного брака, но все-таки принадлежащее лично ей, Лавинии Ревенгар! И какая дрянь посмела...

Медленно повернувшись, она в упор взглянула на жениха и поинтересовалась очень-очень спокойно, просто образцом учтивого тона:

– Вы ничего не хотите мне сказать, господин комендант?

– Сожалею, – процедил Рольфсон, переведя взгляд с платья, которое мрачно разглядывал, на Ло. – Это... можно как-то отчистить?

– Водостойкие чернила с арлезийского шелка? Не думаю... – протянула Ло. – Разве что опытный маг-артефактор справился бы. У вас, случайно, нет такого в крепости?

– Нет, – сказал комендант с каменным лицом, на котором что-то выражали только глаза.

Зато как выражали! Растерянность, злость, недоверие... Ло мгновенно убедилась, что сам Рольфсон к этой мерзости отношения не имеет. Ну не был капитан похож на глупого пакостника. К тому же у Ло имелась на эту роль кандидатка получше.

– И вы не представляете, кто мог это сделать? – спросила она так же спокойно, однако уже закипая.

Мелкая дрянь пряталась за спинами взрослых, но Ло поставила бы свой перстень мага, что это она. Только непонятно – как? Ведь девчонка ужинала с ними.

– Полагаю, вам следует спросить свою горничную, миледи.

– Это не Нэнси, – твердо сказала Ло, отыскав взглядом бледную заплаканную служанку. – Чернила стояли на туалетном столике, я не успела закончить письмо, когда меня пригласили к ужину. Чтобы залить ими платье, нужно было взять пузырек и... Кстати, где пузырек?

– В у-у-углу валяется, – прохныкала Нэнси, показывая туда пальцем. – Я тро-о-огать не стала...

– И правильно сделала. Покажи руки.

Девчонка, все так же всхлипывая, показала ладони, потом тыльную сторону совершенно чистых пальцев с коротко подрезанными ноготками, на удивление аккуратными для крестьянки. Ло прищурилась, вспоминая... Нет, у дочери коменданта руки тоже чистые, она сидела за столом, ела лепешку, крутя ложку в пальцах... На память Ло никогда не жаловалась, если не считать Руденхольма.

– Как видите, это не Нэнси, – сказала она коменданту.

Мэтр, просочившийся в комнату и все это время разглядывавший платье, присвистнул, впервые на памяти Ло поведя себя как человек, а не как свод законов в человеческом обличье.

– Оскорбление его величества... – пробормотал он, потирая кончик носа.

– Что? – круто повернулась к нему Ло.

– Какого йотуна... – выдохнул комендант.

Йотун? Ах да, он же северянин.

– Оскорбление дамы, находящейся под личной королевской опекой, согласно уложению о королевском сватовстве, является личным оскорблением его величества, – пробубнил мэтр. – Миледи Ревенгар, вы будете подавать жалобу?

Ох, как Ло хотелось именно так и поступить! Если уж она должна вести себя как леди и не может просто наорать на всех, швырнуть что-нибудь о стену и высказать коменданту все, что думает о нем, его доченьке и его крепости... Жалоба! Оскорбление короля, пусть и непреднамеренное, наверняка может стать поводом для расторжения договора. Но... смысл? Ей либо найдут нового жениха, либо вернут в столицу. Вдобавок, она бы скорее сама сожрала это платье целиком, со всем его жемчугом и кружевом, чем доставила его величеству удовольствие разбирать ее, Ло Ревенгар, жалобу! От боевого мага! На испорченное барготово платье, тридцатью тремя демонами его дери!

– Нет! – бросила она, задрав подбородок и привычно вытянувшись по струнке, потому что спина не вовремя напомнила о себе. – Никаких жалоб. Но я хочу знать, кто это сделал. Кому-то здесь не помешали бы розги для вразумления.

– Не знаю, о ком вы, миледи. Никто из моих людей на такое не способен.

В глухом голосе коменданта слышалось твердолобое упрямство, но не страх. Если он и сообразил, какими неприятностями грозит ему жалоба Ло, то никак этого не показал.

– Да? А кто? – прищурилась она, отвечая на его раздраженный взгляд своим таким же. – Не я ведь!

– Понятия не имею! – отрубил Рольфсон. – Здесь никто не желал нанести вам обиду, ручаюсь честью.

Ло уже набрала воздуху в грудь, чтобы позвать милое дитя поближе и припереть к стене Нэнси, правда ли горничная оставила комнату ненадолго? Как ее остановила простая и очень неприятная мысль. Если девчонка вдруг ни в чем не виновата, она, Ло, в глазах всей крепости мгновенно станет той самой злобной мачехой, что с первого дня обижает бедную сиротку. Не на это ли рассчитывала неизвестная дрянь? Девчонка явно не безобидный воробушек, но...

На несколько мгновений Ло заколебалась, и комендант, разумеется, понял это по-своему.

– Если вам больше нечего сказать, миледи, может, вернемся к столу?

– Нет, благодарю, – выдавила Ло. – Я совершенно сыта.

– Тогда желаю приятного отдыха. Встретимся завтра у алтаря.

Он издевался, сволочь. Невозмутимый и надменный, словно каменная статуя. Нет, горгулья с крыши столичного храма! Плечи широченные, морда мрачная... Вылитый, только рогов и хвоста недостает! И она еще отказалась жаловаться! Хотя правильно отказалась, сама справится.

– У алтаря? – переспросила Ло. – И в чем прикажете мне туда идти?

– Не вижу, чем плохо платье, которое на вас сейчас.

– Оно же синее, – пискнула из угла Нэнси в праведном возмущении и зажала себе рот рукой, судя по звуку.

– Оно синее, – ласково повторила Ло, гадая, действительно комендант не понимает, в чем дело, или просто придуривается.

– Ну так наденьте другое, – в голосе Рольфсона прорезалось раздражение, комендант смотрел на Ло снисходительно, как на... дурочку, вот!

– Да неужели я бы не додумалась? – прошипела она, по привычке отступая на шаг, чтобы наложить магическое плетение по большей площади и точнее. Поймала себя на этом, осеклась, но продолжила: – По-вашему, сколько у меня свадебных белых платьев в гардеробе? Как-то не рассчитывала, что понадобится больше одного! Не знаю, как у вас на родине, а у нас в Дорвенанте в цветном к алтарю идут разведенные жены, вдовы и опороченные девицы в положении.

Смею надеяться, ни к одной из этих категорий я не принадлежу. Так что цветное я надена не раньше своей следующей свадьбы!

Она смотрела на Рольфсона, чувствуя себя совершенно правой и очень злой. Да, в столице Ло могла придирается к материалу платья, его фасону, слишком богатой отделке, да чему угодно! Только не к цвету! Белое – право и закон для любой девицы Дорвенанта или Фраганы, впервые выходящей замуж. Шутка насчет мундира... даже для Ло была просто шуткой, понятно же.

Комендант дрогнул и явно растерялся. Ага, не совсем дурак. Но тут же Ло изменила свое мнение и потеряла дар речи.

– Не знаю, на что вы рассчитывали, миледи, – угрюмо сказал Рольфсон, меряя ее презрительным взглядом. – Но, если эта свадьба вам не по вкусу, откажитесь от нее сами, как положено. У вас для этого есть стряпчий, нечего делать дурака из меня и обвинять моих людей непонятно в чем. А если я ошибаюсь, то завтра жду вас у алтаря. Могу прислать Молли, если нужна женская помощь.

– Она мне белую скатерть принесет? – съязвила Ло, разглядывая коменданта в полном ошеломлении.

– Да хоть простыню! – рявкнул Рольфсон. – Идите к алтарю в чем угодно. Мне плевать, что на вас будет до этой проклятой свадьбы, во время нее и после! Спокойной ночи, миледи!

Дверью комендант не хлопнул лишь потому, что она была распахнута настежь. Но по коридору ушел так, что скрипучий пол трещал и постанывал под тяжелыми шагами.

– Надеюсь, миледи, вы не собираетесь... поступить неразумно? – уныло поинтересовался мэтр, последние пару минут изображавший предмет обстановки, вроде канделябра.

– То есть отказаться от брака? Не дождется!

Злость бурлила внутри так, что в висках заломило. Просила выхода, хоть какого-нибудь. Ло оглянулась по сторонам – ничего подходящего. Хотя вот! Шагнув к подоконнику, она подхватила горшок с трупом цветка и с размаху грохнула об пол. С наслаждением! Не огненный шар, конечно, но хоть что-то... Ойкнула Нэнси, во все стороны полетели осколки и земля, мэтр бочком двинулся к выходу.

– Не дождется! – убежденно повторила Ло. – Вот теперь – точно! К алтарю, значит? В чем угодно? Великолепно! Спокойной ночи, мэтр. Идите-идите, наши женские сложности насчет нарядов вас не касаются. Не беспокойтесь, на свадьбе я буду выглядеть, как положено леди. В белом, мать его Барготову! Нэнси, а ну вылезай из-под стола, дуреха. Ищи нитки с иглой, утюг, крахмал...

Через пару минут после ухода мэтра Ло приоткрыла дверь – в коридоре было пусто. Вернувшись в комнату, она уже спокойно сказала роющей в сундуках девчонке:

– А теперь правду, милочка. Не бойся, наказывать не буду. Платье оставалось без призора перед ужином?

– Д-да, миледи, – всхлипнула Нэнси, вставая со шкатулкой в руках и опуская глаза.

– То есть вышла ты не на минуточку? – уточнила Ло, жалея, что нельзя вернуть коменданта, но понимая, что это совершенно бесполезно.

Горничная молча кивнула, съежившись.

– У меня живот прихватило, – тихо сказала она. – Вот и просидела в уборной... А потом сходила за утюгом, поднялась сюда и увидела... Вы на ужине были как раз...

– Почему сразу не сказала?

– Так не любят хозяева больную прислугу, – шмыгнула носом та. – Говорят, от работы отлыниваем.

– Дура, – устало сообщила Ло. – Будешь мне врать – вот тогда выгоню. Сходи к целителю, попроси лекарство. А потом быстро сюда. В чем угодно, значит, – мстительно улыбнулась она,

повторив слова коменданта. – До и после свадьбы... И во время нее... Ну нет, до простыни я, пожалуй, не опущусь...

Испорченное платье – всего лишь. Помня черные розы, она была настороже с самого первого шага по крепостному двору, не зная, чего ожидать. Но уж точно не этого. А платье и вредная девчонка-падчерица... Это вполне можно пережить и даже получить удовольствие от происходящего. Истинная леди держится с достоинством в любой одежде.

Улыбка Ло стала мечтательной и предвкушающей.

* * *

Стоя перед алтарем в ожидании невесты, Эйнар тридцать три раза проклял свою вчерашнюю глупость. Да, сорвался он и вправду по-дурацки. От усталости и угрюмой неловкости, мучившей его весь вечер. И, наверное, стоило потом подняться наверх и извиниться, ведь крепость – его хозяйство, и за все, происходящее в ней, отвечает комендант. А с платьем вышло... нехорошо. Да что там, гнусно вышло. Для любой женщины, по любви она идет под венец или по расчету, свадьба – особый день. Он вспомнил свою свадьбу и с усилием вдохнул, словно что-то давило грудь. Дурак... Как есть дурак. Надо же было ему ляпнуть про синее платье! Просто в голову не пришло... Мари под венцом была в шелковом зеленом платье с белой кружевной накидкой, он отвалил за него месячное жалованье, и красивее невесты не было во всей Невии! Только вот Мари уже носила под сердцем Тильду... Иначе разве отдал бы ее отец, богатый мельник и староста деревни, за наемника, пусть даже из Волчьей сотни Дольфира?

Но в Невии с этим проще. Там до сих пор держатся вольфгардских обычаев, по которым невесте не зазорно идти к алтарю с круглящимся передником. Что звериный приплод, что человеческий угоден Всеобщей Матери. И если уж случилось такое, что девка понесла до свадьбы, законный брак все прикроет и поправит, лишь бы он случился.

А он, выходит, наговорил такого... Но кто же залил проклятое платье?!

Эйнар мучился этим вчера, пока не провалился в сон, и сегодня с утра, когда пришлось все-таки обсуждать брачный договор с вьедливым мэтром Тюбуи. Мэтр честно зачитывал и объяснял каждый пункт, пока все они не слились и не закружились у Эйнара в голове. Главное он все-таки уяснил: если за три года его жена не родит ребенка, они могут развестись. Правда, прожить эти три года они должны непременно вместе, не разлучаясь чаще, чем положено по делам службы. На заставу, значит, он может съездить без супруги, как и она в ближний городок Донвен за покупками. А вот в Дайхольм, главный город провинции, уже только вместе. Ну, благодарность вам огромная, ваше величество... Вот ведь облагодетельствовали.

Впрочем, жить в одной крепости еще не значит быть мужем и женой по-настоящему, уж это было понятно, стоит взглянуть на будущую супругу. Леди магичка, и вправду та самая Ревенгар, держалась так, словно шомпол проглотила, а ее улыбкой можно было молоко в погребе морозить. И эта надменная аристократка ляжет с ним в одну постель? Да лучше бревно обнять, ради всех йотунов Вольфгарда!

Эйнар стиснул зубы, глянув на солнечный луч, как раз достигший вершины алтарного камня, отмечая полдень. Это не невеста опаздывала, а сам он явился рановато. Хотя все остальные тоже давно собрались. Весь крепостной гарнизон переминался у стены с одной стороны, с другой – столпились женщины во главе с Молли, смертельно обиженной, что ее не допустили к одеванию невесты. Леди изволила сказать, что справится с помощью горничной.

Он поискал взглядом Тильду, с которой вчера тоже был разговор не из легких. Дочка сначала не могла понять, о чем он ее спрашивает, потом разревелась, крича, что не трогала никакое платье, и Эйнару пришлось ее успокаивать, мучаясь виной и стыдом. Нет, это не Тильда, да и не успела бы она. Но кто?

Снова и снова Эйнар перебирал всех, кто мог испортить наряд, и по всему выходило, что это горничная миледи. Мало ли что там девчонка говорит! Может, нарочно это сделала, по приказу самой хозяйки, а может – и нечаянно... Главное, что сам Эйнар опозорился, ведь в

чем бы ни пришла его невеста к алтарю, виноват в этом он сам. Надо было отложить свадьбу, что ли. Послать за платьем в город... Но задним умом все крепки, а теперь... Ладно, придется извиниться после обряда – язык не отвалится.

За спиной вдруг пронесся шепот со стороны гостей. С обеих сторон. Эйнар медленно повернулся, зная, что сейчас все увидит своими глазами, и все-таки гадая, в чем же будет невеста. Хотя что гадать – наденет любой другой наряд. Не в простыне же, в самом-то де...

Шепот уже превратился в гул, кто-то из гарнизона присвистнул. Едва слышно, но Эйнар бы влепил двадцать нарядов вне очереди – если б мог посмотреть туда. Если б вообще мог посмотреть на что-то, кроме идущей по проходу женщины.

Его невеста... Что ж, она выполнила обещание – пришла в белом. Только то, что Эйнар на время онемел, не дало ему грязно выругаться в святом месте.

– Что-то я не понял, – очень тихо сказал стоящий рядом с ним Тибо. – Кто тут на ком женится?

Молча слушая, как гудит храм от шепота солдат и женских повизгиваний, Эйнар смотрел на медленно ступающую по дорожке магичку. Камзол, в котором леди была в день приезда, она сняла. Само собой, он же темный... Зато рубашка просто сияла белизной! Переливалась, как заснеженная горная вершина в солнечный день, аж искрила, только кружевные манжеты и воротник поблескивали чуть мягче. Низ рубашки леди заправила в штаны. Не белые, правда, а из светло-золотистой замши. Белых, видно, не нашлось. Узкие армейские сапоги на небольшом каблуке обтягивали стройные лодыжки и голени почти до колена, а выше тончайшая замша облегла бедра, как перчатка, и каждый в храме, от кухарки до новобранца, мог видеть, что фигура у леди – само совершенство. Если, конечно, этому каждому нравятся женщины, одновременно похожие на горную кошку и боевую шпагу.

Эйнар смотрел. И все остальные тоже смотрели на магичку. А проклятая рубашка мягко обрисовывала ее грудь, высокую, дерзкую, словно у едва созревшей девушки. И тем местом, где крепится рукав, рубашка сползала вниз почти до середины плеча. Кто бы ни носил ее раньше, плечи у него были поуже, чем у Эйнара, но уж точно не женские. И застежка ворота была мужская. Отделанная кружевом, но на правую сторону. Да и в талии – удивительно изящной – рубашку пришлось прихватить широким кожаным поясом с серебряными накладками. Дорогим, красивым, но тоже – мужским. Эйнар будто увидел на миг щеголя, носившего белый шелк и серебро, – аж в глазах потемнело!

И весь гарнизон видел это. Его, капитана Рольфсона, невесту, явившуюся к алтарю в рубашке с чужого плеча... Эйнар сглотнул. Еще раз и еще. Леди шла, смотря на него в упор, – о, она прекрасно знала, что делает. Потому что шла она... Невесты так не ходят. Не бывает у новобрачных, леди они или нет, такого упругого легкого шага, стремительного и точного в каждом касании подошвы к полу. Так идут корабли по штормовой волне. Или воины – в атаку. Если собираются победить или умереть.

В храме вдруг стало тихо. Так тихо, что муху было бы слышно, прожужжи она. Но даже мухи затаились в ожидании. Эйнар молчал. Молчала и она, его невеста, которой вчера испортили платье в его, Эйнара, крепости. Только бы не забыть об этом...

– Миледи... – проговорил Эйнар, точно так же глядя в упор в светлые-светлые яростные глаза. «Ну, давай, скажи что-нибудь! – насмеялись эти глаза под тонкими, слегка нахмуренными, бровями. – Скажи, прогони, дай повод!»

– Капитан...

Она снова не сделала реверанс – в таких-то штанах – только поклонилась коротко и четко, как перед поединком. Эйнар оценил, в очередной раз сглатывая комок в горле. Войну ему объявили по всем правилам.

– Леди Ревенгар! – выдохнул стряпчий, подвернувшийся совсем некстати. – Вы... вы...

– Что – я? – негромко спросила магичка, не отрывая взгляда от Эйнара, будто пыталась в нем дыру провертеть. – Мэтр, извольте объясняться точнее, вы же стряпчий.

На ее лице, бледном до прозрачности, не было ни следа краски, короткие белые волосы уложены в строгий узел. Эйнар будто в первый раз увидел узкие губы, точеные скулы и холодную сталь радужки вокруг черных зрачков. Его первый меч был точно такого цвета. Хороший был клинок, надежный.

– Вы одеты... неподобающе... – простонал Тюбуи.

– Ошибаетесь, – ответила леди так же негромко, но до того четко, что каждый звук разносился по храму до самых дальних уголков – на радость всем жадным ушам. – Во-первых, я в белом. Как и положено порядочной девушке, впервые выходящей замуж. Во-вторых, капитан сам вчера предоставил мне полную свободу в выборе наряда.

Предоставил свободу? Он, Эйнар?!

– Капитан? – неверящим голосом повторил мэтр.

– Изволил сообщить, – так же ясно отчеканила магичка, – что ему плевать, что на мне будет до этой проклятой свадьбы, во время нее и после. При вас, кстати. Полагаю, мэтр, вы понимаете, что слово дворянина незыблемо. Тем более слово лорда, нового главы дома Ревенгар. И я очень рада, что будущий супруг так недвусмысленно дал мне разрешение одеваться по своему усмотрению.

– А... да... конечно... – прошептал укрощенный мэтр, отступая на свое место свидетеля со стороны невесты.

– Мы можем начать, капитан? – поинтересовалась леди у Эйнара таким мягким кротким голосом, что у него снова потемнело в глазах от злости.

– Да, – деревянным голосом сказал он, поворачиваясь к алтарю и глядя прямо вперед, на освещенную солнцем поверхность камня с выбитыми письменами.

Храм снова наполнился шепотом, словно в него только сейчас вошли люди. Эйнар стоял, как облитый помоями, изо всех сил сдерживая злость. Он дал разрешение! При свидетеле! А теперь, получается, и при всем гарнизоне разом! Йотуновы потроха... И ведь в самом деле, взять слово обратно – нельзя. Он теперь не просто дворянин. Он лорд. Настоящий аристократ, пусть и через брак!

Дальше все приличные мысли у него закончились. Эйнар осторожно, чтоб не раздавить, взял узкую прохладную ладонь с удивительно жесткими пальцами, словно и не женскую. Так же глядя только вперед, проговорил все нужные слова и ответил Лестеру, исполняющему в крепости роль жреца, на все положенные вопросы. Надел невесте кольцо из коробочки, поданной стряпчим, а она – ему. Тяжелый золотой перстень с кроваво-красным камнем сел на палец, как влитой. Эйнару все время казалось, что он спит, и все это уже было. Потом он сообразил, что и вправду было, двенадцать лет назад. Только женщина рядом была другая, и он тогда был счастлив, глупо, до неприличия, так что счастье рвалось из него наружу, окрашивая весь мир в хмельные яркие цвета. А сейчас...

– Леди Лавиния Корделия Антуанетта Жозефина Ревенгар! Согласны ли вы по доброй воле и без принуждения... – очень старательно и громко спрашивал Лестер.

– Да, – уронила совершенно чужая женщина рядом.

Боевая магичка, аристократка, наглая холеная стерва... Эйнар стиснул зубы, тщательно следя, чтобы не слишком сильно сжать ладонь. Вся вина, которую он испытывал утром, исчезла, растворилась в пережитом на глазах у всех унижении. Явиться к алтарю в рубашке любовника! Кем еще ей может быть неизвестный ублюдок в шелке и кружевах? Бедная сиротка! Покровительство короля! А может, она и белое надела не по праву, что бы там ни говорила? Ну, это он у нее спросит. Вот в первую брачную ночь, будь она неладна, и поинтересуется. Чужому ребенку он свое имя не даст – пусть эта добродетельная невинная невеста и не надеется. Как там ее... Подснежник... Тьфу!

* * *

К концу бракосочетания Ло простила неизвестную дрянь, испортившую платье. А на втором часу свадебного пира готова была от души поблагодарить. Стоило только представить, что все то же самое ей пришлось бы пережить затянутой в корсет и узкий шелковый лиф, расшитый жемчугом так, что ткань превратилась почти в доспехи. Пышная струящаяся юбка, легкие рукава... И туфли! Белые атласные туфельки с позолоченными каблукками, в которых пришлось бы провести весь день и вечер. Бррр!

Так что, если бы все неприятности начала ее семейной жизни ограничились платьем, Ло с огромным удовольствием похоронила бы эту историю. Ей самой вполне хватило неопишуемого выражения на лице коменданта, когда она шла к алтарю. Вот и второй раз пригодилась рубашка Маркуса, в которой Ло увезли во дворец. Правда, ходить в ней каждый день было бы чересчур. Подобной оплеухи по самолюбию не выдержит ни один мужчина, достойный этого названия, а комендант, как подсказывало чутье, особым терпением и вовсе не отличался. Так что Ло была готова на перемирие.

Но Рольфсон молчал. С другими он разговаривал, отвечал на шутки и поздравления нужными словами, даже усмехнулся пару раз. После ритуала с безупречной вежливостью проводил Ло к ее месту во главе свадебного стола, сел рядом, положил ей на тарелку что-то, налил вина в бокал... И все это – ни говоря ни слова сверх самого необходимого. «Да, миледи». «Нет, миледи». «Еще вина, миледи?» Что ж, Ло отвечала тем же самым, благодарила и улыбалась. И все больше погружалась в глухую тоску...

Мэтр, как почетный гость, сидел по другую руку от коменданта, и даже с ним было словечком не перекинуться. Потом ей и вовсе не хотелось разговаривать. Свадебный стол сервировали в длинном зале на первом этаже, и за него уселся весь гарнизон, не такой уж большой, как представлялось Ло. Следовало признать, экономка Молли постаралась на славу. Стол накрыли куском цветной ткани, в оконных проемах и над стульями молодых развесили венки, наскоро связанные из тонких веток с листьями, перевитых цветными лентами, такими же лентами подвязали широкие суконные шторы, висящие здесь явно не для красоты, а защитой от ветра. Ло смотрела на разномастные тарелки и стаканы, простые глиняные кувшины с ягодным вином и блюда с пирожками... И ясно понимала, что старались тут не для нее, пришедшей чужачки, а для коменданта. На нее кидали косые взгляды, когда думали, что она не видит, перешептывались... Ну, ничего другого после выходки с рубашкой она и не ждала.

И вообще ей было плевать! Она поставила подпись на договоре, положившись на слово мэтра, что никаких изменений без ее ведома там не сделали. Да, условия все те же. Ну и прекрасно. Размашистая подпись Рольфсона наверху, ее – следом, как и положено супруге. Один экземпляр мэтр торжественно передал коменданту, второй – вручил Ло, а третий забрал себе – в королевскую канцелярию. Поздравления и пожелания счастливой семейной жизни от Тюбуи, а потом и от каждого человека в гарнизоне, от поварихи до рядовых, звучали изощренным издевательством, но Ло их приняла с улыбкой и каждому ответила с должной учтивостью. Леди умеет держать лицо в любой обстановке. И плевать, что рядом нет ни одного человека, которого она хотела бы здесь видеть. Она – Ревенгар. И если бы ей пришлось выходить замуж по принуждению не за коменданта крепости, а за наследного принца, она бы не была более любезной.

Она честно отсидела весь свадебный обед, который плавно перешел в ужин. Кто-то вставал из-за стола и возвращался, появлялись все новые блюда, сержант Мерри принес мандолину и недурно спел несколько песен, целитель Лестер, сидевший рядом, подкладывал на тарелку Ло то одно, то другое... А ей хотелось выть от тоски. Не так она представляла собственную свадьбу. Хотя она ее вообще никак не представляла, если не врать самой себе. Но уж такое – и в кошмаре привидеться не могло. А ведь впереди еще брачная ночь...

Когда комендант по-прежнему бесцветным тоном поинтересовался, не желает ли миледи встать из-за стола, она обреченно кивнула с той же приклеенной к губам любезной улыбкой. Спина весь последний час разламывалась, Ло сейчас что угодно отдала бы за простую жесткую кровать с тонким матрасом. А еще ей смертельно хотелось снять жесткое тугое бюстье, придающее груди идеальную форму, распустить и расчесать волосы, закутаться во что-нибудь мягкое, теплое и просто закрыть глаза...

За спиной слышались соленые шуточки – солдаты всегда и везде солдаты, как бы ни уважали командира. Выходя из зала, Ло услышала, как изменился звук мандолины и понеслись первые такты «Веселой трактирщицы», а кто-то закричал, чтоб открыли еще бочонок. Ну, понятное дело, – гарнизон гуляет на законных основаниях.

Она поднялась по широкой лестнице, стараясь не морщиться от боли в спине. Комендант шел рядом, держа свечу, его тень падала под ноги, и такой обреченно-несчастной Ло себя не чувствовала давным-давно.

– Не та дверь, миледи, – послышался очень спокойный голос Рольфсона, когда она остановилась. – Наша спальня дальше.

– Ах да, – усмехнулась Ло. – Простите, это я с непривычки.

Рольфсон открыл перед ней дверь, пропустил вперед. Ло переступила порог полутемной комнаты, мрак в которой рассеивала только пара свечей в высоком канделябре. И замерла. Да, она понимала, что брак – это еще и супружеская постель. Разумеется, понимала. И готова была выполнять барготовы обязанности жены, но...

Дыхание, и так стесненное из-за боли в спине, перехватило окончательно. Ло выпрямилась еще сильнее, вскинула подбородок, замерев посреди небольшой комнаты в трех шагах от массивной деревянной кровати с высоким изголовьем. Запах каких-то трав – то ли полы мыли с настоем, то ли белье в нем полоскали. Треск воска... Ветер за окном...

– Думаю, миледи, нам пора поговорить, – все так же ровно сказал комендант.

Ло шагнула раз, другой, третий – самые паршивые три шага в ее жизни – обернулась и села на край кровати.

– Да, капитан, – сказала она, глядя на будто вырубленное из камня лицо человека, которого следующие три года придется звать мужем, слушаться и чтить. – Вы правы – пора.

ГЛАВА 8. Брачная ночь милорда

Капитан Рольфсон, которого теперь следовало звать мужем, дорогим супругом или еще как-нибудь глупо, смотрел на нее, не торопясь ни подходить, ни раздеваться. И вообще вел себя очень спокойно для человека, который был оскорблен собственной невестой у алтаря. Пожалуй, если бы он рывкнул, выругался или еще как-то проявил характер, Ло стало бы полегче. А так она даже задумалась, не испугаться ли ей? Или, может, почувствовать себя виноватой? Но сил не было ни на то, ни на другое.

Поэтому она просто наклонилась и стянула сапоги. Конечно, растоптанная любимая обувь – это не атласные туфельки на каблучке, но за день ноги все равно устали. С наслаждением пошевелила пальцами в тонких шелковых чулках, но их снимать пока не стала. Покосилась на одеяло, которое так и манило под него забраться, но подобное выглядело бы даже не капитуляцией, а откровенным приглашением для хозяина спальни. Который в ранге пока колебался между возможным союзником и вероятным противником.

– Надеюсь, вы не собираетесь и после свадьбы так ходить? – поинтересовался капитан на удивление мирно. – В смысле, в штанах.

– Почему же? – удивилась Ло. – Собираюсь. Может, не каждый день, но... я об этом думаю. Вы бы знали, какие платья неудобные.

– Это неприлично. Недостойно замужней женщины.

– Перестаньте, – поморщилась Ло, вытаскивая шпильки из туго закрученного узла. – Капитан, я не хочу ссориться из-за таких пустяков. Может, об одежде и приличиях поговорим завтра?

Освободившиеся волосы рассыпались по плечам, она запустила пальцы в мягкие пряди и несколько раз провела от корней к кончикам. Надо будет научить Нэнси паре несложных причесок. Девчонка умеет плести косы, но какие косы на таких огрызках? Смех один...

– Непременно поговорим, – отозвался капитан, делая шаг и прислоняясь спиной к стене. – Если я снова увижу вас в чем-то мужском. В этой рубашке, например.

– О... – усмехнулась Ло. – А вам не понравилось? Ну, благодарите того, кто залил мое платье. Кстати, я его терпеть не могла. Так что передайте заодно и мою благодарность.

– Терпеть не могли? – прищурился Рольфсон. – Интересно, почему? И как сильно?

– Не ловите меня на слове, капитан, – огрызнулась Ло. – Не настолько, чтобы испортить. И кстати... Я не стала жаловаться стряпчему, но, если не найдете виновного, я решу, что вам действительно нет дела до моих нужд и обид. А тогда попрошу не указывать мне, в чем ходить.

Он так ничего и не понял, солдафон! По-прежнему был убежден, что она испортила платье сама или спустила это с рук горничной. Обида и злость снова зашевелились, подсказывая колкие дерзости, но Ло еще держалась. Правда, из последних сил.

– А у вас много таких рубашек? – с тем же каменным лицом спросил комендант. – Одного размера или разные?

В первый момент она действительно задумалась, сможет ли менять их ежедневно. А потом поняла, что услышала. И злость, копившаяся весь долгий трудный день, перехлестнула берега терпения.

– Не сомневайтесь, капитан, мне хватит, – проворковала Ло. – На ваши претендовать не собираюсь – это вам еще заслужить надо.

Рольфсон сделал шаг. Один-единственный. Его лицо дрогнуло, и Ло поняла, что перегнула палку. Это было прекрасно! Она вновь почувствовала себя живой, глядя в полные изумленной ярости мужские глаза. Ей бы следовало испугаться... вспомнить, что это ее муж. Задуматься, что комендант – невиец-северянин, едва ли не дикарь, и его нынешний титул – золоченая цепочка, на которую привязали волкодава. Такого этикетом не удержишь. Но Ло смотрела в восторге, как когда-то на первый сотворенный ею огненный шар. Рвущееся пламя, треск сухого дерева, восхитительный запах чистого дыма...

– Если поднимете на меня руку – убью, – предупредила она тем же медовым голосом. – Запомните это, капитан Рольфсон.

– Я не бью женщин! – выплюнул он, уронив ладони на высокую спинку кровати. – Даже тех, кто думает, что может дать сдачи. Но и унижать себя не позволю. И непотребного поведения от жены не потерплю.

– О, вы вспомнили о нашем браке? – ехидно обрадовалась Ло. – Как мило! Ну так позвольте напомнить, что я тоже ожидаю от вас действий, достойных супруга. То есть помощи, заботы и защиты. А вижу пока лишь непонятные подозрения. И встречу, от радушия которой хочется сбежать обратно. Если вы так не хотели жениться, капитан Рольфсон, то могли об этом заявить тому же самому стряпчему. Как мне посоветовали!

– Может, и стоило, – процедил северянин. – Но королю не отказывают.

Ло едва не расхохоталась. Еще как отказывают! Знал бы капитан, что именно из-за отказа Криспину она и оказалась под венцом с первым встречным. Но ведь не поверит же? В любом случае, об этом стоит молчать. История из тех, что не делают чести ни при каком исходе. И как объяснить этому волкодаву цепному, что ей этот брак не милее, чем ему? Да не будет она ничего объяснять! В самом деле не заслужил!

– Не сомневаюсь, вы верный слуга его величества, – хотела она сказать вежливо, а получилось снова ехидно. – Как и я. То-то нас обоих наградили по заслугам. Только вот беда, капи-

тан, я тоже не из тех, кто позволит марать свою честь. И за ваше предположение о... рубашках – требую извинений. В противном случае мне самой непонятно, что я делаю в этой спальне!

– Извинений?

Капитан шагнул еще раз, оказавшись совсем близко – Ло могла бы коснуться его рукой, вздумай она протянуть руку. Вот его рубашка ей бы точно даже близко не пришлось впору – плечи, как валуны. Грудь вздымается так, что пуговицы едва не отлетают, но только это и выдает злость. Да глаза на обветренном каменном лице горят, словно те огни, что в бурю скачут по корабельным снастям голубым жутким пламенем.

– Я с радостью извинюсь, – сказал он так же четко. – Если буду точно знать, что вы этих извинений заслуживаете. Здесь не столица, а Пограничье. И люди будут судить обо мне по моей семье. Честь моей жены – это моя честь. И если вам есть что сказать мне, говорите сейчас, прошу вас.

– Объяснитесь, капитан, – тихо сказала Ло, понимая, что разговор сворачивает на действительно опасный путь. «Только бы не сорваться, только бы не наговорить лишнего», – взмолилась она про себя. – Я вас не понимаю...

– В самом деле? – скривил губы Рольфсон. – Ладно, каждой крепостной мыши понятно, как этим браком наградил король меня. Титул, приданое, жена... А вам, леди, что за выгода была ехать к йотунам в... сюда, в общем? Что, в столице никого в женихи не нашлось? С вашей славой да родовитостью?

– Не ваше дело, – выплюнула Ло.

Если бы он только не смотрел на нее так! Ло никогда не считала себя красавицей, она и сама знала, что фамильная красота Ревенгаров на ней дала осечку, как мушкет с подмокшим порохом. Но такого взгляда – холодного, брезгливого! – она все же не заслужила. И под этим взглядом признаться в истинной причине? Да Рольфсон над ней расхохочется! Странно, что король ей предложил подобное – вот уж в самом деле после деликатесов потянуло на солдатскую кухню.

– Полагаю, как раз мое. Это мое дело, раз вы почему-то решили, что тупой служака проглотит любую ложь. Видят боги, я и не жду от вас невинности, но...

– Что – но? – тихо-тихо уточнила Ло.

Пальцы свела судорога. Она с трудом оторвала взгляд от лица капитана, посмотрела на руки и увидела, что кисти застыли в положении для боевого аркана. Того самого, что известен как Молот Пресветлого. И побелевшие пальцы сложены идеально, а напряжение такое, что только встряхни – сорвавшаяся с них мощь пробьет каменную стену спальни насквозь. Ах нет, не пробьет... Потому и судорога – сила не течет сквозь послушные руки, как раньше.

– Но я жду правды, – холодно и тяжело уронил Эйнар Рольфсон, не зная, как близко был бы от крупных неприятностей, обладай Ло хоть частью прежней силы.

Нет, швырять в супруга Молотом она не стала бы, разумеется. Конечно, нет... Но еще одно окно пошло бы этой проклятой спальне только на пользу.

– Правды? – снова повторила она эхом. – И какая правда вам нужна, капитан?

«Вот как я буду его звать, – со странным облегчением поняла вдруг Ло. – Капитаном... Не мужем, в самом-то деле. Какой он мне муж?»

– Зачем вы приехали, миледи? – почти так же тихо спросил он глубоким низким голосом, только не мягким, а почти рычанием. – Мне плевать, чья это рубашка, но что вы хотите скрыть под... белым платьем? Вам ведь важно, что оно именно белое, да? А что, если на самом деле вам впору как раз цветное? Может, вам на память подарили рубашку, но не согласны дать имя тому, кого вы под ней носите? Правду, миледи. Вот все, чего я от вас хочу.

– А не поздно ли вы ею озаботились? – проворковала Ло, глядя на капитана и комнату вокруг через мутно-красную пелену истинного бешенства. – Теперь, когда ничего не попра-

вить? Напомнить вам брачный контракт? Развод не раньше трех лет. Если не будет совместных детей...

– Именно, – растянул губы в усмешке Рольфсон. – Удобное условие, правда? Отличная ловушка на дурака-северянина.

– Да идите вы к Барготу, капитан! – выкрикнула Ло, ненавидя и себя, и тупую наглую тварь, навязанную ей в мужа, и весь мир – такой несправедливый и мерзкий. – Бойтесь дать имя бастарду? Ну так я вас в постель не тяну! И оправдываться не собираюсь! Не знаю, как хранила вашу семейную честь прежняя жена, что вы такой пуганый зверь, а я не шлюха! И не пошла бы к алтарю с женщиной, нося ребенка от другого!

– Не смей вспоминать мою жену.

Он сказал это так спокойно и мертвенно, что Ло чутьем, единственным, что осталось ей от умения боевого мага, поняла: вот за это и в самом деле ударит. Или даже убьет. Любого, не замечая титула и пола. И неважно, кто из них успеет убить другого первым – в этом бою победителей не будет.

– Не смейте говорить со мной – так! – огрызнулась она. – Я ничем не заслужила оскорблений. Особенно от того, кто недавно клялся перед богами беречь меня и защищать. Не вам просить у меня отчета и требовать добродетели, капитан Рольфсон, – цену вашим клятвам я уже вижу.

Она медленно поднялась с кровати и встала, вытянувшись в струну. Даже боль в спине отступила перед раскаленной алой яростью, застилающей взгляд. А она еще пыталась смириться, хотела договариваться, надеялась честно и старательно исполнять договор... Ей же плюнули в лицо! Превратили честь Ревенгаров в тряпку и вытерли грязные солдатские сапоги. Ну так больше смирения и договоров не будет, – Ло поклялась себе в этом, черпая силы в злости и мечтая только не упасть в обморок. Все равно никто не поймет...

– Отлично, миледи, на этом и сойдемся.

Капитан отступил на шаг, качнувшись неожиданно легко для такого массивного тела, и добавил с тем же невыносимым холодным презрением в глазах, за которое его стоило убить медленно и мучительно:

– Можете ложиться спать, я вас не потревожу.

– Я могу на это рассчитывать? – ледяным голосом уточнила Ло. – Или этому обещанию стоит верить, как и прочим?

А нет, скрипнул зубами... Все-таки не каменный!

– Можете.

– Как долго? Вы ведь собираетесь убедиться в моей добродетели? А учитывая, что невинности не ждете, я знаю только один способ – подождать ясных доказательств, что я не в положении. Заодно сможете предъявить всем простыню с пятном – не дай боги кто-то заподозрит вашу светлость в мужской несостоятельности.

Столько ненависти в глазах она давно не видела... Ло почти наслаждалась: если она бесстрашна, то и Рольфсон в том же положении. И плевать, что будет завтра. Смерть, которая всегда рядом, быстро учит не откладывать удовольствия на потом.

– Нравится испытывать мое терпение? Миледи...

Надо же, понял! Ло чуть не расхохоталась, но в последний момент прикусила губу – смех вышел бы нехорошим.

– Убирайтесь к Барготу, милорд, – ответила она в том же тоне. – Кстати, почему вам не обезопасить себя от бастардов самым простым путем? Я была бы только счастлива не видеть вас в спальне все положенные по договору три года. А по их истечении у нас будет законный повод развестись. Что скажете?

– Отличная мысль. Так и сделаем.

Он поклонился! То есть просто кивнул, конечно, но вышло это с такой безупречной издевкой, что у Ло заняло где-то внутри – она ничего не могла противопоставить этой спокойной наглости. Если не лгать самой себе...

А барготов капитан просто развернулся и вышел. Так просто – взял и ушел! Из своей барготовой спальни, где Ло собиралась провести тридцатью тремя демонами пользованную барготову брачную ночь! И если ей не показалось, то у него даже облегчение мелькнуло в глазах! Словно он обрадовался возможности не спать с новой женой.

Она беспомощно огляделась – тут и в стену-то бросить нечего! Ни вазы, ни горшка, ни даже ножа... Проклятье... Ло все-таки рассмеялась, сначала тихо, потом громче, потом, когда она снова села на постель, смех перешел в плач, но это было уже неважно, потому что в коридоре наверняка давно никого не было. И вообще, это все от боли в спине, разумеется. И лечь ей тоже хочется от боли, но не вытянуться, как обычно, а свернуться клубочком, уткнуться в подушку и тихо-тихо поскулить. Никто же не услышит, а подушка к утру высохнет.

* * *

Да что же это такое, дюжину йотунов ему под одеяло! Снова он повел себя как дурак перед этой женщиной! А она...

У Эйнара даже челюсти свело от бессильного гнева. На себя, на нее, на короля, чтоб ему спокойно не спалось, на всю проклятую глупость, что происходит вокруг! Он шел по коридору второго этажа, от бешенства не видя и не слыша ничего вокруг. Вот бы провалиться сквозь землю – подальше от леди супруги! И забыть о ней! И о том, что завтра придется вернуться и как-то снова попробовать договориться с женщиной, которая... Да любого мужчину он бы за такое убил!

– Капитан Рольфсон...

Резко остановившись, Эйнар прислушался. Показалось?

– Капитан... Рольфсон...

Нет, не показалось. Эйнар шагнул к стене и встал у нее, чувствуя лопатками надежный камень. Огляделся в обе стороны, переведя дух. Только что кипящая кровь еще стучала в висках, но он заставил себя дышать глубоко и медленно. В пустом полутемном коридоре, скудно освещенном единственным факелом, просматривался каждый уголок. Некому было окликнуть. Точно некому.

– Капитан?

Голос был мягким и каким-то безликим... Никак не получалось представить, кому он мог бы принадлежать. Разве что скорее мужчине, чем женщине. Хотя Эйнар бы и за это не поручился.

– Кто ты? – сказал он негромко, кладя ладонь на рукоять ножа и жалея, что больше никакого оружия при нем нет. – Покажись!

– Не здесь, – в голосе не слышалось угрозы. – Пройдите дальше, капитан. К северному окну.

– Сам иди к йотуну, – огрызнулся Эйнар. – Человек ты или нечисть?

– Человек, – а вот теперь, пожалуй, и насмешку можно различить. – И обещаю не причинить вам никакого вреда. Просто поговорим. Ну же, капитан, не бойтесь...

Эйнар ухмыльнулся. Что, его действительно пытаются взять на слабо, как мальчишку?

– А может, я боюсь! – сказал он чуть громче. – Неизвестно кто зовет неизвестно куда... Если и правда не желаешь плохого – почему не показаться?

Снизу донесся приглушенный рев – гарнизон праздновал его свадьбу от души. Кликнуть подмогу, что ли? Часовые-то точно не спят и не гуляют. Но голос – кто б он ни был – попал в крепость мимо них. Эйнар глубоко вдохнул – по спине и вправду пробежал холод. Не страха, но тревоги.

– Не могу, – терпеливо, как полному дураку, объяснил невидимка. – Вам решать, капитан. Еще немного – и я уйду. А вы не узнаете кое-чего очень важного. Вы уже задумывались, почему король так странно наградил леди Ревенгар?

Голос смолк. И Эйнар понял, что эту наживку, пожалуй, проглотит. Или сделает вид, что проглотил. Но что же оно такое? Колдовские штучки – не иначе.

– Ладно, иду, – мрачно ответил он.

И вправду, пока кого позовешь, пока объяснишь... Невидимка, можно ручаться, исчезнет. А с ним – и ответы на вопросы, которыми Эйнар мучается который день. А если бы ему хотели плохого, то могли бы не забалтывать, а сразу ударить в спину.

Миновав лестницу, он прошел по коридору дальше, до северного окна с небольшим балкончиком, выходящим на крутой обрыв. Снизу не залезть, других окон рядом нет, разве что с крыши можно спуститься, если как-то на нее попасть. И куда обладатель голоса думает теперь спрятаться? Может, он крылатый?

Но на балконе никого не было. Только ночная тьма, тишина и холод. Не подходя к краю, Эйнар осмотрелся – точно никого. Хотя темнота в правом углу у перил... чуть темнее, что ли?

– Вот и славно, – сказала темнота, и из нее соткалась человеческая фигура, напоминающая жреца Претемной Госпожи, – длинный плащ и капюшон, скрывающий лицо. – Не беспокойтесь, я действительно человек.

– Колдун, – буркнул Эйнар даже не вопросительно, и фигура кивнула.

– Если вам так спокойнее, можете достать нож, – сказал обладатель безликого голоса, не ставшего более узнаваемым – словно через плотную подушку слышишь, только яснее. – Но в ход пускать не советую. Мне не повредит – я фантом. Знаете, что это такое? Морок, по-вашему. А тело мое отсюда далеко.

Эйнар присмотрелся – через фигуру пришельца просвечивала пара огоньков – окна видной с балкона караулки. Ах, вот оно что... Ну, мороку, конечно, нож не страшен, но и сам он ничего сделать не может. Только заморочить. К краю балкона подходить уж точно не стоит.

– Кто ты и зачем пришел? – спросил он, приваливаясь плечом к косяку и на всякий случай благоразумно не сходя с порога, отделяющего балкончик от коридора; известно же, что порог – место между мирами, и над стоящим на нем нечисть не властна. – Что тебе до моей жены?

– Быстро вы привыкли называть ее женой, – усмехнулся морок. – Живую-то легче любить, верно?

Это было, как удар под дых. Эйнар захлебнулся холодным ночным воздухом, качнулся вперед, схватившись за черен ножа так, что тот впился в ладонь.

– Тише, капитан, – укоризненно сказал голос. – Тише... Неужели рана до сих пор столь свежа?

– Что тебе нужно? – прохрипел Эйнар. – Говори или убирайся!

– Мне нужно, чтобы вы подумали. Хорошо подумали, капитан. В Руденхольмском ущелье воевала барготова дюжина магов. Двенадцать из них погибли. Честно, героически, спасая многие и многие жизни простых солдат. А одна – выжила. Не странно ли?

– Иди ты к йотуну, – снова бессильно огрызнулся Эйнар. – Так бывает. Я сам терял людей, но выжил.

– Допустим, – легко согласился морок. – Но почему король не наградил женщину, которая спасла Руденхольм? Она ведь и всю страну спасла, получается... От Руденхольма до Дорвенны – рукой подать. А вольфгардцы, обломав там зубы, пошли на мировую. Разве такой подвиг не заслужил награды?

– Говори яснее, – угрюмо сказал Эйнар. – Хватит крутить, как лиса хвостом. Она струсила? Или что?

– Этого вам никто не скажет, капитан, – вкрадчиво мурлыкнул морок. – Даже я. А если скажу – то с чего вы должны мне поверить? О вашей жене, второй жене, не первой, поют

баллады. Король назначил ей пенсию и нашел прекрасного мужа. Правда, подальше от столицы. Наверное, неспроста?

– Ну? – выдохнул Эйнар.

Да что же эта тварь поминает Мари? Зачем? И что хочет сказать про магичку?

– Двенадцать, капитан. Двенадцать магов спят под водами Руденхольма, – нараспев сказал морок, не шевелясь. – А у единственной выжившей на пальце нет перстня. У вас ведь есть друг-целитель, капитан? Спросите у него, что такое лишение кольца? Кто его делает и, главное, за что? А потом...

– Да говори же, – процедил сквозь зубы Эйнар, когда молчание стало невыносимым.

– Потом, капитан, – снова зажурчал тихий сладкий яд, – хорошо подумайте, что так удобно скрыть в глухой пограничной крепости? Подвиг или нечто совсем иное? Народ любит баллады о героях. В Академии Ордена детишкам-мажатам рассказывают о Стальном подснежнике... Разве можно отнять у людей такую сказку? Даже если героиня – не совсем героиня... Среди тринадцати магов было только три женщины. И две погибли почти сразу. А одна – выжила и пережила всех мужчин. Кто теперь узнает, за чьей спиной она пряталась? Кто прикрыл ее собой...

– А ты... знаешь? Откуда?

Эйнар не хотел слушать – и не мог заставить себя уйти.

– О, я очень хорошо знаю леди Ло, – усмехнулся, судя по голосу из-под капюшона, морок. – И очень давно. Женщины, капитан, как и мужчины, тоже делятся на тех, кто прячет других, – и кто прячется сам.

И снова Эйнар будто пропустил увесистый удар – да по больному месту. Нет, не мог проклятый морок знать – откуда ему? Откуда ему было видеть, как тонкую фигурку охватывает зеленое пламя? Как все решают мгновения, бесконечные мгновения, за которые можно успеть отпихнуть в сторону дочь, но уже не выйдет спрятаться самой....

– Спросите у своей новой жены, – донесся сочувственный голос, – кто еще жив из тех, с кем она служила? Если она скажет правду, вы сильно удивитесь, капитан.

– Это война, – упрямо сказал Эйнар, сам не зная, что заставило его ощетиниться. – А боевых магов стараются выбить первыми. За любого боевика вольфгардцы платили, как за полковника, даже за мажат-послушников.

– Но леди Ревенгар выжила, – вкрадчиво уточнил морок. – Редкое везение. В двадцать пять лет пережить старых опытных магов. Не буду спорить, капитан. Просто присмотритесь. И подумайте... Почему леди Подснежник никогда не рассказывает о своем подвиге? Даже королевскому дознавателю не ответила на вопросы. Почему она не носит перстень, который ни один маг не снимает по доброй воле? Почему король швырнул ей пенсион и выдал замуж за первого попавшегося служаку в захолустный гарнизон? Почему ей не нашли место в Академии, раз она такой великий маг? Уж детишек-то могла бы учить... Почему она не любит говорить о сослуживцах? Почему ее мучают дурные сны, да такие, что леди изволит принимать хелайзиль – знаете это дивное зелье? Не дай боги нормальному человеку попробовать... И почему она согласилась выйти за вас – вот самый интересный вопрос?

– Я подумаю, – сказал Эйнар, отликая от косяка и делая шаг вперед. – Если ты тоже ответишь на вопрос. Зачем ты мне все это рассказываешь? Война закончилась, моя жена больше не армейская магичка. Так что тебе до нас, а?

– Я хочу справедливости, капитан, – сказал морок за пару мгновений до того, как растаять в его руках. – Справедливости для павших и наказания для предателей. Клянусь в этом. Еще увидимся...

Ладони Эйнара обдало холодом – словно в родник опустил. Ничего... Только легкая дымка, и та исчезла на глазах, стоило повеять ночному ветерку. И правда – морок, наваждение. А жаль! Добраться бы и поговорить начистоту!

Эйнар отступил назад, опять привалившись к косяку. Во что это он влез ненароком? Королю не отказывают, но, если бы знать раньше, послать бы сватовство его величества хоть к родным северным йотунам, хоть к местному Барготу. А теперь поздно. И леди магичку спрашивать бесполезно, не с чего ей с ним откровенничать. Уж точно не после того, до чего они договорились этой ночью.

Закусив губу, Эйнар помотал головой, будто сбрасывая хмель. Снова посмотрел на руки, удивляясь собственной глупости, – вздумал, тоже, морок руками хватать. Но если тот вернется, можно будет узнать еще что-нибудь. А пока и вправду приглядеться к женщине, навязанной ему в жены. Верить на слово Эйнар не собирался никому. Тем более – незваным, но заявившимся в гости морокам. Хотя прекрасно понимал неизвестного мага, который ненавидит Лавинию Ревенгар. Ему самому хватило нескольких минут один на один, чтобы захотелось ее удавить!

Снизу заорали так, что чуть стены не качнулись. Эйнар поморщился. А ведь надо где-то устроиться на ночь. Не в казарму же идти... К Лестеру, может? Нет, слишком многое объяснить придется. А вот... Он оглянулся. Факелы в коридоре горели ровно, дверь спальни, его собственной спальни, была плотно закрыта. Но что, если...

Он вернулся к комнате Мари. Там должна была спать горничная, это он вспомнил в последний момент, уже толкнув дверь. Девчонка, в самом деле устроившаяся на постели, ойкнула, воззрилась на него огромными перепуганными глазами.

– Тихо ты, дуреха, – бросил он ей. – Иди к своей хозяйке, в спальню. Ну, живо!

Подхватившись и кутаясь в тонкое одеяло, горничная проскочила мимо, косясь с откровенным ужасом. Что уж она себе вообразила, Эйнар не знал и думать не собирался. На душе и так было тошно.

Пройдя к кровати, он скинул сапоги, содрал рубашку и штаны – самые лучшие, старательно с утра отутюженные прислугой. Завалился на разобранную постель и уставился в потолок. Брачная ночь, йотунам ее в задницу... И вот ради этого стоило становиться лордом? Он бы сейчас десять лет жизни отдал, пожалуй, чтобы просто услышать голос жены. Своей настоящей жены, единственной, любимой... Просто узнать, что там, где она сейчас, у нее все хорошо. Хоть бы приснилась, что ли... Но разве он заслужил такое счастье? Только не сегодня.

ГЛАВА 9. Утро любящих супругов

Проснувшись, Лавиния несколько мгновений созерцала потолок, невольно раздумывая, неужели в пределах досягаемости нет ни одного штукатура? Вон там трещина, и там... А там – того и гляди – вот-вот отвалится изрядный кусок, и хорошо, если не кому-нибудь на голову. Например, законному супругу до истечения первого года брака. Доказывай потом, что непричастна. Хотя такую голову, наверное, обычной штукатуркой не повредить. Для нее бы осадное бревно использовать или катапульту.

– Нэнси! – окликнула она горничную. – Его светлость никого не прислал?

– Никак нет, миледи, – подскочила девчонка, что-то шьющая у окна. – Его светлость с утра уехал. На кухне сказали – на дальнюю заставу.

– Вот как? – усмехнулась Ло. – Интересно, есть ли на земле такое место, чтобы мужу некуда было деться от жены? Даже здесь, где ни трактиров, ни игорных домов, а служба под боком – и то нашлась заставка.

Она глянула в окно, привычно определяя время по солнцу. Выходило, что проснулась не так уж поздно, часа через два после рассвета. Капитан – ранняя пташка. Или очень торопился, что вернее. Не рассчитывает же он отсидеться на заставе все три года? А ведь неплохо было бы.

Сев в постели, она велела Нэнси бежать за теплой водой, а сама всерьез задумалась. Как им с Рольфсоном теперь жить, как ей поставить себя с прислугой, как приструнить бедную сиротку? Ну и самое важное – сама себе усмехнулась Ло – что ей сегодня надеть? Рубашка

Маркуса вчера уже отслужила свое, носить ее теперь – открыто бросить капитану вызов. Да и не таскать же одну рубаху со штанами каждый день. Платье? Это будет прилично – спору нет. И Рольфсон убедится, что Ло готова пойти на мировую. После вчерашнего уступать капитану хотелось не больше, чем садиться за один стол с вольфгардцами, но... если его величество, чтоб ему последняя дрянь в новые фаворитки досталась, замирился с северянами, то и ей стоит попробовать. Последний раз. И только ради предстоящих трех лет супружества.

Ло с сожалением посмотрела на рубашку и штаны, бережно повешенные Нэнси на спинку кровати. Вчера девчонка примчалась к ней в ужасе и недоумении, сообщив, что его светлость... Да-да, в той самой комнате! А ее – сюда отправил. И если леди что-нибудь нужно... Воды горячей, или целителя...

Уже успевшая проплакаться Ло сообразила: если не успокоить Нэнси, наутро весь гарнизон будет знать, что брачная ночь их капитана закончилась каким-то непотребством. Виданное ли дело, чтобы новобрачный сбегал из супружеской постели! Удружил капитан... Впрочем, они с Рольфсоном все равно не собираются эту постель делить, так что пусть уж местные сразу почешут языки и привыкнут. Девчонке она велела смолкнуть и укладываться спать. Удовлетворять жадное любопытство, светящееся в умных глазках, Ло не собиралась – еще не хватало откровенничать с прислугой.

А сейчас, раз капитана нет дома, можно сходить в ту спальню и выбрать из багажа платье поскромнее. Попрошаться с мэтром Тюбуи, написать все-таки и отправить с ним письма для Мелиссы и Маркуса. Позавтракать, осмотреть крепость, разобрать багаж... Чем угодно заняться, лишь бы не завывать от накатывающей безнадежной тоски. Три года? Да она уже готова бежать отсюда босиком до самой Дорвенны!

Стиснув зубы и одернув себя, Ло встала, накинула приготовленный умницей Нэнси шелковый халат. Выглянула в окно, выходящее все на тот же двор. Полузасохшее дерево, каменный круг накрытого крышкой колодца, молодой солдатик тянет ведро помоев куда-то за угол... Это вам не столица, леди Ревенгар, привыкайте. Зато с утра от вас на заставу сбегает законный муж-комендант, а мог бы его величество отправляться к государственным делам. А в приемной толпились бы придворные, ожидая выхода королевской фаворитки и случая предложить услуги или выпросить милостей. Брррр...

Платье поскромнее нашлось с некоторым трудом – она явно не привыкла к роскоши, положенной ей как главе рода. Обедневшего рода, об этом Ло помнила постоянно, как только привыкла осознавать себя старшей из Ревенгаров. Обедневшего и землями, и средствами, и, что хуже всего, членами семьи. Они с Мелиссой да пара близнецов-кузенов, о которых что-то давно ничего не слышно с тех пор, как юноши закончили зеленый факультет и уехали делать карьеру во Фрагану – там высоко ценят дорвенантских магов. Для серьезного древнего дома – неслыханный упадок! И не похоже, чтобы замужество Ло как-то поправило дело, даже стать комендант и его дочь полноправными Ревенгарами. Одна надежда на Мелиссу.

Но думать о сестре сейчас не хотелось – и так душа болела за то, как они расстались.

Для первого дня в крепости Ло выбрала темно-серое платье из тонкой шерсти, очень скромное и удобное. Умеренно широкая юбка в мягкую двустороннюю складку, скроенный точно по фигуре лиф и прямые, слегка облегающие рукава. Из-за цвета платье казалось почти траурным, но отделка серебряным кружевом превращала мрачность основы в строгую изысканность.

– Может, все-таки бирюзовое? – жалобно спросила умиленно простодушная Нэнси. – Миледи, вы в нем такая, такая... будто вам столько лет!

– Сколько? – с интересом спросила Ло, разглядывая в помутневшем зеркале холодную строгую аристократку, незнакомую и очень неприятную.

На вид леди в зеркале было лет тридцать, а то и тридцать пять. Восхитительно! Вот в этом Ло и пойдет знакомиться с местной прислугой.

– Много, – увильнула от ответа горничная. – А бирюзовое – нежное, шелк так и струится.
– Сделай мне пучок, как вчера, – велела Ло, садясь в потертое старое кресло с пыльной обивкой. – И... сколько в крепости женщин, кроме экономки? Молли, верно?

– Точно так, ваша светлость! – отрапортовала горничная. – Она и кухарка заодно. Ведает продуктами, бельем и всяким припасом. Еще есть Дагни, Торунн, Селина и Катиша. Катиша помогает на кухне, Селина убирает в комнатах его светлости и его дочери, стирает для них и шьет. Дагни и Торунн – солдатские прачки. Ну и это... – Нэнси слегка зарумянилась, – они еще для мужчин на всякие услуги горазды.

– Вольфгардки, что ли? – удивилась Ло северным именам.

– Ага. Вроде еще до войны приехали на заработки. Ой, миледи, а его светлость, оказывается, вместе с солдатами столуется! И дочка с ним, только для нее, понятное дело, что повкусней готовят – Молли старается...

Хорошая разведка – половина успеха в бою. Нэнси расчесывала и укладывала ей волосы, треща, как дюжина сорок, а Ло слушала, что в крепости после его светлости главный – сержант Тибальд Мерри. Все про всех знает, все может достать, и вообще, господину капитану – правая рука и вернейший друг-приятель. Есть еще один сержант – Малкольм Верзила, но тот молчун и мрачный, как кладбищенский ворон. Господин капитан уж на что сам суровый, но и он с Малкольмом не особо ладит, а с Тибальдом они после службы часто заглядывают – нет, не к девицам! Что вы такое говорите, миледи! – к лекарю Лестеру они заглядывают. Тот наливки делает и сам человек ученый, приятный, господин капитан с ним душой отдыхают... Ой, миледи, до чего у вас волосы густые, только короткие – жалость какая. Ну да ничего, отрастут!

А еще по жене он сильно тоскует. Уж как он тоскует – на редкость прямо! Они ж молодыми поженились и жили много лет душа в душу, а как пару лет назад госпожа Мари погибла, так его светлость, считай, и не улыбнулся ни разу. Разве что дочери. Вот в ней души не чаёт, балует, как может, ни в чем девице отказа нет. И так-то она девочка незлая, но больно уж взбалмошная, привыкла отцом крутить, как своей юбчонкой. А на мать похожа – прямо вылитая! Та тоже была рыженькая и круглолицая, что твое солнышко, – так Молли говорит. И нрава веселого... Да, миледи, уже заканчиваю. Только здесь еще заколю... Вот у его светлости одна отрада в жизни и осталась – госпожа Тильда. А про девиц даже и не думайте, миледи! Его светлость как вдовцом остался, так и ни-ни! Ни с прачками, ни в городе! Городок маленький, куда бы там утаить такое дело. Вот да, удивительно... Чтоб мужчина в самом соку два года жил отшельником!

А теперь все в крепости ждут, чего будет, потому что нрав у его светлости крутой, да видно, что миледи ему не уступает. Все уже знают, что его светлость вчера от нее ночевать в старую спальню ушел, да только гадают – почему? Ой нет, миледи, она, Нэнси, никому ничего! Да и не знает она, что сказать, даже если б хотела. Вот эти духи, миледи? А Селина спрашивает, не надо ли поменять белье в спальне его светлости – и явно неспроста спрашивает, хитрюга... А капитан – ой, вы знаете, как его за глаза-то зовут? Миледи не рассердится? Миледи такая добрая...

– Кирпич? – переспросила Ло, невольно впервые за утро улыбаясь. – А ведь подходит.

– И не говорите, миледи, – хихикнула Нэнси. – Ну вот, все готово. Только лучше бы все-таки бирюзовое! Кирпич там его светлость или целый горный утес, а чтоб мужчина после двухлетнего поста перед женщиной устоял, да еще законной женой, да в шелке-кружевах...

«Вот потому-то бирюзовому платью лучше остаться в сундуке, – мрачно подумала Ло. – Но кто бы мог и вправду подумать? Два года целомудрия? Или капитан очень умело и тихо устраивает свои постельные дела, или я слишком цинично думаю о мужчинах, и верная супружеская память все-таки существует. Но – у этого солдафона? У Кирпича? Вот уж кому точно подобрали прозвище, как вылитый...»

* * *

На заставу Эйнар уехал больше для того, чтобы дороге подумать в тишине и покое. Ну и остыть перед новой встречей с супругой, потому что полночи он провертелся, угрюмо перебирая все, что можно было сказать, да вовремя не пришло на язык. А теперь и говорить, может, не стоило? Все-таки три года им терпеть друг друга, и если леди придержит ядовитый язычок, то и он, Эйнар, как-нибудь повесит замок на рот. Спорить с женщиной – последнее дело. С собственной женой – вовсе позор. Никто тебя не тащил к алтарю под конвоем, капитан, и не подпаивал в трактире, как мальчишку-рекрута. Раньше надо было смотреть, с кем соглашаешься жить в горе и счастье.

Зато теперь, пожалуй, понятно, почему леди Ревенгар пришлось выходить замуж по королевскому сватовству за дурня, никогда в жизни ее прежде не выдавшего. Одного милого да скромного нрава хватило бы распугать полк женихов. А если леди притом небогата и на лицо с фигурой не особо хороша, то ей и вовсе стоит благодарить его величество за отцовскую заботу. Хоть такого мужа нашел.

Немолодой соловый жеребец шел ровно, дорога была знакома так, что Эйнар проехал бы по ней с закрытыми глазами, зная окрестности до малейшего кустика и сусличьей норы, которую хозяин уже законопатил на зиму перед тем, как уснуть. Хотя полной безопасности не бывает нигде и никогда, а уж в пограничных горах – и подавно. Особенно если несколько дней назад лично повесил пять прощелыг, у которых поблизости остались друзья и родичи. Но он всегда ездил на заставу в одиночку, и поступить иначе – показать, что Кирпича Рольфсона удалось припугнуть. Да и не поможет ничем пара солдат от обещанной стрелы в спину или камня из пращи. Вот знание, что за смерть королевского офицера деревню подожгут с четырех концов, – это помогает. Местный народ уважает только силу и жесткость, отец нынешнего короля хорошо это понимал, потому Дорвенант и продвинулся в горы так далеко.

А что уважает леди Ревенгар, боевая магичка, как ее там... Стальной Подснежник? Можно ли все-таки с ней договориться добром, как советовал Лестер?

Эйнара пробрал знобкий холодок, и совсем не от утреннего ветра. Имя Лестера потянуло за собой другое воспоминание – вчерашний морок, наглый и вкрадчивый гость без имени и лица. Что ему нужно? Может, Эйнар зря беспокоится о трех годах жизни с леди Ревенгар, если у нее такие враги?

«Она твоя жена, – угрюмо напомнил внутренний голос. – И вчера была права, между прочим. Ты поклялся перед богами, что никому не дашь ее в обиду. Можешь не любить, капитан, но защищать – изволь».

Вчерашний разговор с мороком ныл, как больной зуб. Во что его впутала женитьба на леди-магичке, за которой тянутся такие следы? Допустим, обвинением в том, что леди осталась в живых одна из всех, можно и пренебречь. Понятно, мужчины всегда будут прикрывать оказавшуюся с ними в бою женщину, маги они там или простые наемники. Может, и ценой своей жизни. А если такое дело, как подрыв заряда и спасение королевства доверили всего троим магам и в их числе женщине, то неумехой ее точно не назвать. Морок мог сказать правду, а мог и крутить, пользуясь тем, что Эйнар в магических делах разбирается, как его жеребец – в армейском уставе.

Но кое-что из сказанного мороком и впрямь можно проверить. Леди не носит перстня, который ей положен по форме, да и колдовать без него вроде несподручно. Во всяком случае, об этом должен знать Лестер, его и следует спросить сразу по возвращении. А еще морок сказал про хелайзиль. Вот это совсем паршиво, если его, Эйнара, жена балуется дурным зельем, от которого человек теряет рассудок быстро и безнадежно. Может, это и есть настоящая причина её ссылки? Нехорошо, если признанная героиня на глазах у народа превращается... Эйнар вспомнил, во что превращаются рабы хелайзиля, и невольно скривился от отвращения. Но по ней пока ничего похожего не видно. Зрачки обычные, говорит чисто и ясно, разве что бледная, как мертвец неупокоенный. Или как долго и тяжело болевший человек.

Ах, как хотелось поговорить с ней начистоту. Рассказать о проклятом мороке и спросить, какие старые счета леди тянут теперь лапы к их семье? Чего ждать, от чего защищаться? Но сердце чуяло, что спрашивать бесполезно. Не тот у леди нрав, чтобы довериться и просить помощи даже у законного мужа. Еще и съязвит что-нибудь. Мол, вы сначала, комендант, найдите, кто мне платье испортил, а уж потом ловите мороков... И ведь права будет, йотун поберет всю эту поганую историю.

Настроение испортилось окончательно. Эйнар чувствовал, будто с размаху наступил в клубок ядовитых змей, и теперь его сапоги жалют, пытаюсь прокусить, шипя, обвиваясь и хлеща хвостами. И вроде знаешь, что магической выделки кожа и ткань, из которой шьют форму и обувь офицерам, не по зубам даже крупной горной гадюке, так что штаны и сапоги – надежная защита, но сердце противно свербит – вдруг все-таки найдет слабое место? Или подскочит и укусит в открытое тело? А ведь морок будет поопаснее любых гадюк, даже соберись они со всего Драконьего хребта. Вчерашняя его болтовня – просто разведка и приглядывание к Эйнару. Проба успехов на зуб, так сказать. Даже о Мари не поленился узнать, тварь.

И выходит, что придется лезть в этот гадючий клубок голыми руками, потому что защиты от неизвестного врага у него попросту нет. Распутывать ядовитых кусачих тварей по одной, защищая себя, Тильду и, так уж получается, леди Ревенгар, которая сама даст урок любой гадюке. Какой она, к йотунам, Подснежник? И какая из нее жена? Дикие кошки не приручаются, хоть ты ее возьми из логова слепым котенком.

И снова Эйнару привиделась пронзительная, стылая тоска в блекло-серых глазах, смотрящих на солнце над Драконьим Хребтом, словно у приговоренного к казни, видящего небо в последний раз.

* * *

Хорошенько поразмыслив, Ло решила отложить знакомство с прислугой до возвращения коменданта. Нравы здесь, конечно, простые, но все равно этикет требует, чтобы домочадцев новой хозяйке представлял хозяин. Заодно и обговорит с ним самые нужные дела. Ремонт в спальне, например.

Поэтому Ло велела Нэнси подать наверх завтрак и непременно большую чашку шамьета. Она же пока закончит начатое позавчера письмо к Мелиссе. Пузырек с разлившимися чернилами Нэнси уже убрала, но у мэтра Тюбуи наверняка найдется еще. Стряпчий без пера и чернил – как солдат без оружия или целитель без лекарств.

И действительно, мэтр охотно предоставил в ее распоряжение собственный письменный прибор. Обмакивая в чернильницу прекрасно очиненное перо, Ло вздохнула. Она совершенно не представляла, что написать Мелиссе. Жаловаться младшей сестре на мужа? Глупо и некрасиво. Да и нет у нее пока особых причин для жалоб. Конечно, капитан Рольфсон ведет себя, как самый наглый и упрямый баран-солдафон из всех виденных Ло мужчин. Но, следует признать, ни за кого из них она не выходила замуж, так что неизвестно, как на его месте вели бы себя другие. А учитывая характер самой Ло, у капитана тоже есть причины быть недовольным. Вот ведь не повезло им друг с другом.

И потому в письме к Мелиссе Ло не лгала, она всего лишь очень сдержанно описала своего мужа, упирая на его прекрасные качества как коменданта крепости. О да, подчиненные его уважают и отзываются о нем с неизменным почтением!

Ясный образ кирпичика стоял перед глазами, норовя прорваться в строки письма, и Ло нервно хихикнула, продолжая.

Пусть Мелисса не сомневается, ее сестра здесь окружена вниманием и радушием, ей не дают скучать, а свадебный наряд произвел на гостей ошеломляющее впечатление! Описывать брачную ночь она, разумеется, не вправе из соображений стыдливости, но пусть Мелли поверит, что таковая превзошла самые смелые ее, Лавинии, ожидания. И вообще семейная жизнь с капитаном Рольфсоном обещает быть крайне увлекательной!

Ло снова хихикнула, представляя, как придворные дамы, терзаемые любопытством, заставляют Мелли читать письмо вслух. Вот Маркус бы непременно обеспокоился таким напыщенным слогом, справедливо уловив скрытые за ним издевки. Но Маркус ее хорошо знает, а Мелли впечатлительна и наивна. Ни к чему ей переживать за сестру. Леди Лавиния Ревенгар счастлива в браке. И неизмеримо благодарна его величеству! Можно не сомневаться, что ему это передадут...

Письмо к Мелиссе исчерпало ее и без того скудный запас хорошего настроения настолько, что второе – к Маркусу – Лавиния решила отложить. Завтрак, принесенный Нэнси, уже успел остыть, но главное, что на подносе исходила ароматным паром чашка шамьета – восхитительного, густого, черного как смоль шамьета. Ло пригубила его, заранее шурясь от удовольствия... Покатала глоток жидкости во рту... Проглотила – не плевать же. И протянула чашку Нэнси, коротко велев:

– Попробуй.

Недоуменно хлопающая ресницами горничная послушно отпила и скривилась.

– Миледи... Да что же это...

– Кто готовил завтрак? – с интересом спросила Ло.

– Не... не знаю, миледи! То есть Молли готовила! Только я рядом стояла, она ничего... ничего такого...

– Я тоже думаю, что у экономки хватило бы ума не сыпать при тебе в шамьет соль, – согласилась Ло. – Вспоминай, Нэнси. Кто еще там был? Тильда была?

– Нет, – почти разочарованно помотала головой Нэнси. – Честное слово, миледи, госпожи Тильды и близко не было. Катиша была. Так она к шамьету и близко не подходила. Молли сама его варила, сама пряностями заправляла и медом...

– Медом и пряностями, – задумчиво повторила Ло. – Ладно... на кухне не вздумай ляпнуть про соль, поняла? Спросят про завтрак – скажи, что миледи понравилось. Очень понравилось, ясно?

– Ясно... а зачем?

– Посмотришь, удивятся или нет, – терпеливо объяснила Ло, и девчонка, сообразив, разулыбалась.

– Понятно, миледи. Не извольте беспокоиться! Ой, а все-таки кто же вас невзлюбил так здесь? Сначала платье, теперь вот это...

Ло пожалала плечами. Наверное, она должна была разозлиться. Этого от нее ждали, подленько покусывая исподтишка. Но делать то, что от тебя ожидает противник, не будет ни один вменяемый боевой маг. Она должна была устроить скандал из-за соленого, как солдатская ветчина, шамьета? Не дождетесь. И это не слабость, а ее ответный ход.

Отставив чашку, Ло попробовала молочную овсяную кашу с копченым сыром. Восхитительно! Гренки румяные, хрустящие, но поджаренные как раз в меру. Черничный джем, который она лизнула с некоторой опаской, можно было смело подавать к королевскому столу. Значит, только шамьет... Интересно, куда заранее насыпали соль, в мед или в специи? Глупая маленькая война, которую все равно нельзя спускать с рук. Жаловаться коменданту бесполезно, разумеется.

С удовольствием позавтракав, тем более что время близилось к обеду, Ло запечатала письмо и велела Нэнси отдать его мэтру Тюбуи лично в руки. Нигде не оставлять! Проникшая почти военным положением девчонка клятвенно пообещала. А Ло, услышав цокот копыт по плитам, подошла к окну. Ага... Капитан Рольфсон, ее законный и благоверный Кирпич! Надо думать, на заставе все в порядке, раз так быстро обернулся.

Спешившись, капитан сам повел жеребца в конюшню, а Ло, прихватив злополучный шамьет, поспешила из комнаты, рассчитав, что времени ей как раз хватит, чтобы встретить супруга внизу.

Разумеется, она успела вовремя. Рольфсон, запыленный и очень мрачный – впрочем, это явно было его обычным состоянием – вошел в зал на первом этаже и с недоумением взглянул на Ло, будто не понимая, что она здесь делает.

Ло улыбнулась. Слегка и почти искренне. Во всяком случае, старательно. Поставив чашку на стол, сделала реверанс. Капитан сдержанно поклонился в ответ.

– Доброго дня, милорд.

– И вам, миледи.

Капитан оглядел ее с ног до головы, настороженно прищурился. Процедил:

– Благодарю, что учли мои пожелания насчет одежды.

Ло промолчала, что вообще-то рассчитывает носить и штаны тоже, когда сочтет это нужным. Ладно, не сейчас. Видит Пресветлый Воин, их общий с капитаном покровитель, она старается.

– Папа, ты вернулся!

Рыжекосый красно-коричневый вихрь слетел с лестницы, пронесся мимо нее и повис на капитане, отработанным движением подхватившем дочь. Обняв отца за шею, Тильда болтала ногами, а у Рольфсона вдруг сделалось совершенно человеческое лицо. Открытое, почти мягкое... На Ло он, конечно, не смотрел, уткнувшись подбородком в рыжую макушку с плохо заплетенными косами. Ло еще успела подумать, что надо бы научить девчонку плести что-то красивее. А если сама не сможет, то Ло даст пару уроков прислуге...

И тут она увидела пятна. На полосатой юбке явно любимого платья, из которого Тильда так и не вылезала третий день, у края подола красовались темно-синие пятна, незаметные раньше, но сейчас, когда девчонка повисла на отце...

– Капитан, – очень мягко позвала Ло, почти жалея, что разрушает такую семейную идиллию, – могу я задать вопрос вашей дочери?

Рольфсон непонимающе глянул на нее поверх головы Тильды и опустил девчонку на пол. Стукнули деревянные подметки ее башмачков.

– Тильда, дорогая, – сказала Ло так же ровно, чувствуя азарт охотника, на выстрел к которому вышла вожденная дичь. – В чем испачкано ваше платье? Во-о-он там, на подоле...

Девчонка глянула на подол. На Ло. На отца. Рольфсон нахмурился. Да уж, дураком он точно не был.

– Не знаю... – голосок Тильды был жалобным и умилительно-звонким, такой бы девочке года на три помладше.

– Правда не знаете? – ласково переспросила Ло. – А мне кажется, очень похоже на чернила.

Замерев, Тильда снова бросила на отца взгляд, в котором Ло почудилось что-то неправильное. Слишком... много испуга? А губы плотно сжаты. И испуг, которым прямо светилось веснушчатое личико Тильды, вдруг показался на нем совсем лишним, неправильным, как соль в шамьете...

– Тильда... – глухо сказал Рольфсон, глядя на дочь. – Послушай...

Да, его было почти жалко. И даже без почти. Его-то Ло понимала.

– Я вспомнила! – вдруг вскрикнула Тильда, всплескивая руками, как плохая провинциальная актриска в трагической роли. – Я... Папа, это черника! Я помогала Молли перебирать чернику! Она... Она сказала, что миледи понравился джем... Папа, я... я только хотела ей угодить! Я хотела угодить миледи, чтобы она на меня не злилась! Я... я... Папа, почему она меня во всем обвиняет? Во всем!

Скривив лицо, она снова кинулась к отцу, обнимая его, прячась на груди, всхлипывая громко и на вкус Ло бездарно фальшиво, но это уже было неважно. Онемев от возмущения, Ло встретила пристальный, почти ненавидящий взгляд капитана и поняла, что совершила чудовищную ошибку – недооценила противника. Дура! Надменная ты дура, Ло Ревенгар! Пятна

совсем свежие! И намазаны так, чтобы ты их точно заметила! И подставилась, все-таки представ злобной мачехой. Ах, как же хорошо, что Ло промолчала насчет шамьета, наверняка и это было предусмотрено. Браво, леди Тильда, маленькая дрянь... туше!

– Миледи... – голос капитана был, как валун, пару столетий пролежавший на берегу северного моря, тяжелый и источающий холод. – Извольте оставить мою дочь в покое.

– Разумеется, – процедила Ло, в бессильной злости смотря, как Рольфсон гладит мерзавку по голове, бережно отстраняет и идет мимо Ло к лестнице наверх. – Капитан!

Он оглянулся. Глянул на нее угрюмо, и было понятно, что ничего не выйдет, но Ло все-таки надеялась. Нельзя же быть таким болваном! Ладно, пусть он слеп, глух и теряет рассудок, когда дело касается мелкой наглой паршивки, но в других-то вопросах должен проявлять признаки разума?

– Капитан, когда вы представите мне прислугу крепости? – насколько могла спокойно спросила Ло. – Как ваша жена я должна заниматься хозяйством.

По каменным скулам прокатились желваки. Рольфсон нехорошо прищурился, в упор рассматривая Ло, и она вдруг почувствовала себя совершенно беспомощной. Нет уж! Она в своем праве! И пусть серое платье ничуть не похоже на мундир королевского боевого мага, но положенного ей по закону Ло не уступит. Возможно, и Рольфсон что-то прочел по ее глазам, потому что уронил едва ли не с отвращением:

– Что касается хозяйства, крепость и люди в вашем распоряжении. Занимайтесь, чем хотите.

– То есть... сама? – недоуменно воззрилась на него Ло. – Вы не хотите дать вашей экономке и слугам распоряжение мне подчиняться? Обсудить самые первостепенные дела? Вы здесь комендант и мой супруг!

– Супруг, а не нянька, – отрубил Рольфсон. – А если понадобится как комендант, то, надеюсь, по серьезному делу.

Онемев, Ло смотрела, как он уходит вверх по лестнице. Тильда, побежавшая было за отцом, вдруг остановилась. Дождалась, пока Рольфсон поднимется и свернет за угол, издевательски улыбнулась Ло и сделала реверанс, низко присев и держа пальчиками испачканную юбку. А потом вприпрыжку кинулась вслед капитану.

– Хорошо... – медленно и тихо сказала Ло, прикрыв глаза.

Что там говорили целители, не нервничать? О, конечно, она не нервничает. Она в бешенстве. И это тоже неплохо, потому что спина почти перестала болеть, а мысли стали четкими и ясными.

– Хорошо... – повторила Ло, прикидывая, с чего начать знакомство с крепостью. – Как скажете, дорогой супруг.

Сделав шаг назад, к столу, она не глядя протянула руку, но чашки там не было.

– Простите, – сконфуженно отозвался сержант Мерри, лучший приятель ее мужа. – Так это ваш шамьет? Мои извинения, леди.

– О, что вы! – лучезарно улыбнулась Ло. – Угощайтесь, сержант! Попробуйте-попробуйте...

Мерри, не сводя с нее подозрительного взгляда – а хорошее у него чутье – осторожно пригубил, закашлялся, воззрился на шамьет, потом на Ло.

– Нравится? – участливо спросила она. – Интересный рецепт, правда?

– Не то слово! – выразительно сказал сержант. – Это так в столице пьют, миледи?

– Да нет, – усмехнулась Ло, подходя и забирая у него чашку. – У вас в крепости. И готова поставить свое приданое против вашего жалования за день, что самое интересное только начинается.

ГЛАВА 10. Леди не торгуются?

Теперь Эйнар отчетливо понимал то, что по капле просачивалось в его мысли последние несколько месяцев: из него вышел препаршивый отец. Да, он любил Тильду истово, как только можно любить единственную дочь и память о любимой женщине, но совершенно не понимал, что с ней делать. Детей следует воспитывать, иногда им нужна строгость, а не только ласка, но Эйнар не мог заставить себя прикрикнуть на Тильду или наказать ее, даже когда это было нужно.

После смерти Мари Тильда надолго замкнулась, спрятавшись в молчании, сидела в ее комнате, перебирала вещи матери, засыпала только в обнимку с их любимой кошкой-трехцветкой, уже старой и облезлой Нисси. Эйнар, сам света не видевший, а ведь на нем была теперь вся крепость, не знал, что и делать. Но постепенно Тильда оттаяла, снова начала улыбаться, а главное – привязалась к нему, как никогда. Бегала следом хвостиком, при каждом удобном и неудобном моменте замирала рядом, вцепившись в руку, и даже попыталась было напроситься к нему спать, но тут уж Эйнар решительно воспротивился – совсем ведь взрослая девица, скоро заневестится!

А вот что с нею делать – он не знал. И иной раз, молча кляня собственную слабость, подлю сожалел, что Мари оставила ему не сына. С мальчишкой он бы знал, как управиться! Брал бы с собой везде, учил ездить на лошади, читать следы и драться любым оружием или голыми руками. Мальчишку он научил бы плавать и нырять, ловить рыбу в быстрых горных ручьях, разводить костер в любую погоду, мастерить воинский припас и добывать зверя. Да мало ли вещей, которым мужчина может и должен научить сына!

Тильда была девочкой. Да, она с радостью ездил с ним на прогулки и неплохо держалась в седле. Умела подбить брошенным ножом суслика, а потом разделать его и пожарить на костре, могла заварить питье из горных трав или угадать погоду на будущий день по облакам, ветру и закату. Но при всем этом она была девочкой, и Эйнар смертельно боялся, что она сломает себе что-нибудь, отобьет или застудит. Девочка – будущая жена и мать, ее должно растить как хозяйку дома, а что в этом понимает Эйнар?

Тильда не хотела учиться хозяйству. Мари не выпускала из рук рукоделья, и рядом с ней Тильда привыкла управляться с иглой и спицами, но теперь корзина с разноцветными мотками пряжи и недошитыми детскими одежками стояла в самом дальнем углу спальни. На неумело лукавые просьбы Эйнара что-то зашить или залатать, Тильда мрачнела, сжимала губы и относилась к Селине. Готовить она тоже терпеть не могла, как бы ни пыталась Молли пристроить ее к кухне. Кое-как научилась печь любимые лепешки Эйнара, да и то по праздникам.

И самое паршивое, что заставить Тильду заниматься чем-то полезным и пристойным для девицы было невозможно. Уговоры и приказы не помогали, лишать ее сладостей оказалось бесполезно, развлечений в крепости и так не случалось, а выпороть – рука не поднималась. Если Матильда Рольфсон что-то вбивала себе в голову, вытряхнуть это оттуда было все равно, что убедить kota жрать овес вместо мяса.

А теперь его любимая, но упрямая, как ослица, дочь решила, что леди Ревенгар – ее враг. И Эйнар ее даже понимал, но что было делать ему, попавшему между двух жерновов? Понятно, что леди, привыкшая к уважению и послушанию, видит в его дочери дерзкую девчонку, которую нужно прибрать к рукам. Само собой, Тильда тоже невзлюбила пришлую женщину, занявшую место ее матери. А виноват во всем, как ни крути, Эйнар.

Поднявшись вверх, он окликнул Тильду и подождал, пока она послушно зашла вслед за ним в спальню Мари. Приданое леди, еще не разобранный, так и стояло в коробах, а горничная возилась с одним из них, доставая вещи. Эйнар указал ей глазами на дверь, и понятливая девица, торопливо присев в реверансе, выскочила из комнаты. Вот и еще забота, кстати. Если они с леди разойдутся по разным спальням, вещи следует отнести в бывшую спальню Эйнара. А он останется здесь.

– Тиль, – начал он, осторожно подбирая слова и стараясь глядеть на дочь поласковее. – С чего ты взяла, что леди Ревенгар на тебя злится? Она с тобой вроде и пары слов не сказала.

– Потому что она злая, – с полным убеждением отозвалась Тильда, крутя в пальцах кожаную кисточку пояса и уставившись в пол. – Папа, зачем она нам?

Эйнар смотрел на дочь, и ему было почти страшно, как сильно она становится похожа на Мари, входя в пору девичества. Разве что рост от него. Мари была невысокой и кругленькой, особенно после рождения Тильды, а дочь уже сейчас ее обогнала, и видно, что еще вытянется. Однако знакомый прищур ярко-зеленых глаз, овал лица, еще по-детски круглого, но уже с изящно вырезанными скулами и подбородком, губы... У него растет красивая девочка, взявшая от обоих родителей самое лучшее. Еще бы ей побольше мягкости матери, а не упрямства отца...

– Тиль, – терпеливо повторил он, – послушай, так уж получилось. Леди Ревенгар выдал за меня замуж сам король. Это огромная честь, милая. Леди древнего рода, она настоящая дворянка. И ты теперь тоже станешь истинной леди. Поедешь в столицу и выйдешь замуж за благородного мужчину.

– Не хочу замуж! – с ненавистью выдохнула Тильда, терзая пояс. – Не хочу в столицу! Ничего не хочу! Пусть она уедет. Папа, прошу тебя...

– Тиль, ты еще дитя...

Эйнар осекся, понимая, что сглупил с последним доводом. Скажи ему кто в двенадцать, когда считаешь себя уже взрослым, что он ребенок, – Эйнар и слушать бы дальше не стал.

– Но вот-вот станешь девушкой на выданье, – поправился он. – Что тебе делать здесь, в горах? Разве ты не хочешь увидеть Дорвенну? У тебя там найдутся подруги, а молодые люди будут ухаживать за тобой. Но для этого ты должна стать настоящей дворянкой, милая.

«Только вот забудут ли эти молодые люди, глядя на герб твоей мачехи, что ты дочь солдата и внучка мельника? – пронзила Эйнара острая беспощадная мысль. – Не погубил ли я тебя, замахнувшись в мечтах слишком высоко? Могут ли крылья поднять в небо того, кто не был с ними рожден?»

– А я не хочу становиться дворянкой, – еще злее процедила Тильда. – Не хочу становиться, как она. Ходит, кривится, будто жабу съела, смотрит на всех, как на грязь под ногами. Не хочу! И мамину комнату она заняла!

– Тильда, не дури! Ну стоит там несколько ящиков – и что? – начал злиться Эйнар. – Заберет их в большую спальню. А тебе не мешает быть повежливее. Лучше поучилась бы у леди манерам, тебе это пригодится.

– Манеры? – фыркнула Тильда, вскидывая голову. – Фу-ты, ну-ты! А Молли говорит, что она дурная женщина! И Селина! И все говорят! Потому что у нее платьев дюжина коробов, а замуж пошла в мужской одежде. И простыню никому не показали. Папа... а зачем показывать простыню?

– Тильда!

Эйнар с отчаяньем понял, что краснеет. Ну вот почему эти болтливые дуры, раз уж и без того наболтали лишнего, не объяснили заодно девочке то, что должны объяснять женщины, а не мужчина? Небось, трепали языками на кухне, а Тильда подслушивала. Потом спохватились. И да, ей давно пора знать такие вещи, только мужики при дочери капитана держат рот на замке, боясь даже ругнуться – знают, что никому мало не покажется. А женщины просто не думают, что девочка растет без матери, и то, что им известно чуть ли не с рождения, ей некому было сказать.

– Тильда, – с усилием повторил он, – вот такие вещи тебе и должна бы объяснять...

Как ее назвать? Не матушкой же! И не мачехой – совсем непочтительно.

– Леди! – выкрутился он. – И про простыню, и про девичью честь, и про манеры. И про то, о чем можно говорить с мужчинами, а о чем – нет.

– Ты не мужчина, – резонно заметила Тильда. – Ты же мой отец. А она – дура. И злая. И дурная женщина.

– Я Молли и Селине языки оторву, – угрюмо пообещал Эйнар, понимая, что не вывешенная по обычаю простыня – это еще тот капкан.

Сейчас они додумались до самого простого и грязного объяснения, а когда узнают, что Эйнар с леди ночуют в разных спальнях – невесть до чего додумаются! И ведь Тильду от этого никак не уберечь. Ох, легче того же kota не только овес научить жрать, но еще ходить строем и честь отдавать – чем заставить женщин молчать.

Тильда молча подошла к нему, сидящему на постели, ближе, обняла, положив голову на плечо. Эйнар вдохнул ее запах. От дочери пахло полынью, печеным хлебом – то-то на кухне сидела, свежие лепешки караулила – и собаками.

– Тиль, опять на псарню полезла? – упрекнул он, ловя редкий момент близости, как затишь перед бурей. – Я тебе сколько раз говорил? Без меня или Тибальда – ни ногой. Там волкодавы!

– У Майры щенки... – виновато отозвалась дочь, уткнувшись ему в плечо. – Хорошенькие такие! Можно я одного себе возьму, насовсем? Папа, пожалуйста!

– Посмотрим, – буркнул Эйнар. – Они еще маленькие. И без меня не ходи. Райда вот-вот загуляет, кобели взбесятся. И, Тиль... извинись перед леди, слышишь? Она вовсе не злая. Вот узнаешь ее получше...

– Не буду!

Тильда отпрыгнула от него, как кошка. Сверкнула яростно глазами, задрала подбородок. Уже совсем не Мари! А вылитый он сам в ее возрасте, дурак и осел!

– Извиняться? Перед этой белобрысой? Ни за что! Пусть убирается в свою столицу и там в штанах ходит, чтоб на нее мужики слюни пускали!

– Тиль! Не смей!

Снова фыркнув, Тильда вылетела за дверь как ошпаренная. Простучала туфлями по полу коридора. Эйнар закусил губу, наливаясь гневом. А вот это уже серьезно. Это она не своими словами говорит ведь! Молли, значит. Селина... Ну и все остальные? А если болтают женщины, то и мужчины заговорят – на это много времени не надо. И что делать? Пороть дур? Выгнать из крепости особо языкастую? Только вот без Молли в хозяйстве никак не обойтись, на ней оно все и держится.

Эйнар бессильно врезал сжатым кулаком по кровати рядом с собой. Он-то думал, что самая серьезная опасность – злоязыкий морок! А тут без всякой магии скоро на стену полезешь! И какого йотуна он, дурень, отправил леди Ревенгар одну к этим трепливым мерзавкам! Не дай Пресветлый, они чего ляпнут – ему же потом стыда за своих людей не обернуться будет! Леди-то права, ему надо было поступить, как... да как коменданту, представляющему своих людей новому офицеру! И неважно, что там у них за семейные дразги, чужие языки в такое мешаться не должны. Сегодня кухарки и полумойки не уважают его жену, а завтра – и самого Эйнара!

Он тяжело поднялся, гадая, успеет ли исправить то, что сам же и устроил. И, уже выходя в коридор, понял, что не успел.

– Ваша милость! Ваша милость!

Молли мчалась к его комнатам так быстро, что цветастая юбка моталась вокруг ног, а деревянные подметки башмаков гулко вбивались в пол под немалым весом экономки.

– Ваша милость, – запыхавшись, проговорила она, останавливаясь перед Эйнаром и упирая руки в бока. – Это что же такое! Меня, честную женщину, в воровстве обвинять? Да я! Да я ночами не сплю! Думаю, как бы повкуснее да посытнее всех накормить! А меня... она... Какая-то...

Она все-таки осеклась. Застыла, глядя в лицо Эйнара, хлопая хитрыми круглыми глазами и явно жалея о том, что слетело с языка.

«Распустились! – холодно и очень зло подумал Эйнар. – Решили, что сойдет с рук вообще все, как сошло испорченное платье, будь оно неладно. Ну, сами виноваты».

– В чем тебя обвинили, Молли? – сказал он тихо и так четко, что кухарка, не сводя глаз с его лица, сглотнула и слегка попятилась. – И кто? А то я не расслышал.

– Так... леди же... – пискнула Молли.

– Моя супруга? – уточнил Эйнар так же тяжело и спокойно. – Ее светлость леди Ревенгар? Ну что ж, пойдем, разберемся.

* * *

Приходно-расходные книги – на диво интересное чтение. Конечно, для тех, кто в этом понимает. Ло терпеть не могла денежные дела, но поневоле в них разбиралась. Лет с двенадцати, когда погиб отец, а следом тихо угасла матушка, управление домом легло на Ло почти полностью, несмотря на обучение в Академии – отчеты управляющего исправно приносили туда, так что она до сих пор помнила, сколько стоит прочистка дымоходов и сколько фунтов говядины следует закупать в месяц. От этих обязанностей ее не освободила даже война, потому что в опустевшем особняке Ревенгаров осталась Мелисса со слугами. А за управителем, даже самым честным и преданным, нужно приглядывать. Ему самому так спокойнее – нет лишних искушений.

Потом Мелли уехала покорять двор, и Ло велела закрыть особняк, оставив только пару сторожей, а слуг отослала в последнее сохранившееся поместье Ревенгаров, так на их содержание требовалось куда меньше средств. Экономить она умела на всем и знала, что ей придется делать это очень долго. Скорее всего – всю жизнь. И даже перестала злиться на это. А теперь вот получалось, что к одному требующему внимания хозяйству добавилось другое, с неминуемыми хлопотами. И неизвестно еще, помощью или обузой станет ей муж. Ло поставила бы на второе.

В кабинет, где хранились денежные книги крепости, ее, разумеется, никто не впустил. Ло с интересом оглядела соседнюю комнату, служившую складом всяких нужных мелочей от писчей бумаги до кожаных шнурков и ремней. На одной полке робко теснились книги. Подойдя к ним и проведя пальцами по серым от пыли корешкам, Ло поморщилась. Школярское «Жизнеописание славных королей и королев Дорвенанта», «Хроники Дорвенанта, Фраганы и сопредельных земель», «Устав солдатской службы», «Честных девиц и жен книга, составленная к удовольствию их и вразумлению», еще что-то по хозяйству. Внезапно – руководство для разведения породистых собак. А, вот и три-четыре романа с приключениями, старые, читанные Ло еще в Академии. Тоска... Может, у лекаря что-нибудь найдется? Не то чтобы у нее предвиделось очень много свободного времени, но ведь грядет зима.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.